

Д 890(2)
Р 893

Русские дороги в Америку

ООО "Капитаны"

2007 год

Русские дороги в Америку

Сборник

01072831

Абонемент

Магаданская
областная библиотека
им. А.С.Пушкина

ООО "Капитаны"

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
В. Ленденев	Предисловие 5
В. Ленденев	Петровская параллель - 60° северной широты 8
Е. Дикаркина	С.П. Крашенинников и его вклад в великую северную экспедицию 73
А. Мерзляков	Романтики Севера. Судьба Василия и Татьяны Прончищевых 84
О. Мерзлякова	Великий мореплаватель из рода Чириковых 92
М. Фадеева	Г. Стеллер и его вклад в Великую северную экспедицию 99
Т. Мерзлякова	Бот «Святой архангел Гавриил» - участник Великих северных экспедиций 108
А. Гурин	Князь и капитан (эссе) 120
Н. Охотина-Линд	Капитан-командорша. Сибирская экспедиция Анны Кристины Беринг 136
А. Козлов	Путешествие Якова Линденау 153
И. Подшивалов	Семья финских сибиряков 162
Н. Кочешков	Этнографические труды Якова Ивановича Линденау 168
С. Марков	Гаврила Пушкарев в Америке 174
С. Марков	«День ярости и гнева» 177
И. Подшивалов	Загадка одной фамилии 180
С. Марков	Ангарский отшельник Яков Линденау 186
В. Ленденев	Память сердца 190
В. Ленденев	Переводчик командора Беринга 204
Х. Милке	Граф Карл фон Линденау родился в Махерне 250 лет тому назад: юбилейная дата 2005 г. 232
В. Ленденев	На всех фронтах и на берегах Америки 242

*О составителе сборника
и авторе ряда материалов*

Валерий Сергеевич Ленденев родился 1 августа 1945 г. в Иркутской области, окончил Иркутский институт народного хозяйства в 1973 г. Работал в системе МВД, на предприятиях Министерства среднего машиностроения. С 1998 г. - директор ООО «Наша городская газета» в г. Новоуральске.

Пишет давно, публикуется с 1977 г.

Предисловие

В жизни общества всегда действуют одновременно начала объединяющие и разъединяющие. И одним из главных начал, объединяющих людей, является, на мой взгляд, историческая память. И чем она глубже, то есть чем из более далеких, древних слоев времени доходит до нас какой-то исторический факт, тем больше его объединяющая сила. Почему? Думаю, потому, что чем дальше от нас во времени отстоит событие, тем явственнее и отчетливее видно его главное значение для дальнейшей истории. То есть время отсеивает и стирает из памяти все сопутствующее, несущественное, неоднозначное, неизбежное, то, что мы называем повседневной жизнью.

К сожалению, жизнь на Руси была такая тяжелая, что практически все памятные даты так или иначе связаны

с войнами, со сражениями. Достаточно вспомнить события 1612 года, которые мы сейчас отмечаем как День народного единства. Хотя, были, конечно, и другие события, например: крещение Руси, первая русская печатная книга, учреждение Российской академии наук, отмена крепостного права, полет в космос Юрия Гагарина...

А наука начала широко развиваться в России только при Петре I. И это развитие было бы немыслимо, если бы он не сделал своеобразный и дальновидный шаг - не пригласил бы ученых из западно-европейских стран. Там был полный интернационал: и шведы, и голландцы, и немцы, и французы, и англичане, и сербы, и финны. Петр I четко осознал, что бескрайние просторы, лежащие за Уралом, надо узнать и в буквальном смысле разбудить, иначе Россия их может просто потерять. Поняв это, он дал указание снарядить Первую Камчатскую экспедицию, назначил ее руководителем Витуса Беринга и за две недели до своей смерти благословил ее в дальний путь. И хотя Петра вскоре не стало, но его почин оказался столь нужным России, настолько отвечал ее государственным интересам, что его продолжили и те, кто занимал трон после Петра I. Преодолевая огромные расстояния, работая более 20 лет, экспедиции выполняли поставленные задачи.

Попробуйте только представить, как люди смогли пешком дойти от Санкт-Петербурга до Камчатки! Причем не только шли сами, но еще и везли на лошадях всевозможное снаряжение и провиант - все то, без чего им было не обойтись в далеких краях и в течение длительного времени. Например, Первая Камчатская экспедиция добралась от Петербурга до берега Охотского моря примерно за три года. Поэтому просто дойти и притащить, привезти с собой муку, гвозди, якорные цепи и многое другое - это уже был подвиг! А предстояло

еще обосноваться, обустроиться на месте и проводить научные исследования. С этими обозами пришли ученые люди и выполнили поручение государя. Но и по дороге они не теряли времени даром: на всем своем длинном пути они организовали 52 метеорологических станции, и что удивительно, почти все из них действуют и поныне! Это говорит о том, насколько удачно и правильно были выбраны точки для метеонаблюдений, что их показания востребованы и сегодня.

Великая Северная экспедиция является самым крупным исследовательским проектом в истории человечества. Ее результатом явилось расширение владений Российской империи на три части света: Европу, Азию и Америку.

По своим научным результатам северные экспедиции являются по-настоящему Великими. Выше их по значению можно поставить только экспедиции в космос.

Валерий ЛЕНДЕНЕВ

ПЕТРОВСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ - 60° СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ

I. Соединяется или нет Азия с Америкой?

Летом 2006 года исполнилось 260 лет со дня официального завершения Великой Северной Экспедиции (ВСЭ) 1725 - 1746 гг., в том числе и Второй камчатской экспедиции (ВКЭ). Еще остававшиеся в Сибири и на Дальнем Востоке их участники были вызваны в Санкт-Петербург (С.П.) в Академию наук (СПАН).

12 августа 2006 года исполнилось 325 лет со дня рождения руководителя ВСЭ Витуса Беринга, а 8 декабря 2006 года - 265 лет со дня его гибели на суровом острове, носящем сегодня его имя.

2006-й год примечателен множеством различных замечательных и скорбных круглых дат, связанных с ВСЭ, с судьбами более чем двух тысяч ее участников: ученых, моряков, офицеров и солдат, казаков, мастеровых, крестьян и работных людей.

Даже по сегодняшним меркам ВСЭ - грандиознейший, единственный в мире имевший место подобный реализованный проект - "эпоха в изучении земного шара. Открытия в северной части Тихого океана, включая Японию, перечеркнули картины, составленные учеными, занимавшими видное положение в СПАН. Это столь поразило кабинетных географов, что морякам было приказано предпринять новые изыскания, чтобы уничтожить возникшие сомнения". (Норденштельд А.Э.)

Кто же был носителем идеи, инициатором ВСЭ?

Соединяется или нет Азия с Америкой? С этим вопросом и просьбой снарядить экспедицию впервые обратились к Петру-I голландские ученые во время его

пребывания в Голландии. В 1717 году ту же просьбу к Петру повторила и Парижская академия наук. Отзывчивый преобразователь сочувственно отнесся к их просьбе, но политические события заставили его отложить выполнение этого дела до 1725 года.

23 декабря 1724 г. он собственноручно написал следующую инструкцию для начальника экспедиции Витуса Беринга: "1) надлежит на

Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами, 2) на оных ботах возле земли, которая идет на Норд и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется та земля часть Америка, 3) для того искать, где она сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города европейских владений или ежели увидят какой корабль европейской проведать от него, как оный куст называют и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и поставя на карту приезжать сюды".

Сохранился интересный рассказ "механика и токарного искусства учителя" А. К. Нартова, впоследствии опубликованный в "Записках Академии наук": "В начале января 1725 года, в самый тот месяц, когда судьбою всевышнего определен был конец жития Петра Великого, и когда уже его величество чувствовал в теле своем болезненные припадки, все еще неутомимый дух его

Петр I Алексеевич (1672-1725)
российский царь 1682-1721 гг.,
российский император 1721-1725 гг.

трудился о пользе и славе отечества,- ибо он сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской экспедиции, которая должна была проводить и отыскивать мореходством того, не соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкой... Я, будучи тогда беспрестанно при государе, видел сам своими глазами, как его величество спешил сочинять наставления такого важного предприятия, будто бы предвидя скорую кончину свою, и как он был спокоен и доволен, когда окончил. Призванному к себе генерал-адмиралу, вручив наставление, говорил следующее: "Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем слышал я от ученых людей, что обретение возможно. Огради отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства через искусство и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских".

Стоит вспомнить, что до этой поры дальше всех по нынешнему Северному морскому пути (СМП) пробивались голландские экспедиции, руководимые Вильгельмом Баренцем. Они обошли Новую Землю и вышли в Карское море.

Во время третьей экспедиции Баренц погиб и был похоронен на берегу Новой Земли 20 июля 1597 года. В память о нем названо известное море.

Император Петр-I, конечно же, знал и об открытиях русских землепроходцев конца XVI- XVII веков: Василия Бугра, Василия Пояркова, Ерофея Хабарова, Михаила Стадухина и многих-многих других и, безусловно, Се-

мена Дежнева, прошедшего на своих кочах проливом между Азией и Америкой в 1648 году. Но та информация в свое время не была документально зафиксирована и систематизирована и не описана ни картографически, ни словесно.

К середине XVII столетия Сибирь уже обживалась русскими людьми. Были основаны и развивались Тобольск, Мангазей, Сургут, Енисейск, Якутск, Иркутск, Албазинская крепость на Амуре, остроги Илимский, Киренский, Усть-Кутский, Верхоленинский, Верхнеколымский, Нижнеколымский, Ольский (близ г.Магадана), Охотский, Большерецкий, Нижнекамчатский и еще более десятка других.

Однако все русские землепроходцы, в том числе и мореходы XVII века, совершали свои походы (экспедиции) пешим способом. По пути на берегах рек строили легкие суда и на них по рекам и их притокам, протокам и озерам продвигались далеко на Восток.

Петр-I, учтя опыт землепроходцев, изучив документы по экспедициям В.Баренца, сделал соответствующее напутствие В.Берингу буквально за пару недель до своей смерти (он умер 28 января 1725 г.).

По рекомендации адмиралтейства Петр-I утвердил начальником экспедиции капитана I ранга Витуса Беринга.

Гавань Охотска. Гравюра XVIII в.

Витус Беринг (1681-1741)

24 января 1725 года выехал из Петербурга спутник Беринга - Алексей Чириков со своей командой. 8 февраля прибыл он в Вологду, где через неделю к нему присоединился Беринг с другими членами экспедиции. Число всех чиновников в экспедиции, как отправленных из Петербурга, так и присоединившихся в Тобольске и Охотске, простиралось до 100 человек, не

считая привлекаемых для работ по пути следования. Из них, как более выдающихся и оставших свои "журналы", следует назвать, кроме упомянутого лейтенанта Алексея Чирикова, гардемарина, впоследствии мичмана, Петра Чаплина и лейтенанта Мартына Шпанберга. Расстояние от Вологды до Тобольска экспедиция, получившая название Первой камчатской экспедиции, прошла в 43 дня. После месячного отдыха она на 11 дощаниках продолжила путь по Иртышу. 23 мая Чаплин с отрядом в 10 человек был отправлен вперед, по направлению к Якутску. Почти все лето 25 года команда провела в дороге. Прозимовав в Илимске, откуда был послан Шпанберг с отрядом из 39 человек в Усть-Кутский острог на Лене "для постройки 15 барок, Беринг 26 мая 1726 г. на новых судах поплыл вниз по Лене". 16 июня Беринг прибыл в Якутск и только 30 июля 1727 г., на третий год по отправлении из Петербурга, он наконец прибыл в Охотск, откуда должно было начаться настоящее путешествие.

От Якутска до Охотска (более 1500 км) участникам

экспедиции пришлось добираться пешим ходом. Лошадей не хватало. Собачьи упряжки от бескормицы почти все погибли. Груз несли на своих плечах. Особенно тяжелая обстановка сложилась в отряде Мартына Шпанберга. Служилые люди почти все в пути заболели. Их пришлось отпустить. Вскоре начался повальный голод. Ели мясо мертвых лошадей, сыромятные кожаные вещи. "А материалы оставили все на дороге в 4-х местах, понежа по оному пути в близости жителей никаких не имеется", - докладывал позднее Шпанберг Берингу.

Уже на подходе к Охотску наступил день, когда люди просто не могли двигаться. Шпанберг решил один идти в Охотск за подмогой. Через день он встретил спасательный отряд, который Беринг выслал им навстречу. Бедствующим доставили продовольствие, и люди были спасены.

Вторым отрядом командовал лейтенант Алексей Чириков. Он сумел осуществить переход более организованно, продуманно, практически без потерь, не допустив чрезвычайных ситуаций. Решительный, талантливый, обладающий большой силой воли, он уверенно выполнил возложенную Берингом на него задачу, доставив без задержек несколько тысяч пудов муки и различного продовольствия в Охотск.

Флотилия стала готовиться к походу на север, к Ледовитому океану. Доукомплектовавшись людьми, провиантом и новыми судами, экспедиция 22 августа вышла из Охотска и морем через две недели прибыла в Большерецк (на западном берегу Камчатки). Отсюда сухим путем отправилась в Нижнекамчатск (на восточном берегу Камчатки), куда прибыла 11 марта 1728 г., употребив на весь путь около 2 мес. Нагрузив в Нижнекамчатске провиантом бот "Св. Гавриил", построенный там же, Беринг со всей своей экспедицией 13 июля 1728 г.

вышел из устья р. Камчатки в море, держась северного направления между Азией и Америкой.

Проведя более месяца в морском плавании между совершенно не знакомыми ему берегами, Беринг достиг наконец 67° 18' с. ш. и, убедившись, что далее берег простирается к западу и что, стало быть, "нельзя Азии соединяться с Америкой", почел свою миссию выполненной и с согласия всех членов экспедиции, боявшихся "попасть нечаянно в лед", повернул назад. 1 сент. 1728 г. Беринг был уже в устье р. Камчатки, где зимовал, и 5 июня следующего года отплыл в сторону Америки, но, не встретив на 200-верстном расстоянии от берега Камчатки земли, повернул обратно и 3 июля зашел в Большерецк. Через 20 дней был уже в устье р. Охоты, откуда и направился в обратный путь, в Петербург, в который прибыл 1 марта 1730 г. Здесь он представил правительству свой журнал, карты и два предложения, в которых, между прочим, высказывал желание о снаряжении новой экспедиции для исследования северных и северо-восточных берегов Сибири. Адмиралтейств-коллегия, которая рассматривала его журнал и карты, ввиду "трудности экспедиции" исходатайствовала ему чин капитан-командора и денежную награду в размере 1000 рублей.

21 мая 1731 года Российский сенат постановил учредить в Охотске морской порт. Сегодня этот день отмечается в России как дата основания на Тихом океане Российского флота. В этом году россияне отметили 275 лет со дня этого события.

Одобрены были сенатом и адмиралтейств-коллегией и "предложения" Беринга, а за этим одобрением последовало (28 дек. 1732 г.) и высочайшее разрешение назначить новую экспедицию, известную под именем Второй камчатской экспедиции (ВКЭ).

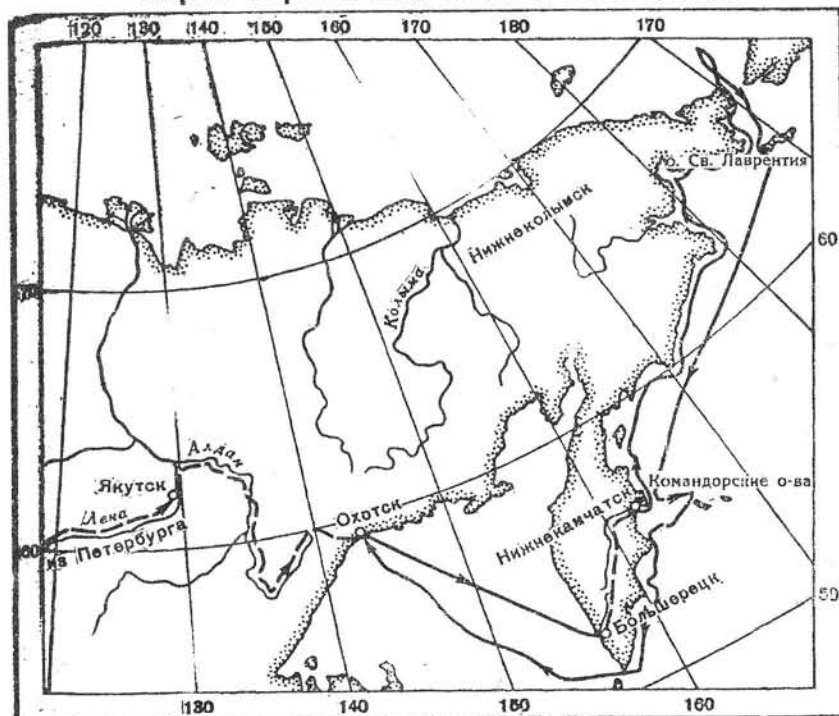
В завершение этой главы хочется рассказать немно-

го о руководителях первой экспедиции.

Беринг Витус Ионассен родился 12 апреля 1681 года в Дании, в г. Хорсенсе. В юношеском возрасте участвовал в многолетнем плавании в Ост-Индию. Возвратился в Амстердам в 1703 году. Здесь он познакомился с русским адмиралом Корнелием Ивановичем Крюсом и дал согласие поступить на службу в Российский флот. Начинал он с должности командира небольшого судна при строящейся русской военно-морской крепости Кронштадт. В 1723 году В. Беринг в чине капитана командовал уже одним из самых больших кораблей Балтийского флота. В последние декабрьские дни 1724 года Петр I назначил капитана первого ранга Витуса Беринга начальником Первой камчатской экспедиции.

Чириков Алексей Ильич (1703-1748 гг.). Родился в небогатой дворянской семье. В 1715 поступил в Московскую навигационную школу и в следующем же году был переведен в Петербургскую морскую академию, которую успешно закончил в 1721 году. Произведен в унтер-лейтенанты и назначен на Балтийский флот. В 1722 по приказу адмиралтейств-коллегии определен преподавателем навигации той же академии, а в 1725-30 гг. в чине лейтенанта принимал участие в Первой камчатской экспедиции Витуса Беринга. На всем пути от Петербурга до Охотска Чириков определил 28 астрономических пунктов, что позволило впервые выявить истинную широтную протяженность Сибири, а следовательно, и северной части Евразии. На судне "Св. Гавриил" вместе с мичманом Петром Чаплиным Чириков вел судовую журнал, представляющий собой ценный документ по истории первой в России морской научной экспедиции. Совместно с Берингом и Чаплиным Чириков составил итоговую карту плавания, значительно превосходившую все существующие до тех пор карты по точности и достоверности изображения тихоокеанского

Карта первой камчатской экспедиции

побережья северо-восточной Азии.

По завершении экспедиции был произведен в капитан-лейтенанты. При этом адмиралтейств-коллегия отмечала, что он показал себя тщательным и исправным, как надлежит искусному морскому офицеру.

В 1733-41 гг. Чириков командовал пакетботом "Св. Павел" во Второй камчатской экспедиции Беринга в должности его заместителя.

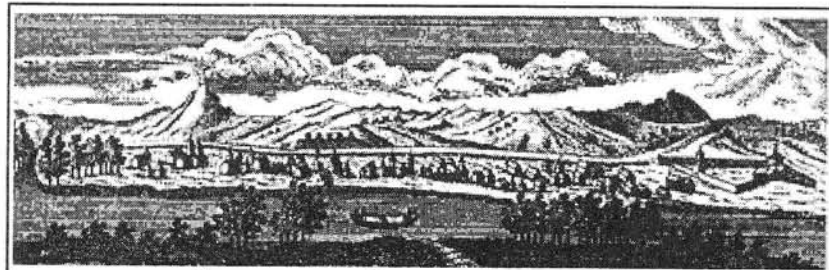
В ночь с 15 на 16 июля 1741 года он первым увидел тихоокеанский берег Северо-Западной Америки. Чириков одновременно с Берингом плавал в водах залива Аляска; 5-22 сентября открыл несколько островов из Алеутской цепи, где встречался с алеутами. На судне

не хватало продовольствия и пресной воды, многие болели цингой, из 75 человек были живы чуть больше 50; "весьма от цинги изнемог" и сам Чириков, не вышедший из каюты с 21 сентября.

Рапорт Чирикова в адмиралтейств-коллегию от 7 декабря 1741 года о результатах экспедиции стал первым в истории описания северо-западного побережья Америки.

В марте 1746 года Чириков из Сибири прибыл в Петербург, участвовал в составлении итоговой карты русских открытий в северной части Тихого океана и около года возглавлял Морскую академию. В сентябре 1746 произведен в капитан-командоры с переводом в Москву, где и скончался от туберкулеза и последствий цинги. Он был женат и имел двух сыновей и трех дочерей. Его именем названы остров, подводная гряда, море, мели и четыре мыса. В Петропавловске-Камчатском ему установлен памятник.

ШПАНБЕРГ Мартын Петрович (ок. 1700-1761), русский мореплаватель. По происхождению датчанин. Участник 1-й и 2-й камчатских экспедиций (1725-30 и 1733-46), в 1738-39 гг. открыл морской путь от Камчатки к Японии, исследовал всю Курильскую цепь, включая Малые Курильские острова. В честь его назван мыс в Приморской области, на восточном берегу Анадырского залива.

Нижнекамчатский острог. Гравюра XVIII в.

01072831

Магаданская
областная библиотека
им. А.С.Пушкина

Петр Авраамович Чаплин, (ориент. 1708 - ум. 1765), русский дворянин, участник Первой камчатской экспедиции. В 1727 г. гардемарином был назначен в камчатскую экспедицию. В 1728 и 1729 гг. мичманом плавал вместе с А.И. Чириковым на боте "Св. Гавриил" под командой В.И. Беринга. Вел журнал ("Юрнал бытности в Камчатской экспедиции мичмана Петра Чаплина"), составил вместе с Берингом итоговую карту экспедиции. В 1755-60 гг. в чине капитана 2 ранга и капитана 1 ранга плавал на Балтийском море и участвовал в Кольбергской операции (против пруссаков). Затем произведен в капитан-командоры.

2. Решение принято

Предложения Беринга о целесообразности снаряжения и отправки на северо-восток Сибири новой экспедиции были восприняты и сенатом, и правительством с интересом и пониманием. Однако высочайшее решение "начать Вторую камчатскую экспедицию" было принято почти через три года после отчета и предложений Беринга.

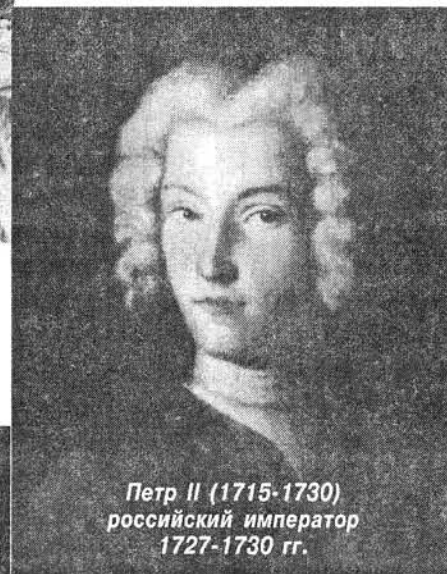
Конечно, значительную негативную роль в этом и в иных многочисленных трудностях ВСЭ сыграла часто меняющаяся политическая обстановка в России. Шутка ли, что за время ВСЭ (1725 - 1746 гг.), начавшейся при Петре Великом, хозяином трона Российской империи стал (точнее, стала) уже шестой самодержец.

28 декабря 1725 года умер Петр Великий. На трон взошла Екатерина-I (Марта Скаврнская) - супруга Петра-I. Она умерла 43-х лет 6 мая 1727 года.

С мая 1727 года - Российским императором стал Петр-II Алексеевич, сын царевича Алексея Петровича и его жены, уроженкой Шаплотты Софии, принцессы Браншвейг-Вольфенбюттельской, внук Петра Великого.

Екатерина I (1684-1727)
русская царица с 1717 г.,
коронованная и правившая
1725-1727 гг.

Петр II (1715-1730)
российский император
1727-1730 гг.

Анна Иоановна (1693-1740)
русская императрица
1730-1740 гг.

Иван V Алексеевич (1666-1696)
русский царь
1682-1696 гг.

Иван VI Антонович (1740-1764),
русский император
(1740-1741 гг.)
на руках матери
Анны Леопольдовны и
(1718-1746),
правительницы России
(1740-1741 гг.)

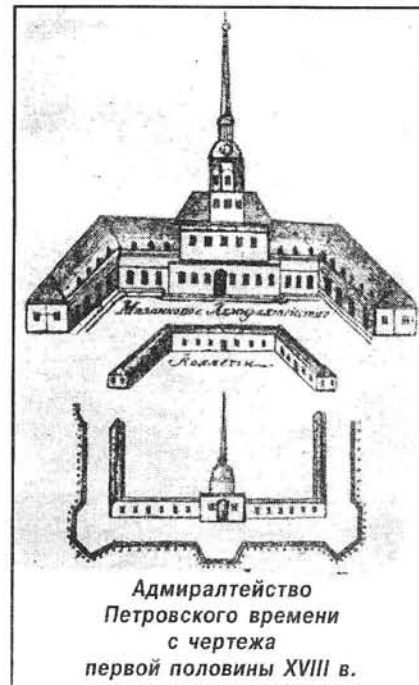
Елизавета Петровна (1709-1761)
русская императрица
1741-1761 гг.

Мать Петра-II умерла через десять дней после его рождения, а в 1718 году он потерял и отца. Новому императору от роду шел всего-то двенадцатый год.

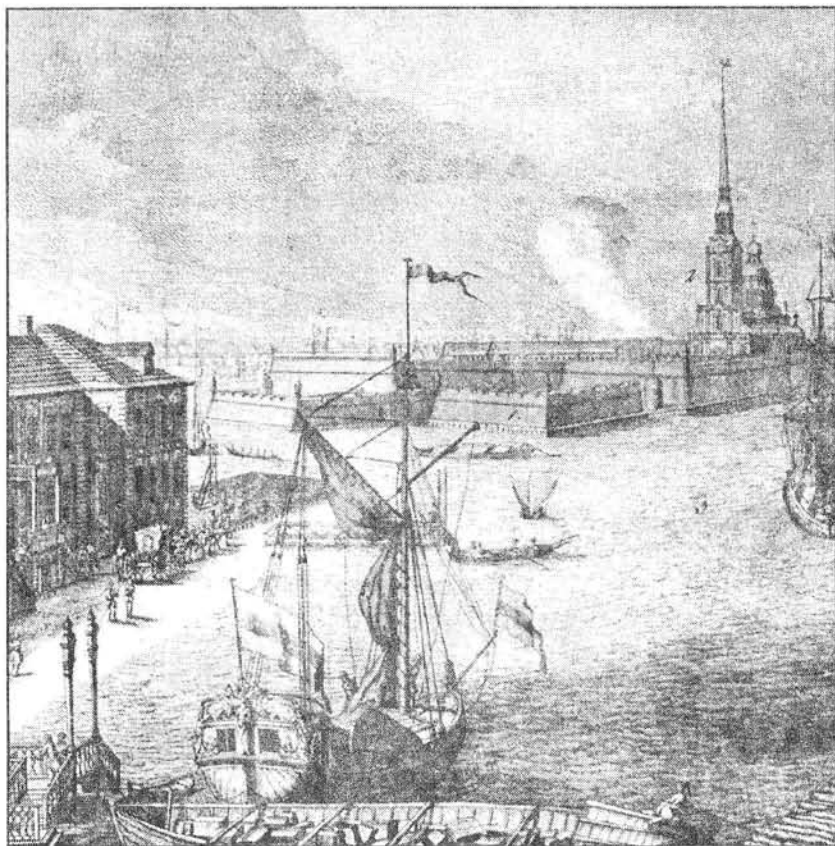
В процессе недолгого царствования Петр-II объявил об отмене ряда преобразований, проведенных Петром-I. Юный император, неожиданно заболев, скончался в 14-летнем возрасте 19 января 1730 года. На престол взошла Анна Иоанновна, 37 лет от роду, дочь царя Ивана-V Алексеевича (родного брата Петра-I) и П.Ф. Салтыковой, герцогиня Курляндская с 1710 года (ее мужем был герцог Курляндский Фридрих Вильгельм, который умер в 1711 году). Она была возведена на российский престол Верховным тайным советом. В целом старалась в политике продолжать линию Петра-I. Времена правления Анны Иоанновны у многих россиян ассоциируются с понятием "бироновщина".

Итак, при императрице Анне готовилась Вторая камчатская экспедиция, которая завершилась уже при другой императрице - Елизавете, дочери Петра-I.

Анна Иоанновна умерла на 48-м году жизни 17 октября 1740 года, успев повелеть назначить наследником престола младенца Ивана-VI Антоновича, сына внучки царя Ивана-V Алексеевича Анны Леопольдовны. Анна Леопольдовна была объявлена регентшей

Адмиралтейство
Петровского времени
с чертежа
первой половины XVIII в.

Петербургский порт

при сыне-императоре.

25 ноября 1741 года в результате переворота на трон возшла 32-летняя Елизавета Петровна.

Фактически какого-то перерыва между 1-й и 2-й экспедициями не было. В Сибири Берингом в 1730 году были оставлены люди для обустройства Охотского порта, для приведения в порядок верфей в Большерецком и Нижнекамчатском острогах.

Идея снаряжения новой экспедиции на Камчатку встретила поддержку одного из прогрессивных деятелей второй четверти XVIII в. - Ивана Кирилловича Кирилова, обер-секретаря сената. Его роль в организации этого предприятия была отмечена многими исследователями. "Главнейшим двигателем того дела,- писал о ВКЭ академик Г. Ф. Миллер,- был сенатский обер-секретарь Иван Кириллович Кирилов, великий патриот и любитель географических и статистических сведений. Он был знаком с капитаном Берингом, который вместе с двумя своими лейтенантами Шпанбергом и Чириковым изъявил готовность предпринять второе путешествие. Кирилов составил "Записку" о выгодах, которые могла из того извлечь Россия, и присоединил притом другие предположения о расширении русской торговли до Бухарии и Индии, что потом подало повод к возникновению известной Оренбургской экспедиции, которую он сам начальствовал и при которой он умер в 1737 году".

В мае 1731 года (как уже говорилось выше) русское правительство приняло решение об улучшении управления Дальним Востоком, в частности, Охотским краем и Камчаткой. В эти далекие края были отправлены мастеровые люди и флотские штурманы, оборудование и значительные запасы продовольствия.

В мае уже 1732 года сенат издал указ "Об отправлении капитан-командора Беринга в Камчатку и о правилах, каковые он должен соблюдать всей экспедиции".

Сенат для осуществления "второго проекта", предусматривавшего "проведывание и описание" северного побережья Сибири от Оби до Камчатки, разрешал Берингу подобрать в экспедицию "добрых и знающих людей".

Сибирским властям предписывалось "чинить Берингу с товарищи" необходимую помощь и исполнять тре-

бования экспедиции.

Адмиралтейств-коллегия занялась вопросами обеспечения экспедиции личным составом и материалами и выдвинула целый ряд предложений по расширению ее задач. В конечном итоге это привело к тому, что совместными усилиями прогрессивно мыслящих деятелей русского флота, Академии наук и сената ВКЭ превратилась в грандиозное научное и политическое предприятие, которое ознаменовало целую эпоху в изучении Сибири.

19 июня 1732 г. Кирилов направил указ сената в Академию наук с предложением определить "с ним, Берингом" одного профессора и двух российских студентов и снабдить их необходимыми инструментами для астрономических наблюдений ("обсерваций"), географических, ботанических, этнографических и геологических исследований.

Г.Ф. Миллер
(1705-1783 гг.)

Академия наук обратила внимание сената на то обстоятельство, что решение поставленных задач не под силу одному человеку, пусть даже самому одаренному, и предложила отправить двух профессоров.

Этими профессорами стали историк Герард Фридрих Миллер и естествоиспытатель Иоганн Георг Гмелин. Оба они были очень молоды. Миллеру было 27 лет, Гмелину - 23 года. Также в "научную группу" ВКЭ впоследствии вошли Стеллер (Штеллер) Георг Вильгельм - адъюнкт СПАН - 23 года. Линденау Якоб Иоганн - переводчик, экономист, ученый-этног-

граф - 23 года, адъюнкт СПАН Фишер Иоганн Эбергард - 35 лет.

Сенат поддержал предложение СПАН о посылке в экспедицию 12 студентов из числа учеников Греко-латинской академии в Москве. Они должны были помогать ученым приобретать научные и практические знания в натуральной истории.

Наиболее известен из числа студентов впоследствии знаменитый путешественник и ученый Крашенинников Степан Петрович, тогда ему было 20 лет.

В первых числах апреля 1733 года участники ВКЭ покинули Петербург и начали движение на Восток. В. Беринг покинул столицу 18 апреля.

Беринг, Чириков, некоторые офицеры, матросы и солдаты отправились в путь вместе с женами и детьми. Руководителем академического отряда ученых был назначен Миллер Г.Ф.

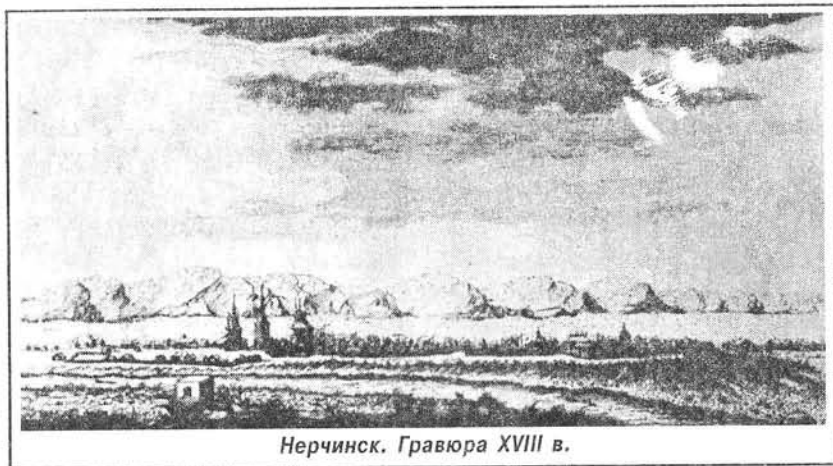
3. Академический отряд ученых

Ученые выехали из Петербурга в начале августа. Поскольку экспедиции поручалось организовать в разных районах России метеорологические станции, ученые взяли с собой барометры, термометры, гидрометры.

Первая метостанция была создана в Казани. Ее наблюдателем стал С. Куницын, учитель городской школы. Первому прикладному метеорологу России были переданы: термометр, барометр, компас и прибор для измерения ветров - анемоскопиум.

29 декабря академический отряд прибыл в Екатеринбург. Здесь организация метеонаблюдений была возложена на маркшейдера А. Татищева, геодезиста Н. Каркадинова, учителя Ф. Санникова, смотрителя лесов И. Талева.

В январе 1734 года ученые прибыли в Тобольск. Здесь

Нерчинск. Гравюра XVIII в.

ВКЭ собралась в полном составе. Беринг с Миллером решили, что далее ученые могут избирать себе маршруты передвижения и объекты изысканий самостоятельно.

26 мая 1734 года Миллер, Гмелин и Крашенинников отплыли из Тобольска по Иртышу. 27 июня они добрались до Омска. Затем были Ямышево, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Кузнецк, в Томск прибыли 5 октября. В Томске И. Гмелин организовал метеорологические наблюдения.

6 декабря отряд ученых прибыл в Енисейск, проехав 628 верст за 11 дней. В Енисейске Гмелин основал метеорологическую станцию.

5 января 1735 г., когда путешественники находились и Енисейске, ударил необычайно сильный мороз. "Вороны и воробы, - писал Гмелин, - падали на землю как мертвые, и их можно было оживить, только внося сразу в теплую комнату. Жители говорят, что такие случаи все же редки. Мне передавали, что в лесах было найдено много окоченевших от мороза зверей, и что много людей, застигнутых в дороге, были так охвачены морозом,

что у них даже кровь в жилах застыла".

13 января 1735 г. путешественники отправились в Красноярск, до которого благополучно добрались на шестой день. Здесь Миллер составил "Описание Красноярского уезда", Гмелин основал очередную метеорологическую станцию.

18 февраля ученые снова были в пути - сначала направились в Иркутск, а затем в Селенгинск и Кяхту - знакомиться с "редкими жителями" того края, их обычаями, верованиями, историей. Путешественников поразило резкое отличие Восточной Сибири от Западной. "От Енисея реки как на восток, так на юг и на север, - писал впоследствии Гмелин, - земля другой вид имеет, и не знаю, какую другую силу получила; хребты и холмы сперва попадались местами, а там уже вся страна была гориста и красотою долин и степей, между гор лежащих, никакой стране не уступала. Оказывались звери нигде неизвестные, как, например, кабарги или степные бараны. Не попадались уже травы, везде в Европе растущие, но вместо них новые и в Европе неизвестные помалу появлялись. Сверх того, чистые, светлые и здоровые воды, вкусные рыбы и птицы и самый различный род тамошних народов довольно доказывали, что там особливая часть света".

Летом 1735 г. ученые посетили Нерчинск и Читу. Путешествовали они то на лошадях, то на плотах, то на дощаниках.

27 июля 1735 г. Миллер и Гмелин выехали к остаткам старинной крепости в 10 верстах от реки Аргуни.

Особенно заинтересовали Миллера могильные курганы Забайкалья. Ни в Красноярске, ни в Иркутске, ни в Селенгинске он ничего не слышал о подобных памятниках древности. И теперь, путешествуя по окрестностям Нерчинска, он заметил множество их на берегу рек Уды, Шилки и на равнинах между Аргунью и Ононом. Миллер

решил провести археологические раскопки. Были тщательно обследованы два захоронения, которые Миллер описал в статье "О древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском".

19 сентября академический отряд с трудом достиг Иркутска, где уже находился астроном Делаacroer, совершивший переход от Тобольска вместе с партией Чирикова.

27 февраля 1736 г. ученые добрались до Илимска. Здесь они приступили к изучению архивных дел. Поскольку документов было немного, Миллер занялся "раскладыванием их по годам" и поручил студентам делать из них выписки. "Сей труд, - писал Миллер, - подал мне великую ясность в обстоятельном познании подлинного состояния архива. Притом удостоверился я, что впредь на чужие глаза не следует надеяться. С этих пор, сколь архивы ни были велики, я просматривал все дела сам и имел от того такую великую пользу, которая, может быть, в последующие времена явна будет".

Из Илимска Миллер и Гмелин двинулись в Якутск, где находился Беринг с морскими офицерами. Одним из них предстояло идти на север, другим - к неведомым берегам Северо-Западной Америки.

В якутском архиве Миллера ждали уникальные находки - сохранились документы не только о первых походах россиян в Сибирь и освоении этой страны, но и об их замечательных плаваниях через полярные моря из Лены в Тихий океан.

Собранные в якутском архиве сведения Миллер изложил в труде "Известия о Северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения восточных стран". Отрывок из этого сочинения он вручил Берингу, переславшему затем его в Петербург президенту адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головину. "Известия...", безусловно, по-

влияли на решение высших морских кругов продолжать исследования северных берегов России, которые по причине неудач и больших жертв едва не были приостановлены.

Материалы, собранные в якутском архиве, послужили впоследствии основой для уникального труда Миллера о русском полярном мореплавании в XVII - начале XVIII в.

Особое внимание во время пребывания в Якутске Гмелин обратил на изучение вечной мерзлоты. Гмелину принадлежит первая попытка исследовать вечномёрзлую почву в Сибири, изучение которой затем будет привлекать многих ученых, в том числе академиков К.М. Бэра и А.Ф. Миддендорфа.

1735 г. Гмелин почти целиком провел в Якутске. Его помощники набили множество чучел птиц и мелких зверей. Великолепны были сборы растений. Художники сделали более 100 рисунков представителей местной фауны и флоры. Гмелин готовил несколько работ, где подводил итог своим изысканиям.

8 ноября 1736 г., когда ученые были в гостях у Беринга, в доме Гмелина вспыхнул пожар. Спасти ничего не удалось. То была невосполнимая потеря. В 1738 году Гмелину пришлось многое начинать заново.

Гмелин и Миллер решили отправить на Камчатку Крашенинникова, поручив ему построить светлицы на случай приезда отряда и собрать материалы об истории, народах и природе этого далекого труднодоступного края.

Миллер и Гмелин, покинув Якутск, отправились в путешествие по Лене. В самом начале путешествия Миллер тяжело заболел и в Киренске они расстались. Он уехал в Иркутск. В Иркутске болезнь Миллера усилилась.

10 декабря 1737 г. ученый решил отправить письмо

в Петербург с просьбой об отзыве его из ВКЭ. При этом Миллер просил разрешить ему на обратном пути посетить новые места - он намеревался завершить исследование сибирских архивов.

Весной 1738 года в Иркутск прибыл Гмелин, и они вдвоем отправились в Енисейск, затем в старинный город Мангазею на Енисее (осн. в XVI в.).

Вернувшись в Красноярск 7 октября 1739 г., Миллер застал там бумаги, присланные из Петербурга. Его увольняли "от камчатской поездки" и предписывали следовать в Петербург теми местами, где он еще не был или "в бытность свою довольного времени не имел".

На замену Миллеру прибыли известный путешественник адъютант СПАН Георг Вильгельм Стеллер, адъютант СПАН Иоганн Эгергард Фишер, переводчик и этнограф Якоб Иоганн Линденау.

Якутск. Гравюра XVIII в.

Миллер отправился на запад, а Гмелин остался в Красноярске. Миллер 1740 год работал в Сургуте и Березове. В 1741 году он - на Среднем Урале. Здесь он опять заболел. Лечился в Екатеринбурге. Затем изучал Южный Урал.

Вскоре они встретились с Гмелиным, и в январе 1742 года вместе отправились в Тобольск. Затем Миллер прибыл в Соликамск, изучал здесь местные архивы, далее он отправился в Устюг Великий, а потом в Вологду. 14 февраля 1743 года он вернулся в Петербург.

Закончилось одно из самых успешных путешествий историка, длившееся почти 10 лет.

Двумя днями позже в Петербург возвратился Гмелин. Вместе с ним приехал и Крашенинников, который четыре года провел на Камчатке. Это его путешествие, как и сибирское путешествие Миллера и Гмелина, составило целую эпоху в познании этой далекой земли России. Началось оно летом 1737 г. "Описание земли Камчатки" - фундаментальный труд С.П.Крашенинникова, венчающий деятельность этого замечательного ученого.

Миллер высоко оценивал научные изыскания талантливого студента. В рапортах, отправленных в сенат и Академию наук, он неоднократно отмечал его "особливое трудолюбие" и "отменное искусство" в исполнении поставленных перед ним научно-исследовательских задач, подчеркивая при этом, что его успехи доставляют академикам "совершенное довольство" и радость. Гмелин писал в Академию наук, что молодой ученый Крашенинников создал изрядные труды и заслуживает самой высокой награды, так как во время путешествия он превзошел своих товарищей "добрыми поступками".

Фишером было представлено в Академию наук 28 рукописей и обсерваций. Они представляют определенный интерес. Его исторические, этнографические и гео-

графические работы, содержащие нередко уникальные сведения и данные, должны "занять свое место в богатой сокровищнице материалов и трудов участников ВКЭ".

В связи с завершением ВКЭ Фишеру было предложено сворачивать работы и возвращаться в Петербург к концу лета 1746 г. 23 февраля 1746 г. Фишер покинул Томск. В декабре 1746 г. ученый добрался сначала до Москвы, а затем и до берегов Невы.

Яков Линденау, переводчик и ученый-этнограф экспедиции, вернувшись с Шантарских островов, уже в Якутске в начале 1746 года получил указ Академии наук: его, как и других ученых, отзывали в столицу.

Часть пути он проделал вместе со Стеллером. В Петербург Линденау возвратился 21 августа 1746 года, привезя с собой "учиненные разным народам, путям, рекам и городам описания", которые были приняты в архив Академии наук.

До нашего времени дошли шесть монументальных трудов Якова Линденау: "Описание якутов", "Описание пеших тунгусов в Охотске", "Описание тунгусов, которые живут у Удского острога", "Описание коряков, их нравов и обычаев", "Описание бурят, или так называемых братских, а также о кыштымских и барабинских татар", "Собрание исторических сведений о юкагирах".

Злой бог камчадалов

В 1983 году, почти через двести лет после смерти Линденау, в Магадане было издано его "Описание народов Сибири (первая половина -XVIII века)".

Труды Я.Линденау на сей день остаются самыми ранними записями, на которых в значительной мере базируется историческая наука Саха-Якутии, Чукотки, Бурятии, всего Дальнего Востока, Сибири.

Итак, исследования представителей Академии наук, участвовавших во ВКЭ с 1733 г. по 1746 год, продолжались 13 лет. Трудami Миллера, Крашенинникова, Гмелина, Стеллера, Линденау, Фишера и многих других была заново открыта Сибирь и прежде всего ее история и природа. Созданные путешественниками фундаментальные труды "История Сибири", "Сибирская флора", "Описание земли Камчатки", сотни уникальных географических карт, тысячи метеорологических наблюдений, уникальные исторические документы обогатили науку великими достижениями, значение которых бесценно.

МИЛЛЕР Герард Фридрих (18.09. 1705, Вестфалия - 11.10.1783, Москва) - российский историк, профессор Петербургской академии наук.

Миллер родился в пасторско-ученой семье. Его отец был ректором гимназии, мать - из семьи профессора теологии Бодинуса. По окончании гимназии в 1722 Миллер поступил в университет, получил степень бакалавра. Вскоре он принял предложение о работе в только что основанной Петербургской академии наук и в ноябре 1725 прибыл в Россию.

Первоначально участвовал в организации архива и библиотеки Академии наук. В 1728 году, когда Академии было поручено издание "Санкт-Петербургских ведомостей", Миллер основал приложение к ним - "Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях", явившееся первым русским литературным и научно-популярным журналом. В

Иоганн Гмелин

1730 г. Миллер был избран профессором Академии и направлен в заграничную командировку, целью которой было поднятие престижа СПАН.

В 1733 г. в составе академического отряда ВКЭ Миллер отправился в Сибирь, где в течение десяти лет изучал документы местных архивов, собирал географические, этнографические и лингвистические данные по истории Сибири. Результатом этой экспедиции явилась коллекция подлинников и копий

сотен уникальных исторических документов XVI-XVII вв., до сих пор являющаяся ценнейшим источником по истории России. За время пребывания в Сибири Миллер также написал несколько первых самостоятельных научных работ, составил словари языков местных народов, в совершенстве освоил русский язык.

По возвращении в 1743 г. в Петербург Миллер приступил к написанию главного труда своей жизни - многотомной "Истории Сибири". Параллельно он занимался картографией и по заданию Коммерц-коллегии написал статью "Известие о торгах сибирских". В 1744 г. он выступил с проектом создания при Академии наук Исторического департамента и разработал программу изучения русской истории. В 1747 г. решил навсегда остаться в России, принял российское подданство и получил должность историографа.

В 1754 г. Миллер был назначен конференц-секретарем Академии наук, а в 1755-м ему было поручено редактирование академического журнала "Ежемесячные сочинения", в котором на протяжении последующих

десяти лет были опубликованы труды виднейших представителей русской культуры и науки.

В 1764 году по его просьбе Екатерине-II Миллер был назначен на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел, где и работал до конца жизни, став со временем его управляющим. Миллер внес существенный вклад в развитие отечественного архивоведения, основал библиотеку архива (на сегодняшний день - одно из ценнейших книжных собраний Москвы).

В конце августа 2005 года в Якутске была проведена международная научная конференция, приуроченная к 300-летию первого историка Сибири Г.Ф. Миллера, а также посвященная памяти его коллег: И.Г. Гмелина, А.П. Крашенинникова, Г.В. Стеллера, Я.И. Линденау, И.Э. Фишера. Их деятельности была дана самая высокая оценка.

ГМЕЛИН (Gmelin) Иоганн Георг (1709-49) - русский натуралист, академик Петербургской АН (1727-48). По происхождению немец, в 1727-47 гг. жил в России.

В 1733 г. предпринял по поручению академии наук совместно с историком Миллером путешествие по Сибири. Путешествие свое Гмелин описал в Тюбингене, где и умер в 1749 г. профессором ботаники. Его "Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743" (4 тома с картами и рисунками), вышедший в Геттингене в 1751-52 гг. и написанный в форме дневника, содержит первые точные сведения о природе и обитателях Сибири, а специальное ботаническое сочинение его "Flora sibirica" (СПб., 1747-1749, 4 тома) дает списки сибирских растений, до путешествия Гмелина совершенно почти не известных в Европе.

И.Г. Гмелин - представитель знаменитой большой семьи потомственных ученых Гmeliных: медиков, фармацевтов, химиков, историков, ботаников...

Племянник И.Г. Гмелина, Самуил Готлиб Гмелин, в

чил в Галле университет. Сдал квалификационные экзамены по ботанике в Берлине, однако получить место профессора ботаники в университете в Галле ему не удалось. И Стеллер решил попытать счастья в России, где было вакантно место профессора ботаники в СПАН. Денег на путешествие у него не было, и, добравшись в 1734 до Данцига, где стояла русская армия, Стеллер поступил в нее хирургом. В ноябре того же года вместе с кораблем с ранеными ученый прибыл в Петербург.

Узнав о ВКЭ, Стеллер загорелся идеей изучения неизведанных территорий Восточной Сибири. В феврале 1737 г. он был принят на службу в СПАН адъютантом натуральной истории при Камчатской экспедиции. В начале 1740 г. он встретился с М. Шпанбергом, вторым помощником Беринга по ВКЭ, и добился разрешения ехать на Камчатку.

В отличие от остальных участников академического отряда Стеллер много работал на море, в том числе был участником последнего плавания и последней зимовки В.Беринга на необитаемом острове.

В тяжелых условиях проявилось исключительное самообладание, мужество и трудолюбие Стеллера. Он охотился на зверей, собирал растения и готовил товарищам лечебный чай. Исследовал топографию и геологию острова, описал его флору и фауну, собрал большой гербарий, многочисленные коллекции. Среди птиц особый интерес представлял открытый ученым эндемик острова - большой очковый, или стеллеров, баклан. Эта птица стала известна науке только благодаря описанию Стеллера, так как он был единственным натуралистом, видевшим ее живой. Период с августа 1742 по август 1744 был временем необыкновенно бурной деятельности ученого. Стеллер вдоль и поперек исходил и извездил Камчатку, посетил почти все остроги (поселения), собирая везде коллекции растений и животных, произ-

водя этнографические, исторические и лингвистические исследования.

Многочисленные рукописи и черновые записи исследователя были переданы в СПАН и сейчас хранятся в ее архиве в Санкт-Петербурге. Всемирную известность получили сочинения Стеллера "Описание земли Камчатки", "Топографическое и физическое описание острова Беринга", "Дневники морского путешествия из Петропавловской гавани на Камчатке в Америку и события, происшедшие на обратном пути", опубликованные на немецком языке; и особенно знаменитое его произведение "De Bestiis marinis", первоначально изданное в 1751 г. на латыни, а затем (в 1753 г.) переведенное на немецкий язык.

ФИШЕР Иоганн Эбергард (1697-1771) - историк и археолог. В 1730 г. Фишер, имевший ученую степень магистра, прибыл в Петербург и занял при академической гимназии место проректора, а затем ректора. Зимой 1739 г. Фишер был командирован СПАН в Сибирь, на смену академику Миллеру.

"Судя по тому, что в бумагах Фишера, относящихся ко времени пребывания в Томске в 1745-1746 гг., - отмечает профессор А. И. Андреев, - оказалась копия грамоты 7065 г. (1557 г.) царя Ивана Васильевича Певгею - одному из князей Орекордской и Сорикадской земель, надо думать, что находкой этого интересного документа, все еще недостаточно изученного, мы обязаны Фишеру".

ЛИНДЕНАУ Якоб Иоганн (Яков Иванович - ок. 1700-1795 г.). В 1739 году он был принят в состав ВКЭ на должность "переводчика с немецкого и латинского языков". В Сибири он вначале работал в отряде Миллера и Фишера, затем, с 1741 по 1743 год, находился в Охотске, занимаясь составлением географических карт и этнографических описаний аборигенов, а также вел дела

и наблюдал за постройкой судна "Святой Петр" для морской экспедиции Беринга.

Следует отметить также, что по поручению Охотской канцелярии в 1742 году Я.И. Линденау составил оригинальный труд - "Географическое описание реки Анадырь, в нея впадших речек и ручьев и о чукчах, где они находятся, их местах и кочевании и нападении их на российских людей и ясашных коряков". Большой научный интерес имеет вошедшее в этот труд "Описание о Чукоцкой земле", содержащее сведения о местах обитания, кочевках и промыслах чукчей и их меновом

торге с юкагирами. Особенно ценно замечание автора о том, что "пеший чукчи находятся в подчинении у оленных, которые насильственно заставляют первых участвовать с ними в их военных походах на коряков".

В 1746 году Линденау приехал в Петербург. В 1747 году Сенат наградил его чином прапорщика и, согласно его желанию, откомандировал в Иркутск для использования "по способностям". Успешно проработав

Пешие тунгусы на Ангаре. 1745 г.
Рис. Я.И. Линденау

в Иркутске на высоких государственных должностях, он в 1764 году приехал ненадолго в Москву по делу о своем "пенсione" и для подачи в Сенат прошения на имя Екатерины II "об отводе земли для пропитания с женою и детьми", приисканной им "в Иркутской уезде, близ Балаганского острога на речке Осе".

4. Курс - на Северный Ледовитый океан

Одновременно с группой академиков, работавших в основном на суше, разворачивали свои исследования на берегах Арктики морские отряды.

Одна из главных задач моряков - исследование Северного морского пути (СМП):

- а) возможность судоходства от Архангельска до Камчатки и далее,
- б) составление географических и геодезических карт,
- в) составление метеорологических карт,
- г) изучение степени заселенности и обжитости береговой полосы,
- д) попутные открытия новых земель.

Санкт-Петербург и Охотск расположены на одной географической параллели - немного южнее 60-й северной широты. Маршрут продвижения экспедиции так или иначе выстраивался или немного южнее, или севернее. Например Якутск, негласная "столица экспедиции" - 62-я параллель, а Тобольск (западная столица ВКЭ), в котором весной 1733 года было начато строительство первого корабля для похода на Ледовитый океан - 58-я параллель.

Исследование было организовано, можно сказать, "веерной" схемой: от устья реки до устья реки. В Ледовитый океан впадают великие реки: Обь, Енисей, Лена и весьма большие: Печора, Хатанга, Оленек, Яна, Ин-

дигирка и Колыма. Устья этих рек и их окрестности и были основными пунктами и территориями, вблизи которых и на которых происходили основные события и действия морских отрядов Второй Камчатской экспедиции.

Были определены основные четыре участка СМП

1. Печора - Обь,
2. Обь - Енисей,
3. Енисей - Лена,
4. Лена - Чукотка.

Первым отрядом из двух кочей командовали Михаил Павлов и Степан Муравьев. Но и в 1734, и в 1735 г. Карское море было заполнено льдом, от которого суда едва не погибли.

В 1736 году во главе отряда поставлен лейтенант Степан Гаврилович Малыгин, для экспедиции были построены более крупные суда - две дубель-шлюпки.

В 1736 году моряки сумели пробиться до Усть-Кары в Байдарацкой губе (напротив Северного Урала), где и зимовали, и исследовали окрестности. Лишь 11 сентября 1737 года корабли вошли в устье Оби. Малыгин отправился сушей в Петербург, доставил отчеты и карты. Обратный путь отряд преодолел к середине августа 1739 года под командованием лейтенанта Скуратова.

(МАЛЫГИН Степан Григорьевич - ученый-моряк. Год рождения его неизвестен; известно только, что в 1712 г. он был учеником Арифметических классов у проф. Форварсона. В 1731 г. Малыгин представил в СПАН свою книгу "Сокращенная навигация по Картье де Редюкизон", которая и была одобрена как первое на русском языке и довольно обстоятельное руководство, а сам автор приглашен преподавать математику в Штурманской роте. Здесь он ввел целый ряд нововведений и улучшений, особенно когда был начальником Роты (с 1743 по 1750 гг.), и, между прочим, первый выпросил у

адмиралтейств-коллегии фрегат для практического обучения учеников Роты.

В 1736-37 гг. Малыгин описывал берег Ледовитого океана и одним из первых пробрался от устья Печоры до Обской губы, составив всему виденному подробные журналы и карты. Во время шведской войны (1742-43) командовал 54-пушечным кораблем; затем был командиром кронштадтского порта, потом рижского, принимал участие в войне с Пруссией и в 1764 г. скончался в чине капитан-командора и в звании начальника Казанской адмиралтейской конторы. В его честь назван морской пролив, отделяющий остров Белый от Ямала.

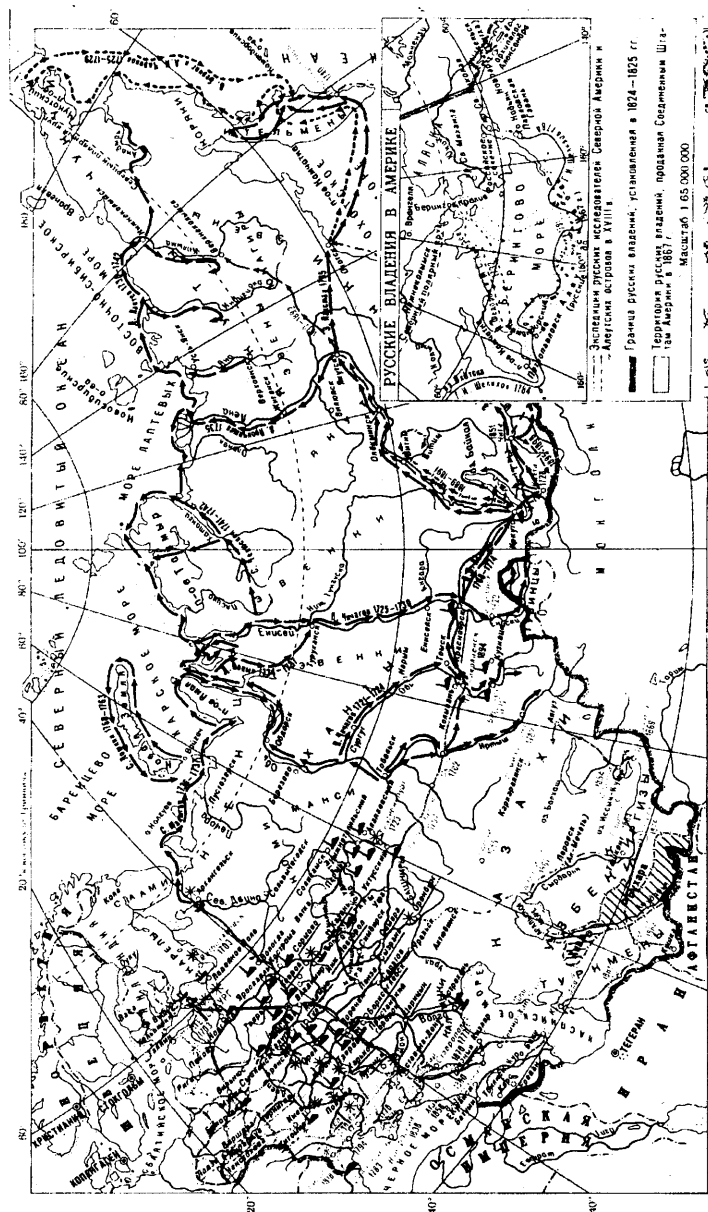
О других участниках отряда, к сожалению, информации я не нашел.)

Говоря о деятельности офицеров этого отряда, выдающийся полярный исследователь Ф. П. Литке писал: "Управлявшие экспедицию исполнили все, что им было возможно. Из них наипаче Малыгин и Скуратов отличались всеми достоинствами, коим мы удивляемся в первых и наиболее славимых мореходцах: решительностью, осторожностью, неутомимостью. Но препятствия физические были столь велики, а напротив средства им данные столь недостаточны, что более должно удивляться, что совершено ими, нежели тому, что не сделано".

14 мая 1734 года из Тобольска вышел дубель-шлюп "Тобол", которому предстояло преодолеть путь: Тобольск - устье Оби - Обская губа - устье Енисея.

Первым на север отправлялся лейтенант Дмитрий Леонтьевич Овцын, в юности участвовавший в плавании к берегам Испании. Под его командой находилось 56 человек, в том числе геодезисты из академического отряда Моисей Ушаков и Федор Прянишников. В экспедиции участвовали подштурман Дмитрий Стерлегов, рудознатец Захар Медведев и штурманский ученик Федор Конищев.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVIII-XIX ВВ. в т.ч. Северный морской путь

11 июня "Тобол" отдал якорь у Обдорска. Отсюда путь лежал в Обскую губу.

Вскоре начались мели. Они сильно затрудняли плавание, в результате "Тобол" достиг устья Тазовской губы лишь 31 июля.

Когда появились льды, поврежденное судно не в состоянии было с ними бороться, до выхода в Северный Ледовитый океан оставалось еще много сотен верст. К тому же в начале августа выпал снег. Дмитрий Овцын созвал совет. Решено было прекратить плавание и возвращаться в Обдорск (ныне Салехард).

Таким образом, поставленная перед отрядом задача - совершить плавание из Тобольска к устью Енисея - не была выполнена. Из-за "великих льдов" и сильных встречных ветров не удалось ее решить и в следующем году. Льды простирались за 68° с. ш., из чего путешественники пришли к заключению, что Обская губа летом 1735 г. полностью не вскрывалась.

5 августа 1736 г. путешественники достигли $72^{\circ}40'$ с. ш., однако сплошная стена льда не позволила им выйти из Обской губы в Северный Ледовитый океан.

Вскоре после возвращения из третьего плавания Овцын отправил в пешее путешествие двух геодезистов. Прянишникову он поручил обследовать западный берег Енисея в его нижнем течении. Эта задача была путешественниками успешно решена.

В конце июня 1737 г., как только устье Оби освободилось ото льдов, Овцын вышел в четвертое плавание. На этот раз, кроме дубель-шлюпки под командой Ивана Кошелева, в его распоряжении имелся бот "Обь-почтальон". Морякам удалось выйти в море и достигнуть $74^{\circ}02'$ с. ш., где они встретили большие скопления непроходимых льдов.

Путешественники направились на восток. В последний день августа приблизились к устью великой реки.

То был Енисей. Едва легли курсом на юг, как показалась лодка - навстречу морякам ехал ученик геодезии Федор Прянишников. После освобождения Енисея от льдов Овцыну было приказано направиться вверх по реке до Енисейска, где надежно укрыть суда.

Однако, еще не зная об этом приказе, Овцын послал "Обь-почтальон" под командой штурмана Федора Минина для исследования северных берегов к востоку от Енисея, к берегам Таймыра.

Овцын поручил команду Ивану Кошелеву, а сам отправился с бумагами в далекую столицу. Когда путешественник прибыл в Тобольск, его арестовали. Оказалось, что на него был послан донос. За дружескую встречу в Березове со ссыльными князьями Долгорукими Овцына судили, разжаловали в матросы и отправили в Охотск в распоряжение Беринга.

Беринг встретил его, как друга, и сделал своим адъютантом. Вместе с Берингом на корабле "Св. Петр" в 1741 г. он участвовал в плавании и открытии северо-западных берегов Америки, перезимовал на Командорских островах и возвратился на Камчатку, где вскоре узнал о возвращении ему офицерского чина.

Федор Минин продолжал поход. 3 августа 1738 г. бот "Обь-почтальон" достиг устья Енисея. 16 августа отряд встретил на 73°07' с. ш. обширнейшую группу каменных островов. По словам Минина, островов было такое множество, что их невозможно было обследовать не только за одну, но и за две кампании. "А впереди, - докладывал Минин Овцыну, - еще чрез лед видно было к завороту земли к осту оных множество. А все каменно наружные, и земли на оных не имеется, токмо весьма прекруты и высоки".

Минин назвал эти острова северо-восточными. Со всех сторон горизонта в море виднелись "льды беспрерывные". Мощные льды блокировали острова и бе-

рега. Непрестанно шел снег.

Морозы и снегопады - грозный предвестник приближающейся зимы. Минин созвал совет.

30 августа путешественники, у которых были на исходе запасы пресной воды, покинули северо-восточные острова. 7 сентября 1738 г. они вошли в Енисей и занялись картированием его западного берега. Через 12 дней на реке начался осенний ледоход. Отряд Минина вынужден был избрать своим пристанищем зимовье Исакова, а бот укрыть в речке Курьей. Дров поблизости не было, и их возили на собаках за 10 верст. Особенно, по словам Минина, досаждали весьма великие стужи и "пурги чрезвычайные", которые иногда продолжались беспрерывно около двух недель.

В навигацию 1739 г. опись к северо-востоку от Енисея не удалось продолжить, поскольку путешественники потеряли много времени на плавание от места зим до Туруханска, чтобы получить запасы продовольствия, которое у них кончилось. "Обь-почтальон" совершил плавание лишь по устьевому участку Енисея.

В конце января 1740 г. Минин послал на север Стерлегова. 22 марта на четырех собачьих нартах путешественники достигли северо-восточных островов, где выполнили цикл астрономических определений. На следующий день приступили к картированию материкового берега, с трудом продвигаясь то по глубокому снегу, то по вострошенному льду.

В конце апреля стали возвращаться и 28 мая достигли Енисея.

Спустя шесть недель после возвращения Стерлегова из санного путешествия "Обь-почтальон" под командой Минина отправился в последнее арктическое плавание. 11 августа показались северо-восточные острова. Море на этот раз было свободно от льдов.

Скоро встретились острова, которые называли Камен-

ными. В конце сентября они вошли в Енисей и остались на зимовку в Дудино. На этом закончились исследования Овцына и Минина на Таймырском полуострове.

ОВЦЫН Дмитрий Леонидович (1704-57) - русский гидрограф, капитан 2-го ранга. В 1734-38 гг. руководил отрядом 2-й Камчатской экспедиции. Произвел первую гидрографическую опись побережья Сибири между устьями рек Обь и Енисей, открыл Гыданский залив и Гыданский п-ов. В 1741 г., разжалованный в матросы, участвовал в экспедиции Беринга, в 1741 г. получил снова чин лейтенанта и затем до 1757 г. командовал судами в Балтийском море. В его честь на выходе из Енисейского залива названы пролив Овцына и бухта Овцына.

МИНИН Федор Алексеевич (умер 1765 г) - русский полярный исследователь. Участник ВКЭ. В 1738-40 гг. совместно с Д.В.Стерлеговым провел съемку побережья Северного Ледовитого океана к востоку от Енисея (включая западные берега п-ова Таймыр).

СТЕРЛЕГОВ Дмитрий Васильевич (ок. 1707-1757) - русский мореплаватель, в 1737-1742 гг. - участник ВКЭ. В 1740 году прошел из Туруханска по Енисею и провел съемку побережья Северного Ледовитого океана, включая западный берег п-ва Таймыр.

Витус Беринг еще находился в Тобольске, а в верховьях Лены уже велась заготовка листовенничного леса для постройки судов, на которых морякам предстояло обследовать арктическое побережье России между Енисеем и Колымой, а "оттуда подле берегов к востоку" до Чукотского Носа.

В начале января 1735 г. в Якутске были заложены бот "Иркутск" и дубель-шлюпка "Якутск". Их спустили на воду 23 мая. Командиром "Якутска" был назначен лейтенант В.Прончищев. (ПРОНЧИЩЕВ Василий Васильевич (1702-1736) - потомок знатного польского рода Прончищев, уже пять поколений его ближайшие предки

жили в России, русский мореплаватель. В 1718 г. окончил московскую Школу математических и навигацких наук, в 1721 г. - Морскую академию в Санкт-Петербурге, был произведен в гардемарины. В 1722-1723 гг. был участником Каспийского похода, затем служил на Балтийском флоте. В 1733 г. получил чин лейтенанта и был назначен начальником Ленско-Енисейского отряда ВКЭ, в задачу которого входила опись берегов Северного Ледовитого океана от устья Лены до устья Енисея.)

В плаваниях Прончищева участвовала его жена Татьяна Федоровна Прончищева (1713-36) - первая полярная путешественница.

Именем путешественника названы часть восточного берега полуострова Таймыр и кряж между устьями рек Оленек и Анабар, мыс в море Лаптевых и др.

Штурманом "Якутска" был назначен Челюскин Семен Иванович (он родился около 1700 г., умер после 1760 г.), русский полярный исследователь, капитан 3 ранга (в 1760 г.). Участник ВКЭ. В 1741-1742 гг.) описал часть берега п-ва Таймыр, достигнув при этом самой северной оконечности Евразии, ныне мыс Челюскин.

В 1878 г. его (мыс) посетил Норденшельд на пароходе "Вега", где им на грудах камней был сооружен из плавучего леса маяк. Фритъоф Нансен на своем "Фраме" также прошел мимо Челюскина мыса в 1893 г., но на него не сходил. К юго-востоку от мыса лежат три острова небольших размеров, названные Норденшельдом островами Челюскина; острова пустынные, покрыты снегом и льдом и невысоки.)

Команда "Якутска" состояла из 46 человек.

Командиром бота "Иркутск" определили лейтенанта Петра Лассениуса. (Лассениус Питер - один из исследователей северных берегов Сибири; датчанин родом, в 1725 г. принят на русскую службу с чином капитана. Он принимал участие в первой камчатской экспедиции,

а в 1733 г. назначен в ВКЭ, где на него было возложено описание берегов Сибири от р. Лены к Чукотке.)

В его команде был 51 человек, в числе их были подштурман Василий Ртищев, геодезист Дмитрий Баскаков и штурманский ученик Иван Глазов (данных о них нет).

В конце июня 1735 года Беринг проводил корабли и их экипажи: "Якутску" предстоял путь на Запад - к Таймыру и вокруг него, а "Иркутску" - на Восток, к Яне, Колыме, Чукотке.

7 августа Прончищев вышел из западного рукава дельты Лены в Оленекский залив, а Лассениус - из восточного рукава дельты Лены в залив Буорхая.

Прончищев 25 августа достиг реки Оленек. Команда изучила фарватер и вошла в реку, поскольку, по словам Беринга, "за поздним временем и от великих морозов далее следовать было невозможно".

Путешественники выстроили две избы, где и разместились на зимовку. В начале сентября ударили крепкие морозы, река встала. Зимовка длилась аж 11 месяцев. Только 3 августа 1736 года льды отступили от устья реки. "Якутск" вышел в море.

Через два дня вошли в Анабарский залив. 14 августа отряд высадился на левом берегу Хатангской губы, то есть на восточном берегу Таймыра, и провел исследования.

"Якутск" продолжил плавание 15 августа. 17 августа Прончищев открыл острова, которые назвал именем Петра-I. Появилось много льда: он наступал со стороны Ледовитого океана, неподвижно стоял у берегов, скопывая их. Дальше шли, как по узкому каналу, вдоль восточного берега Таймыра на север, огибая полуостров, чтобы успеть в Енисейский залив. "Якутск" мог быть раздавлен льдами в любой час.

"И 18 августа, - рассказывал Беринг, - "Якутск" при-

был к реке Таймыре и от оной реки подошли великие острова, меж которыми и берегом стоит великий лед, и к тем островам и подле берега прохода никакого не нашли; пошли дальше опять на север вдоль многолетнего припая льда". Немного не дошли до самой северной точки Евразии (ныне мыс Челюскин) - путь дальше на север был отрезан льдами. Ударил мороз, решили возвращаться назад, и наступил штиль. Шли на веслах. И надвигалась угроза вмерзнуть в лед, не имея ни дров, ни жилья. Но подул сильный, пусть и ледяной, зато попутный ветер. Удалось вернуться к зимовью на р. Оленек в начале сентября.

Однако силы путешественников, измученных стужей и голодом, были на исходе. Многие страдали от цинги. Тяжелее всех болели командир отряда Василий Прончищев и его верная спутница Татьяна Федоровна Прончищева.

29 сентября скончался Василий Прончищев, 11 октября умерла его жена Татьяна Федоровна. Было ему 34 года, а ей всего-то 23 года. Они похоронены в одной могиле, которая сохранилась до сих пор. Скоро исполняется 270 лет со дня этого печального события.

Оставшиеся в живых члены отряда под командой Челюскина и Чекина вернулись в Якутск летом 1737 года.

Трагично сложилась судьба и команды бота "Иркутск". До 14 августа они пытались пробиваться на восток. Но путь им преграждали великие льды. 14 августа отряд остановился на зимовку в устье реки Хараулах. Построили большой дом. Дров хватало, провизии по нормам могло хватить на два года. Но скоро среди моряков появились заболевшие цингой. Болезнь унесла 38 человек. Первым погиб сам командир Петр Лассениус. Только 13 человек из 51, покинувших в июне 1735 года Якутск, остались живы. Случилось это 270 лет назад.

15 июля 1737 года в Хараулах прибыл Дмитрий Яков-

Семен Челюскин

левич Лаптев, назначенный новым командиром отряда и бота "Иркутск".

11 августа запаслись продовольствием, новый отряд предпринял плавание к Колыме. Через три дня похода

убедились, что пройти на восток не удастся. Сегодня мы бы сказали: нужен ледокол! После неустанной борьбы со льдами отряд на "Иркутске" возвратился на р. Лену.

В июне 1738 г. он вновь спустился из Якутска по р. Лене и к концу августа был около устья р. Индигирки. 1 сентября море замерзло, и только через 9 дней удалось подойти к берегу против устья р. Индигирки, где нашлись и все ранее посылавшиеся люди, чуть не умершие там от голода и холода. Обмерзшее судно пришлось оставить и перебраться на зимовку в селение "Русское жило", в 150 км вверх по реке. Зимой Лаптев описал р. Хрому, а в 1740 г. получил предписание продолжать описание берега и, если возможно, обойти водой Чукотский нос. Надвинувшимися льдами корабль выкинуло на мель и только 31 июля ему удалось двинуться в путь. До р. Колымы добрались благополучно и, определив ее положение, пошли далее, но у Каменного мыса льды окончательно преградили путь. Пришлось вернуться и расположиться зимовать у Нижне-Колымска. Летом 1741 г. Лаптев сделал еще две попытки пройти морем далее на восток, но обе кончились неудачей, с опасностью для жизни, поэтому Лаптев решил более не пытаться пройти к Камчатке морем и по берегу на оленях, собаках, пешком вернулся через Нижне-Колымск в Анадырский острог. Весной 1742 г. построил два судна и с 9 июля по 3 августа произвел первую опись р. Анадырь до устья, затем сухим путем вернулся в Нижнее-Колымск.

(ЛАПТЕВЫ - русские мореплаватели, участники 2-й Камчатской экспедиции, двоюродные братья:

1) Дмитрий Яковлевич (1701-67 гг.), вице-адмирал (1762). С помощниками обследовал (1736-42 гг.) побережье Северного Ледовитого океана между р. Лена и р. Колыма, провел съемку рек Яна, Индигирка, Хрома, Ко-

Вулкан острова Кунашир

лыма, Большой Анюй и Анадырь.

2) Харитон Прокофьевич (1700-63 гг.), капитан 1-го ранга. Обследовал (1739-1742 гг.) побережье от р. Лена до р. Хатанга и Таймырский п-ов, нанес на карту Хатангский залив, рр. Пясины и Хатанга, открыл острова Большой и Малый Бегичевы и центральную часть гор Бырранга.

Их именем названо огромное море Лаптевых - между Карским морем и Восточно-Сибирским морем.)

Харитон Лаптев продолжил дело отряда Прончищева: пройти к западу от Лены реки до Таймыра.

9 июня 1739 г. Лаптев вышел из Якутска, а 21-го был уже в океане и, производя опись берега, зазимовал в Хатангской губе. 12 июля 1740 г. на той же дубель-шлюпке отправился далее на Запад, после тяжелого плаванья по губе вышел в море только месяц спустя, но здесь встретились еще более тяжелые препятствия; наконец,

льдами окончательно раздавило судно, и команде с офицерами пришлось по льду добираться до берега. С трудом они возвратились в свое прошлогоднее зимовье. Ввиду двух неудачных попыток обогнуть морем Таймырский полуостров, Лаптев решил описать его берега сухим путем, передвигаясь на собаках. Для этой цели им были снаряжены три отдельные экспедиции, причем сам Лаптев описал часть берега у устья р. Таймыры. В 1742 г. ездил еще раз в устье Таймыры, думая принять участие в описи крайней северной части полуострова, но за недостатком провианта вернулся в Туруханск.

Завершение описи северного побережья Таймыра и открытие самой северной точки Азии выпало на долю Челюскина. 4 декабря 1741 г. он выехал из Туруханска в низовья Хатанги. Почти три месяца путешествовал он с тремя солдатами по тундре, прежде чем достиг знакомых ему мест. Здесь он приготовил собачьи упряжки, запаса кормом и продовольствием. 3 апреля 1742 г. Челюскин отправился в свое последнее путешествие, которое обессмертило его имя. 1 мая он добрался до мыса Св. Фаддея и начал опись к северу.

Двигались по морскому льду. Из-за метели ничего вокруг не было видно. Только под вечер 8 мая погода несколько улучшилась, и путешественники возобновили опись берега. В тот же день они достигли самой северной точки Азии, которая носит название мыса Челюскин: 77° 43' с.ш. и 104° 18' в.д.

"Сей мыс каменный, прирый высоты средней,- записал Челюскин 8 мая 1742 г. в своем журнале,- около него льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оный Восточный Северный мыс".

15 мая он положил на карту последние неисследованные вёрсты северного побережья Таймыра - замкнулась цепь описей, выполненных Чекиным и Лаптевым на запад от Нижней Таймыры до устья Пясины.

Таким образом, почти все задачи по изучению морского пути из Архангельска в Тихий океан, поставленные перед отрядами ВКЭ, были решены. Остался неосмотренным лишь северный берег России, между Колымой и Чукотским Носом. Решение этой трудной проблемы спустя 80 лет выпало на долю великого российского полярного исследователя Ф.П.Врангеля, одним из первых обстоятельно рассмотревшего деятельность северных отрядов ВКЭ.

"Описание сих путешествий, - писал Ф.П. Врангель о действиях северных отрядов, - представляет читателю ряд опасностей, трудов и неудач, против коих плаватели наши должны были вооружаться твердостью духа, неутомимым рвением в исполнении своих обязанностей и мужественным терпением, самыми отличительными свойствами мореходцев всех веков и народов. Не ослепляясь пристрастием, мы невольно должны признаться, что подвиги лейтенантов Прончищева, Лассениуса, Харитона и Дмитрия Лаптевых заслуживают удивления потомства".

Лишь спустя 90 лет было заново картировано побережье России от границы с Норвегией до устья Оби и от устья Оленека до Берингова пролива, а описи Д. Овцына, Ф. Минина, Д. Стерлегова, В. Прончищева, Н. Чекина, Лаптевых, С. Челюскина, первыми картировавшими северное побережье России от Оби до Лены, оставались единственными до конца XIX - начала XX в.

По словам М.В. Ломоносова, «Полное Доказательство существования морского пути из Архангельска на Камчатку было доставлено офицерами Второй Камчатской экспедиции, которые установили, что северные и восточные берега Сибири омывает море, и тем самым не остается больше сомнения в существовании Северного морского пути».

Это выдающееся достижение было замечено не толь-

ко в России, но и за границей. В самом начале 50-х годов XVIII в. Парижская академия наук обсудила великие открытия русских в Арктике. Ею было отмечено, что в то время, как попытки Англии, Голландии и других европейских стран отыскать Северо-Восточный и Северо-Западный проходы не привели к существенным результатам, русские прошли на судах от Архангельска до Камчатки.

5. Курилы, Япония, Аляска...

В это время в Охотске готовились к походу еще два отряда: к берегам Америки под руководством Алексея Чирикова и к Японии во главе с Мартыном Шпанбергом.

Один из помощников В.Беринга Свен Ваксель писал: "Капитан Шпанберг был назначен главным начальником "японского" отряда экспедиции. Его суда, во избежание потери времени, были изготовлены в первую очередь. Капитан Чириков в эту же зиму 1736 года отправился в Охотск, а в 1737 году были заложены два бота, предназначенные для американской экспедиции. Постройка их по мере возможности продвигалась вперед, однако ускорить ее не представлялось возможным до окончания судов капитана Шпанберга".

18 июня 1738 г. японский отряд в составе трех судов покинул устье Охоты. Бригантиной "Архангел Михаил" командовал Шпанберг, дубель-шлюпкой "Надежда" - лейтенант Вальтон и ботом "Св. Гавриил" - мичман Шельтинг.

15 июля вышли к Курильским островам. Здесь суда разлучились. Шпанберг прошел вдоль Курильской гряды, не высаживаясь на скалистые берега, тем более что сильное течение и большая волна на море не позволяли стать на якорь. 3 августа достигли острова Уруп.

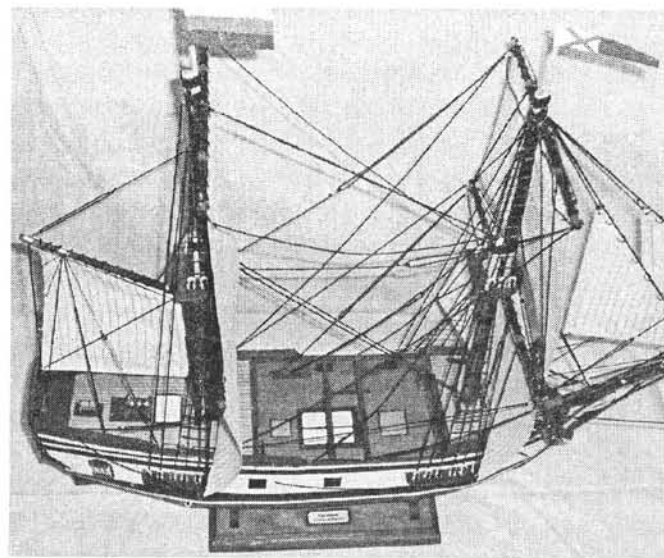
Удачным было плавание бота "Св. Гавриил". Командовавший им Вальтон положил на карту 26 островов, приблизившись к берегам острова Хоккайдо.

Первое плавание японского отряда, хотя и не достигшего поставленной цели, принесло новые сведения о Курильской гряде.

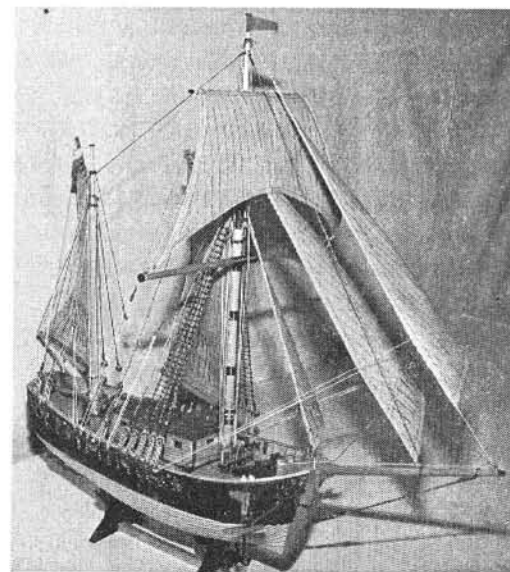
В течение зимы Шпанберг со своими спутниками готовился к новому плаванию. Были отремонтированы суда и построен небольшой шлюп "Большереец". Командование им было поручено боцманмату Эрту. 21 мая 1739 г. отряд покинул зимовку и спустя четыре дня сделал остановку у первых Курильских островов.

16 июня 1739 г. Шпанберг приблизился к берегам Японии и направился вдоль них к югу, встречая по пути множество небольших японских судов. С борта "Архангела Михаила" моряки рассмотрели на берегу четыре большие деревни, поля были засеяны хлебом. Местами виднелся лес. 22 июня суда отдали якоря на расстоянии около версты от берега. "Тогда, - писал Беринг, - приезжали к нему, Шпанбергу, на лодках с тех японских берегов рыболовы, из которых многие были на судах его, шпанберговых, и привозили рыбу камбалу и прочие большие и малые рыбы". Жители ближних селений доставили "пшено сарочинское, огурцы соленые и редис большой, и табак листовой и прочие овощи". "Вещи, в которых была нужда", моряки брали "со всякою дружескою ласкою". Японцы с удовольствием принимали ответные подарки, благодарно "прижимая руками к груди". Затем корабль Шпанберга посетили "знатные люди", которых одарили золотыми монетами.

Через несколько дней Шпанберг отдал приказ сниматься с якорей и следовать к Курильской гряде. Отряд Шпанберга в 1741-1742 гг. совершил еще две экспедиции для описи и картографии множества Куриль-

Судно «Святой Павел»

Судно «Святой Петр»

ских и других островов у берегов Японии и Амурского залива. Обе они прошли успешно.

* * *

8 сентября 1740 г., спустя семь с половиной лет после отъезда из Петербурга, экспедиция к берегам Америки вышла из Охотска в море. Теперь все зависело от Беринга, его помощника Чирикова, офицеров и матросов, от их мужества, смелости, выносливости. Packetботы "Св. Петр" под командой Беринга и "Св. Павел" под командой Чирикова оделись парусами и вышли на рейд.

26 сентября суда подошли к Авачинской губе, где предполагалось остановиться на зимовку, но войти в нее не смогли.

Десять дней продолжался неистовый шторм. Только 6 октября суда смогли, наконец, войти в Авачинскую губу. Подходя к берегу, путешественники увидели несколько новых домов и складов. Их выстроил штурман Иван Елагин, посланный год назад на Камчатку, чтобы подыскать удобную стоянку. Это была большая радость - офицеры и матросы могли спокойно провести зиму, живя на берегу в довольно сносных условиях. Беринг распорядился снять такелаж и поставить packetботы на зимовку.

Зимовка в Петропавловске (так был назван порт, заложенный экспедицией в Авачинской губе) прошла благополучно. Жители передали экспедиции больше сотни оленей, несколько сот пудов вяленой рыбы. Экономили только хлеб - муку надо было сохранить для предстоявшего плавания.

4 июня корабли вышли в море. Всего в плавание на двух кораблях уходили 152 офицера и матроса и двое членов академического отряда. Шли сначала на юго-восток, с 12 июня повернули на север.

Едва суда прошли первые десятки миль к северу, океан вдруг окутало молочно-белым туманом. Пакебот

"Св. Петр" бороздил море, как было установлено, но Беринг так и не встретил отряда Чирикова, который тоже искал корабль Беринга.

Убедившись в тщетности своих усилий, Чириков лег курсом на северо-восток. 26 июня на горизонте заметили очертания гор, но вскоре выяснилось, что за землю они приняли облака.

День 15 июля на корабле начался как обычно. Но вот над мачтами "Св. Павла" пролетели птицы. Затем увидели плавающие стволы деревьев.

Экипаж жил надеждой на встречу с землей. Вахтенные отмечали: "До полуночи была погода облачная с туманом и мокротою, а по полуночи сделалась ясная и до полудни было сияние солнца. В 2 часа по полуночи впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда еще не очень было светло, того ради легли в дрейф. В 3-м часу стало быть землю свободнее видеть, на которой виден был берег, и оной признавали мы подлинною Америкою по месту, по положению, по длине и по ширине". Действительно, утром 15 июля перед мореплавателями открылись не исследованные ни одним путешественником берега. Это была Северная Америка.

25 июля "Св. Павел" возобновил плавание. Шли вдоль берега. Встречались киты, сивучи, моржи, многочисленные стаи уток и чаек. Невдалеке виднелись покрытые лесом горы. 26 июля Чириков принял решение прекратить исследование берегов Америки, осмотренных на расстоянии 400 верст, и следовать к берегам Камчатки.

В. Беринг на "Св. Петре" подошли к Америке 16 июля немного севернее "Св. Павла".

И Берингу, и его спутникам не терпелось поскорее высадиться на американский берег. Но дули сильные переменные ветры. На море была большая волна. Опасаясь каменных рифов, экспедиция вынуждена была

держаться в отдалении от открытой земли и следовать вдоль нее на запад. Только 20 июля волнение уменьшилось, и моряки решили спустить шлюпку. На разведку отправился смелый и энергичный Софрон Хитрово.

(Хитрово Софрон Федорович - контр-адмирал. В 1731 г. участвовал в Камчатской экспедиции; с 1746 г. вместе с капитаном Нагаевым поверял карты Камчатской экспедиции и "за претерпение многих и неслыханных нужд" назначен директором Московской адмиралтейской канторы. Его "Журнал морского путешествия от Охотска до Камчатки 1740 г." в рукописи хранится в библиотеке СПАН.)

Он сообщил, что на берегу есть строения, в том числе жилые, но индейцы ушли в лес, и встречи с ними не было.

Беринг приказал отправить на остров натуралиста Стеллера. Его сопровождал казак Фома Лепехин. Стеллер провел 10 часов на берегу острова Каяк, успев за это время ознакомиться с покинутыми жилищами индейцев, предметами их быта, оружием и остатками одежды. Одновременно он описал 160 видов местных растений. Вечером 20 июля Стеллер возвратился на борт "Св. Петра". По распоряжению Беринга ему поднесли чашку горячего шоколада.

21 июля, назвав обследованное место мысом Св. Ильи, путешественники двинулись на запад. Карты имеющиеся (европейские) были непригодны, даже хуже, чем "приблизительные", порой "совсем наоборот".

Конец июля и август "Св. Петр" шел то в лабиринте островов, то в отдалении от них. Беринг заболел, совсем обессилел и редко оставлял каюту. К концу подошли запасы пресной воды. 29 августа экспедиция снова приблизилась к земле, стала на якорь между несколькими островами, которые были названы Шумагинскими (по имени матроса Шумагина, только что скончавшего-

ся от цинги).

Весь день и ночь шлюпка совершала рейсы между островом и кораблем, перевоза бочки с водой. Но продуктами запастись не удалось. Корабль выбрал якорь, оделся парусами и направился в море, однако через некоторое время вынужден был вернуться обратно под защиту Шумагинских островов - в океане бушевал шторм. Во время этой стоянки и произошла первая встреча русских моряков с американскими индейцами.

Побывав на острове, матросы убедились, что индейцы не употребляют ни лука, ни стрел, что они не знакомы с огнестрельным оружием. Верхние одежды жителей сделаны или из кишок кита, или из оленьих шкур. Шапки, изготовленные из шкур сивучей, были украшены перьями. "Лица их, - писал Ваксель, - были раскрашены в красный, а у некоторых в синий цвет; выражение лиц у них было различное, как у европейцев. Ростом они были довольно высоки и хорошо сложены".

8 сентября отплыли. Погода была все время ненастная, шторм. 25 сентября увидели землю, это был остров гористый и необитаемый. Пристать к берегу не было возможности. 4 октября налетел ураган. Многие уже болели цингой, у многих отнялись руки и ноги, хоронили товарищей почти каждый день. Тяжело болел В. Беринг. 24 октября 1741 г. палубу покрыл снег. Вахту несли из последних сил.

4 ноября увидели землю. Были уверены, что это север Камчатки. Беринг созвал совет, в котором участвовали Ваксель, Хитрово, Стеллер, Овцын, унтер-офицеры. Решили высадиться на неизвестную землю.

* * *

7 ноября Беринг отправил на берег Плениснера и Стеллера. Высадившись на землю, они обнаружили лишь заросли карликовой ивы, кое-где на берегу лежали бревна, выброшенные морем и засыпанные снегом. Побли-

зости протекала небольшая речка. Наконец можно было насытиться вдоволь хотя бы водой. В окрестностях бухты обнаружили несколько глубоких ям, которые, покрыв парусами, можно было приспособить под жилье для больных матросов и офицеров. Через день началась высадка. 9 ноября Беринга перенесли на носилках в подготовленную для него землянку. Наиболее здоровые члены команды, насколько у них хватало сил, перевозили своих товарищей с корабля на берег. Высадка проходила медленно.

Многие из больных умирали по пути или едва ступив на землю. Так погибло девять человек.

Драматизм тех дней особенно ярко передает дневник Вакселя: "19 ноября, - писал он, - я еще оставался на борту с семнадцатью людьми, в большинстве тяжело больными, и с пятью мертвецами. У меня было на борту лишь четыре ведра пресной воды, а шлюпка находилась на берегу. Я дал сигнал бедствия, поднял на вантах грот-мачты красный флаг, а на гафеле вывесил пустой бочонок из-под воды и дал несколько выстрелов из пушки. Из этих знаков находившиеся на берегу люди могли смотреть, что я нуждаюсь в пресной воде, однако ветер дул с такой силой от моря к берегу, что они не могли на шлюпке выгрести и добраться до корабля. Я приказал бросить покойников в море. На наше счастье выпал такой обильный снег, что можно было собрать его с палубы и заменить им недостающую пресную воду. Я оставался на корабле до 21 ноября, когда, наконец, прибыла лодка. Меня на руках перенесли в эту лодку, а затем четыре человека таким же способом, как командора Беринга, перенесли меня в ту же землянку, где находились остальные больные.

Я был уверен, что близок час моей смерти. Мой товарищ Софрон Хитрово держался на ногах все время, пока мы находились в плавании, хотя и у него цинга

проявлялась в довольно сильной форме, он был мне все это время добрым и преданным помощником. Только тогда, когда его перевезли на остров и высадили на берег, выяснилось в полной мере, как сильно он поражен болезнью".

22 ноября последние больные были доставлены на открытую землю. "Св. Петр", покинутый экипажем, стоял на якорях в бухте. 28 ноября сильной бурей корабль сорвало и выбросило на берег.

Прошло еще несколько дней, и капитан направил на разведку группу людей. Ей удалось подняться на вершину горы. С высоты они увидели безбрежное море. То была не Камчатка, а затерянный в океане необитаемый остров. "Это известие, - писал Ваксель, - подействовало на наших людей, словно удар грома. Мы ясно поняли, в какое беспомощное и тяжелое положение попали, и что нам угрожает полная гибель. В самом деле, мы оказались выброшенными на неизвестный и пустынный остров без корабля, без леса для постройки другого судна, без провизии с большим количеством людей, до последней степени больных, без лекарств или каких-либо средств для лечения больных, без жилья, выброшенными, так сказать, под открытое небо. К тому же вся земля была покрыта снегом. Впереди предстояла длительная зима с неизбежными сильными морозами".

Беринг умер 8 декабря 1741 г., не зная о том, что последнее пристанище экспедиции находится в нескольких сутках хорошего хода судна от Петропавловска.

После смерти Беринга командование отрядом перешло к лейтенанту Вакселю, старшему по чину офицеру.

"За крайним недостатком провианта, - писал Свен Ваксель, - будучи на том острове, ели всю непотребную натуре человеческой противную пищу, что море давало. Иногда бобровое, а иногда котовое и нерпичье мясо, тако ж и выкинутых из моря мертвых китов и сивучев,

Алеуты

всю зиму и весну до мая месяца и мая несколько дней. А потом, когда Бог дал, в мае - морскую корову".

Свежая пища, несмотря на скверное жилище, в котором ютились путешественники, способствовала выздоровлению многих участников экспедиции. 8 января был последний смертный случай. Всего из экипажа "Св.Петра" умер 31 человек, 45 остались живы, отвоевав себе жизнь в отчаянной схватке с трудностями и лишениями.

"Мне в особенности приходилось тяжелее, чем прочим, - писал Ваксель, - так как со мной был мой родной сын, мальчик двенадцати лет, служивший в то время волонтером; теперь он лейтенант российского флота, имя ему - Лоренц Ваксель. (Ваксели - русский дворянский род. Предок Вакселей - Свен вступил на службу в русский флот, был в Камчатской экспедиции и открыл много островов. Дети его были в 1778 году пожалованы в дворянское достоинство. Герб их находится в 1-й части Гербовника). Но пришел конец и зиме. В марте 1742 года Свен Ваксель созвал совет. 7 мая 20 человек приступили к постройке небольшого корабля из остатков "Св. Петра". 10 августа его спустили на воду. 13 августа моряки простились с островом Беринга - так они его называли.

На берегу осталась могила отважного капитана - командора.

17 августа прямо по курсу открылась Камчатка.

После 15 месяцев скитаний в океане и зимовки почти под открытым небом на необитаемом острове в ус-

ловиях голода, холода и непосильного труда они, наконец, ступили на родную землю. "Я, - писал Свен Ваксель, - не в состоянии описать радость и восторг, который каждый из нас испытал, убедившись в своем спасении".

Первым делом Свен Ваксель отправил в Петербург рапорт о плавании "Св. Петра" и смерти капитан-командора Беринга. Летом 1743 г. "Св. Петр" достиг Охотска. Отсюда моряки отправились в Якутск, где их ждал Алексей Чириков.

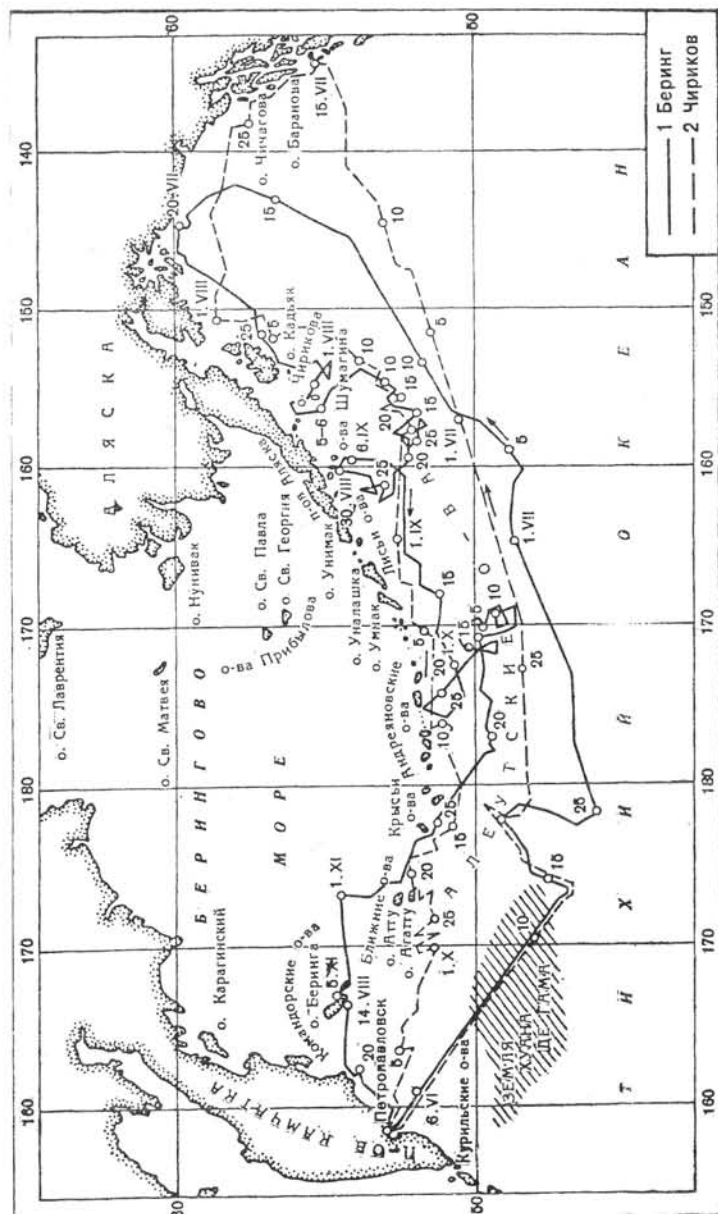
6. Экспедиция завершилась

10 мая 1746 г. офицерами Дмитрием Овцыным, Софроном Хитрово, Алексеем Чириковым, Иваном Елагиным, Степаном Малыгиным, Дмитрием и Харитоном Лаптевыми было закончено составление "Карты генеральной Российской империи, северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам с частью вновь найденных чрез морское плавание западных американских берегов и острова Япона".

Закончив плавание к северо-западным берегам Америки, Стеллер продолжал вести научные исследования. Вернувшись на Камчатку, он еще два года посвятил ее изучению. В мае 1743 г. Стеллер совершил поездку на Курильские острова, где сделал рисунки морского бобра, затем обследовал многие районы Камчатки, организовал там первую в крае школу и предложил ряд мер по улучшению положения местного населения.

Стеллер умер 12 ноября 1746 г. в Тюмени. Так закончился жизненный путь одного из сподвижников Беринга, ученого-натуралиста, обогатившего науку ценнейшими изысканиями на северо-западных берегах Америки, Алеутских и Командорских островах и на Камчат-

Карта плавания В. Беринга и А. Чирикова к берегам Северо-Западной Америки в 1741 г.

ке. Описанию последней он посвятил большой труд.

Столь драматически 260 лет назад завершилось последнее действие Великой Северной Экспедиции.

7. Прирастать Сибирью...

Величие России будет прирастать Сибирью - прозорливо предвидел наш замечательный просветитель и ученый М.В.Ломоносов, современник участников экспедиции, коллега и друг некоторых из них.

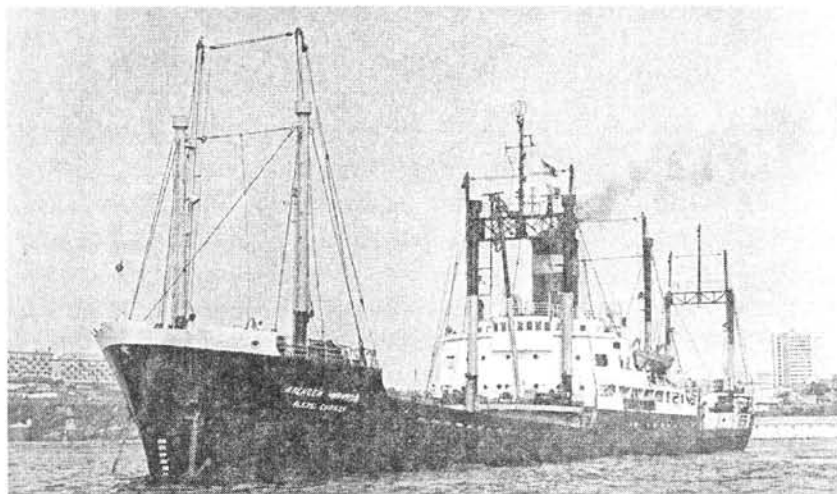
Я же уверен, что прирост этого величия произошел уже при жизни Михаила Васильевича. Сам факт осуществления такого грандиозного предприятия, как Великая Северная Экспедиция, повысил авторитет России в глазах просвещенной Европы весьма значительно, можно сказать, колоссально!

Результаты ВСЭ просто потрясающие. Их значение академик Карл Бэр определил как "памятники мужеству русских".

Мы уже говорили выше, что ценой больших жертв был изучен Северный морской путь, пройденный и морем, и сушей.

Русские моряки первыми открыли неведомые северо-западные берега Америки, Алеутскую гряду, Командорские острова и перечеркнули мифы о землях Иезо, Кампании, Хуана де Гама. Русские корабли первыми проложили морской путь из России в Японию, обогатив при этом географию сведениями не только о Курильских островах, но и о самой Японии.

Открытия и исследования экспедиции нашли отражение в целой серии карт. Особенно выдающаяся роль в обобщении добытых русскими моряками материалов принадлежит одному из блестящих и искусных мореходов того времени Алексею Чирикову. На его долю выпало завершение дел ВСЭ. Через несколько месяцев

Судно «Алексей Чириков»

после возвращения из плавания он составил карту северной части Тихого океана, точно показав путь корабля "Св. Павел", северо-западные берега Америки, острова Алеутской гряды и восточные берега Камчатки, служившие исходной базой для исследований россиян. Подобная же карта была составлена офицерами корабля "Св. Петр", в создании которой принимал участие Свен Ваксель.

По справедливому мнению знатока русского тихоокеанского мореплавания В.А. Дивина, карта морских офицеров свидетельствовала "о бесспорном приоритете русских в открытии Северо-Западной Америки" и являлась показателем огромного влияния великих географических достижений россиян на "развитие мировой картографии".

Картографическое наследство камчатских экспедиций огромно. Мореходами было создано более 60 как общих, так и региональных карт. Но к этому уникальному комплексу необходимо добавить около 40 карт, со-

чиненных академиком Миллером, студентами академического отряда и геодезистами ВКЭ.

Известно, что Миллером была составлена генеральная карта Сибири и карта "Новонайденной твердой земли Америки и прилежащих к ней островов". Им была изготовлена карта для труда С. П. Крашенинникова "Описание земли Камчатки" и составлена карта северных и восточных берегов России к своему сочинению о русском полярном мореходстве.

Часть открытий ВКЭ нашла отражение в "Атласе российском", изданном в 1745 г. Петербургской академией наук и оказавшем глубокое влияние на развитие западноевропейской географии.

Только Миллером была собрана уникальная коллекция карт: в разделе "О Сибири" насчитывалось 54 карты, а в разделе "О новых открытиях в Камчатском и Ледовитом морях" - 34.

В итоге морских и пеших походов офицеров, штурманов и геодезистов, действовавших в Арктике, было исследовано и картировано северное побережье России от Архангельска до Колымы.

Бесценны этнографические исследования.

Академик С.А.Токарев в 1969 году писал: "Если сравнивать с зарубежными этнографическими описаниями, то из работ более позднего времени трудно указать такую, которая равнялась бы по качеству с описанием (например) якутов у Линденау. Человек неутомимого прилежания, большой энергии и трудолюбия, он составил 18 описаний путешествий, в том числе шесть - специальных историко-этнографических работ, что по праву позволило занять одно из видных мест в числе этнографов XVIII в."

Огромная заслуга в деле создания самой обширнейшей в мире метеорологической сети принадлежит академику Гмелину.

Наблюдения и журналы Крашенинникова дошли до нашего времени и были опубликованы Н. Н. Степановым в сборнике "Крашенинников в Сибири". (М.; Наука. 1966).

"Описание земли Камчатки" справедливо считается классическим трудом, в котором впервые были рассмотрены природа, климат, рельеф, животный и растительный мир этого далекого края. Специальный раздел посвящен истории изучения и освоения русскими Камчатки.

Труды Крашенинникова, по словам академика А.П. Окладникова, проникнуты гуманистическим подходом к народам Сибири, "симпатией к ним и уважением к их культуре". "Ученый, - отмечал А.П. Окладников, - давал должное не только их стойкости в борьбе с природой, но и художественным способностям северных племен".

"Описание земли Камчатки" неоднократно переиздавалось в нашей стране, было переведено на несколько европейских языков. Многие из работ Крашенинникова остаются в рукописи.

Научное наследие ВСЭ столь велико, что не освоено полностью до сих пор. К нему обращаются ученые всего мира.

На основе этого наследия уже третье столетие развивается Сибирь и прирастает ею величие России.

**Рассказал
Валерий ЛЕНДЕНЕВ,
июнь 2006 г.**

С.П. КРАШЕНИННИКОВ И ЕГО ВКЛАД В ВЕЛИКУЮ СЕВЕРНУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ

Немногим из русских землепроходцев и путешественников XVIII в. удавалось впервые описывать неведомые доселе земли. Среди них наиболее удачливым был Степан Петрович Крашенинников, который первым во всем мире составил описание Камчатки.

Хотя сведения о ней имелись уже давно как у западных ученых, так и в России (из русских казаков первым достиг Камчатки в 1697 г. Вла-

димир Атласов с товарищами, а с 1702 г. там постоянно находился небольшой отряд казаков во главе с приказчиком для сбора дани), но настоящего научного ее описания не было.

Рассказы Владимира Атласова свое дело сделали. Интерес к самой дальней окраине земли Российской пробудился необычайный. И государь Петр I, давно помышлявший о точнейшем познании северных русских земель, особенно Сибири, перед своей смертью предначертал путешествие на Камчатку, чтобы оттуда обо-

зреть северные берега Сибири.

Профессор Иоганн Гмелин был одним из главных предводителей этого путешествия, совокупно с профессором Герардом Фридрихом Миллером. В помощь им было дано пять студентов, и в их числе - Степан Петрович Крашенинников, коему суждено было после того путешествия прославить свое имя и стать одним из самых выдающихся исследователей в истории русской науки.

Несмотря на специальные исследования, биографические сведения о С.П. Крашенинникове скудны и противоречивы. Точно не установлена ни дата, ни даже год его рождения. На основании расчетов историка А.И. Андреева, Крашенинников родился осенью 1711 г. Сам Степан Петрович, по-видимому, незадолго до смерти (1755), составил краткую автобиографию, где, в частности, указывал: "От роду мне сорок третий год".

Определенно известно, что Степан Крашенинников родился в Москве, в семье солдата Преображенского полка. Семья была самая "что ни на есть простая, бедная, отец в солдатах - понятное дело, помогать ей не мог" - и для мальчишки оставалось только одно впереди: пройти дорогой отца.

Но, видимо, незаурядные способности он обнаружил, если в 13 лет поступил в славяно-греко-латинскую академию, несмотря на строжайший запрет синода "помещиковых людей и крестьянских детей, также непонятных и злонравных, отрешить и впредь таковых не принимать".

Для своего времени эта школа давала неплохое образование, в основном, гуманитарное. Вышло так, что проложил Крашенинников путь своему одногодке М. Ломоносову, поступившему в ту же академию на семь лет позже, тоже скрыв свое происхождение. Какое-то время они учились в академии вместе.

Биографу М.В. Ломоносова А.Л. Морозову удалось воссоздать общую обстановку и многие примечательные детали, характерные для славяно-греко-латинской академии.

Учение в ней, особенно для неимущих учеников, сопровождалось многими невзгодами.

Бывало так, что скудное жалованье задерживали по долгу. А в 1732 г., например (как раз последний год пребывания в учениках Крашенинникова), его не выдавали вовсе. Учеников секли нещадно розгами и требовали от них не столько понимания, сколько зубрежки бесконечных текстов и правил.

Будущий ученый пробыл в академии до 1732 г., когда его из класса философии призвали распоряжением Сената в Санкт-Петербург: вместе с одиннадцатью своими товарищами он был приписан к Академии наук. После специального экзамена Крашенинникова в числе пяти лучших учеников прикомандировывают к академическому отряду Второй Камчатской, а точнее - Великой Северной экспедиции.

В истории географических исследований эта экспедиция, длившаяся десять лет (с 1733 по 1743 год), составила целую эпоху. Начальником ее был назначен Беринг, а его помощником - Чириков. Участники экспедиции были разделены на отряды.

Ценою невероятных трудов, лишений, а часто и самой жизни было составлено картографическое описание побережья от Архангельска до Чукотки; проложен путь от Камчатки до Северной Америки, от Восточной Сибири до Японии; собран колоссальный материал о природе и народонаселении громадной территории - от Урала до Курил.

Описанию Камчатки придавалось большое значение. Ей предстояло стать важной опорой Русского государства на Тихом Океане.

Работы по изучению Сибири и Камчатки должен был выполнять отряд, который снарядила Петербургская Академия наук. В помощь академикам для подсобных работ и были затребованы учащиеся Иконоспасской школы.

Путь экспедиции в Восточную Сибирь лежал через Казань, Верхотурье, Тюмень, Тобольск, далее по Иртышу до Семипалатинска, затем через Усть-Каменогорск, Колыванский завод, Кузнецк, Томск, Красноярск, Енисейск, Канск, Нижнеудинск, Иркутск. Из Иркутска, куда они прибыли весной 1735 г., путешественники совершили поездки в Кяхту (через Саленгинск) и на Аргунские заводы (через Читу и Нерчинск). Назад в Иркутск путь шел вдоль реки Аргунь, через реки Онон и Читу. В 1736 г. отряд, обогнув озеро Байкал, добрался до Баргузина, переправился через Байкал и направился в Якутск через Усть-Кут, Олекминск.

В дороге Крашенинников продолжает учиться - по книгам, которые взял с собой, а главное - у профессора Гмелина, дававшего тайком от Миллера, их начальника, лекции. Отчего-то очень не нравилась Миллеру та ненасытность, с которой Крашенинников относился к учебе.

Но не меньше учила дорога. Степан Петрович описывает свой путь со всеми подробностями, не упуская сколько-нибудь важных для науки деталей, и уже теперь обнаруживает задатки будущего большого географа. Он вникает в быт встреченных по дороге людей и так живописует его, что и сомнений быть не может, что вкоро- сти вырастет из него и крупный этнограф.

Студенту С.П. Крашенинникову, конечно, не полагалось профессорских удобств, но, очевидно, его путешествие по Сибири не сопровождалось такими лишениями, которые выпали на его долю позже, на Камчатке. Однако сибирские пути студента не были легкими.

Застигали его в пути выюга, дождь и лютый мороз; приходилось подчас голодать, проводить сутки без сна. Но все сильнее увлекал Крашенинникова его повседневный труд. Под руководством Гмелина Крашенинников прямо в поле изучал зоологию, ботанику, минералогию. Узнавал, как составлять географическое описание, по рассказам местных жителей и по архивным бумагам, хранящимся в приказных избах, знакомился с историей посещенных земель.

Более трех с половиной лет длился путь Крашенинникова по сибирским землям. Через год после выезда из Петербурга Крашенинников начал вести путевой дневник, названный им "Дорожным журналом". По этому дневнику, а также по другим записям можно ныне восстановить маршрут Крашенинникова по Сибири и в какой-то мере представить себе облик автора - пытливого молодого исследователя, наблюдающего жизнь сибирского населения, жадно всматривающегося в необъяснимую для него картину природы.

В "дорожном журнале" Крашенинникова можем прочесть о Томске, Енисейске, Красноярске, Иркутске и множестве селений, посещенных на сибирской земле.

Крашенинников успешно справлялся с заданиями профессоров. Постепенно ему стали доверять выполнение отдельных маршрутов и составление подробных описаний.

В 1735 г. Степан Петрович самостоятельно обследует теплые воды реки Онон, а в 1736 - совершает поездки по Витиму, Лене, Вилюю. Он составляет списки зверей, птиц, рыб, собирает гербарий, описывает маршрут.

1737 год путешественники встречали в Якутске, где уже собрались сотни участников второй Камчатской экспедиции. Вскоре профессора объявили студенту, что на Камчатку они направятся позднее, а ему надлежит

пока ехать туда одному. Он должен позаботиться, чтобы к их приезду были приготовлены удобные жилища. Самому же Крашенинникову надо, не дожидаясь их, приступить к научным изысканиям. В дальнейшем оказалось, что Гмелин и Миллер, ссылаясь на "худое здоровье", вовсе не захотели ехать на Камчатку.

Так Крашенинников отправился в далекий край не скромным помощником академиков, а самостоятельным исследователем, которому предстояло заменить собой весь отряд.

О природе Камчатской земли и о племенах, населяющих ее, было известно немного. Это путешествие могло закончиться печально: парусное судно "Фортуна" на подходе к Камчатке было выброшено на мель и чудом избежало крушения. Погибло почти все имущество молодого исследователя, однако книги и инструменты Степан Петрович спас.

Он сделал опись сохранившихся вещей, добавив к ней: "И больше у меня [ничего] не осталось, как только одна рубашка, которая ту пору на мне была". Так началась для Крашенинникова жизнь на Камчатке.

Когда впоследствии увидел свет его обширный труд, созданный в результате путешествия на Камчатку, читатели нашли в нем прекрасное, всеобъемлющее описание края, но почти ни слова об авторе, о том, как он жил на Камчатке, как свел дружбу с ительменами, завоевал их доверие, и сколько раз, быть может, находился на волоске от гибели, когда глухими тропами ходил в лесах или плыл в лодке по бурным рекам. Лишь по скудным строкам уцелевших донесений и писем Крашенинникова мы узнаем о его поездках к огнедышащим горам, к горячим источникам, к морскому побережью и кое-что о его быте на Камчатке. Во многих донесениях можно прочесть, как добивался он, чтобы к приезду профессоров (а он был уверен, что они приедут) были

выстроены удобные и светлые "хоромы". И только в одном из писем узнаем, что сам он жил в холодной маленькой каморке, зимой в ней оказалось "как ради стужи, так и ради угару жить невозможно" и пришлось ему "ради беспрестанного от угару беспокойства вытти в черную избу".

Долгое время Крашенинникову забывали выслать положенное жалованье. Он вошел в долги, питался кое-как, месяцами не имел хлеба. В нелегких, а подчас и в невыносимо трудных условиях Крашенинников жил на Камчатке с октября 1737 по июнь 1741 г., т.е. около четырех лет.

Все силы он отдавал научным изысканиям. Незнакомая, удивительная страна открывала чудеса своей природы, и он записывал о ней все новые и новые сведения.

Крашенинников обследовал большую часть побережья Камчатки, посетил некоторые внутренние районы, составил описание более девяти поездок, собрал уникальный исторический материал по освоению Камчатки русскими первопроходцами.

Благодаря установившимся контактам с местным населением, Степану Петровичу удалось получить большой этнографический материал, касающийся аборигенов полуострова и Курильских островов, составить словарики корякского, ительменского, айнского языков. С первых "камчатских" дней Степан Петрович проводит наблюдения за растительным и животным миром, собирает коллекции рыб, птиц, млекопитающих. С небольшим количеством помощников из казаков и местного населения Крашенинников продолжал "свои труды", несмотря на задержки жалованья и крайнюю скудость средств.

Он разводит, по-видимому, первый на Камчатке огород, пересаживает взятые из природы дикорастущие

кустарники: малину, смородину и т.д., ведет метеорологические наблюдения, записывает народные названия растений и животных, собирает материалы по промысловым видам рыб.

К сентябрю 1740 г. обзавелся, наконец, Крашенинников собственной избой. Нардоваться долго не мог, размещался торопливо - сколько ведь маялся! -- но основательно. Заботливо уставлял ящики с коллекциями, немногие приборы, нехитрую домашнюю утварь.

Ждал Крашенинников Гмелина с Миллером, по-прежнему хлопотал о хоромах для них, а они что-то не спешили ехать к нему. Видно, заняты оба чрезмерно...

Вместо них в конце сентября появились профессор Делиль де ла Кройер и адъюнкт Георг Вильгельм Стеллер. Через неделю после прибытия Стеллера Крашенинников получил от него письмо: "...велено по приезде моем в Большерецкий острог принять вас в мою команду и пересмотреть у вас всякие вами по приезду вашего на Камчатку по сих пор чиненные наблюдения и исследования...которые мне сомнительны покажутся ваши наблюдения, те исправить, чтоб никакого сомнения не осталось".

В страшном смятении читал Степан Крашенинников это письмо... четыре года непрерывной, тяжелой работы, четыре года лишений всяких - и теперь все накопленное трудом - все отчеты и описания, все отдать господину адъюнкту!

Так или иначе, а труды свои Крашенинников Стеллеру передал. Не мог не передать. Все теперь для него изменилось. Раньше он был сам себе голова, что считал нужнее всего, то и делал в первую очередь, а отныне каждый шаг надо делать с оглядкой, с соизволения господина адъюнкта.

Вскоре после прибытия Делиля и Стеллера, Крашенинников совершил поездку на северный полуостров -

это было его последним путешествием.

Долгое время искал он следы Владимира Атласова, зная о судьбе его незавидной, расспрашивал разных людей, копался в старых бумагах. И нашел, восстановил те далекие дни, когда бунтовщики разделились с неожиданным коварства Атласовым.

Трудно сказать, какие отношения сложились у Крашенинникова со Стеллером, но, судя по всему, неуютно жилось теперь Степану Петровичу.

Десятого марта 1741 года подает он очередной свой рапорт господину адъюнкту и в тот же день получает необычно скорый ответ-приказ, "ордер", согласно которому студент Крашенинников не позже лета должен оставить Камчатку.

Двенадцатого июня 1741 года Крашенинников отплыл от камчатских берегов на судне "Охотск". В Якутске он женился на родственнице местного воеводы Степаниде Ивановне Цибульской. Длился обратный путь около полутора лет, всего за годы путешествий по землям сибирским и камчатским Крашенинников, по его собственным подсчетам, прошел 25 773 версты.

В конце 1742 г. В Санкт-Петербурге Крашенинников держит экзамен, решивший вопрос об оставлении его при Академии для дальнейшей работы. Он представил также самостоятельную работу - описание рыбы корюшки, а позднее еще одну, ихтиологического характера.

В 1745 г. Степан Петрович назначается адъюнктом.

Несмотря на ничтожное финансирование, Крашенинников пытается улучшить состояние академического ботанического сада, составляет каталоги, выращивает новые виды, ведет обмен с иностранными учеными, в том числе с Линнеем.

Главную работу своей жизни он уже сделал, но и много дел было еще впереди. Нужно оформить весь труд, свести его в книгу.

Лишь в 1748г. Академия наук поручила ему обработку его же собственных собранных на Камчатке материалов.

В 1750г. Крашенинников назначается профессором ботаники и натуральной истории. Ему поручают возглавить академический университет и гимназию, в это время она активно работает над "Описанием земли Камчатки".

И вот последний, покрытый легкой вязью лист. Последняя строка. Точка. Труд завершен. Как на крыльях летит Крашенинников с ним в Академию. Рукопись сразу же отдают на отзыв.

Рецензировали рукопись академики Миллер, Ломоносов и другие.

Сам автор не дожид до выхода своей главной книги в свет.

Подобно другим разночинцам, которым удалось в XVIII веке пробиться к знаниям, стать учеными, студенту, позднее адъюнкту и профессору Петербургской академии Степану Крашенинникову всю жизнь пришлось испытывать жестокую нужду. Ученые звания не избавили его от бедности. Постоянная борьба с нуж-

дой подтачивала силы ученого. Жизнь его после возвращения с Камчатки длилась сравнительно недолго - около тринадцати лет. Но все эти годы были наполнены неустанной и разносторонней научной деятельностью.

Тяжело больной, обремененный постоянной нуждой, заботой о большой семье (жена и шестеро детей), издерганный академическими неурядицами, Степан Петрович успел прочесть лишь последний лист корректуры, набрать предисловие.

Двадцать пятого февраля 1755 года он умирает на пороге славы, в день, когда был отпечатан в типографии последний лист его "Описания земли Камчатки".

Болел он долго и, видно, из последних сил ждал этой страницы.

Она завершила его книгу и всю его жизнь.

В 1963г. при строительных работах на Васильевском острове в Ленинграде ковш экскаватора вывернул из земли плиту, на которой после расчистки обнаружили надпись: "На сем месте погребен Академии Наук профессор Степан Петров сын Крашенинников, который показал...", далее плита обломана. После специальных раскопок была найдена и могила ученого.

Ныне его прах покоится на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, недалеко от могилы Ломоносова.

Жизнь Степана Петровича Крашенинникова, его научные труды, многие из которых сохранились в рукописях, заслужили не только благодарную память потомков. Они ждут своих пытливых исследователей.

Евгения ДИКАРКИНА,
ноябрь 2006 г.
г. Новоуральск.

РОМАНТИКИ СЕВЕРА. СУДЬБА ВАСИЛИЯ И ТАТЬЯНЫ ПРОНЧИЩЕВЫХ.

С освоением Крайнего Севера в нашей истории связано немало замечательных страниц. Десятки исследователей посвятили свою жизнь тому, чтобы на карте было как можно меньше белых пятен. Вместе с тем о судьбах их самих мы знаем очень мало, и это невосполнимая утрата для нашей истории и культуры.

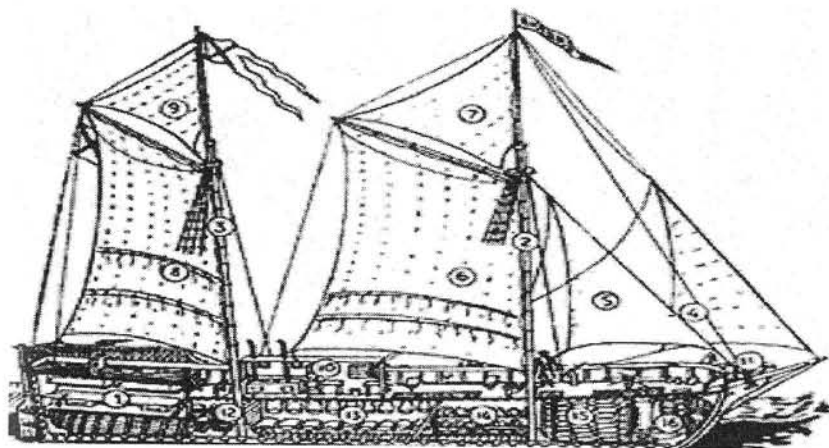
Осенью этого года исполнилось 270 лет со дня смерти выдающихся полярных исследователей, участников Великой Северной экспедиции XVIII века - мужа и жены Василия и Татьяны (Марии) Прончищевых.

Потомки с полным основанием объявили многих участников героями Великой Северной экспедиции. Но имя Василия Прончищева в этом ряду выделяется особо, потому как в плавание он пошел вместе с женой, ставшей первой в мире женщиной - полярной исследовательницей.

На Василия Прончищева была возложена задача произвести опись берега Ледовитого океана от устья Лены к западу. Под его командой была дубель-шлюпка "Якутск" (длиной 70 фут., шириной 18 фут., углублением 6,5 фут.). На этом судне он

вышел 30 июня 1735 г. из Якутска вместе с лейтенантом Лассиниусом. 13 августа Прончищев был у выхода в море у Быковского мыса; с ним были подштурман Челюскин, геодезист Чекин, иеромонах, подлекарь и до 50 человек команды. Экспедицию сопровождала молодая жена Прончищева - первая европейская женщина, участница полярного плавания, бывшая так далеко на севере. Обогнув дельту, Прончищев подошел к устью Оленека, где и зазимовал в двух избах, построенных им же из плавника. Летом 1736 г. Прончищев вышел в океан и описал берег на запад до Анабары, по которому посылал геодезиста, и через льды добрался до Хатангской губы; отсюда он прошел на запад до 77°29' северной широты - самое северное плавание в этих местах до 1878 г. (Вега). Льды вынудили Прончищева вернуться к Хатангской губе и далее к Оленеку, во время возвращения Прончищев скончался. Войти в устье удалось только 2 сентября; вскоре после этого похоронили Прончищева, а затем и его жену.

Благодаря многолетним архивным поискам В. Богданова - журналиста и историографа Прончищевых, нам

известна та небольшая информация о судьбах этих двух замечательных молодых людей. Благодаря В. Богданову жена Василия Прончищева, именовавшаяся до 1982 года Марией Прончищевой, обрела своё истинное имя, данное ей от рождения, - Татьяна.

Также мы ничего не знаем о взаимоотношениях Татьяны с Василием Прончищевым вплоть до 1733г. Несомненно лишь одно: они знали друг друга с детских лет - отец Татьяны владел деревней рядом с усадьбой Прончищевых. Поражает удивительная схожесть обстоятельств их жизни: Василий Прончищев также рано лишился родителей. Возможно, поэтому они еще более сблизились.

Их свадьба состоялась 20 мая 1733 г. в одном из родовых сел. В конце июня они приехали в Москву, но жить там не собирались. Лейтенант морского флота Василий Прончищев вошел в состав Второй Камчатской экспедиции и торопился отправиться в путь.

В Архиве древних актов обнаружены документы, освещающие некоторые подробности краткосрочного пребывания Прончищевых в Москве. 25 июня Василий подал прошение в Вотчинную коллегию. Он сказал лишь, что "в нынешнем 1733 году зговорил он женитца на девице Татьяне Федоровой, дочери Кондырева".

"Июня 28 дня 1733 году Татьяна Федорова, дочь Кондырева, принесла в Вотчинную коллегию за рукою мужа своего полюбовную челобитную". Это пока единственный обнаруженный документ первой полярницы. Она, в частности, подчеркивала: "В нынешнем 1733 году мая 20 дня мать, вдова Василиса Петровна да брат родной Федор Федоров, сын Кондыревы, по ее воли выдали ее замуж морского флоту лейтенанта за Василья Васильева, сына Прончищева".

Через несколько дней супруги Прончищевы спешно покинули Москву.

Полтора года длился маршрут Прончищевых по ве-

ликой Сибири. Нелегко был этот путь. Из Казани отправились в верховье Камы; затем в Осе дождались установления санного пути и, вновь погрузив припасы, двинулись в дорогу. К концу 1733 г. добрались до Тобольска, где и зимовали. Не дожидаясь весны, Беринг приказал лейтенантам В. Вальтону, В. Прончищеву и М. Плаутину срочно выехать в Якутск с командой мастеровых, чтобы помочь в строительстве кораблей. Несомненно, что все лишения пути испытала на себе и Татьяна, находясь рядом с Василием, она стойко переносила их.

Существует несколько версий о том, как Татьяна оказалась на военном корабле вместе со своим мужем. По одной из них, которая не была описана в литературе, в дороге с ними произошло одно неблагоприятное происшествие, которое в какой-то степени отразилось на дальнейших событиях в их жизни.

5 июня 1734 г. Василий Прончищев представил "доношение" в Илимскую канцелярию о "сыске и поимке" сбежавшего "в пути при Казаровской деревне" его "крестьянского человека" (слуги, денщика) Алексея Горбунова. И не было бы беды, если бы Горбунов не обокрал своих господ. Он забрал все ценные "пожитки" молодоженов - деньги, жемчуг, даже обручальные золотые кольца. Произошло это ровно год спустя после их свадьбы.

Несомненно, Татьяна отправлялась в плавание с мужем "из страстной к нему привязанности". Но не только любовь толкнула ее на этот решительный шаг. Как мы теперь знаем, после случившейся в дороге драмы супруги Прончищевы остались фактически без средств к существованию. Другие офицерские жены, бывшие в экспедиции, провожая мужей на север, сами оставались в Якутске или других обжитых местах. И там они покупали теплые вещи и продукты питания. А тогда, как и ныне, в Сибири царствовала дороговизна. Словом, не могла Татьяна прожить в Якутске.

К лету 1735 г. среди офицерского состава экспедиции сложилась атмосфера вражды, взаимных обвинений и доносов. Поэтому Василий Прончищев опасался оставить жену среди недоброжелателей. Выбор был сделан: Татьяна, вопреки существующим запретам, смело ступила на палубу военного судна.

29 июня 1735 года дубель-шлюпка "Якутск" отплыла вниз по реке в своё неведомое путешествие.

Волей божьей, или судьба распорядилась так, что это плавание оказалось последним в их жизни.

Они погибли. Василий Прончищев умер 30 августа 1736 года на борту судна, но из-за плохой погоды похоронить его смогли только 4 сентября 1736 года. Всё это время верная и любящая жена находилась у тела мужа. Татьяна Федоровна Прончищева умерла 12 сентября 1736 г. Ее похоронили рядом с мужем. Есть легенда: тело Татьяны нашли на могиле Василия. В жизни и смерти Василий и Татьяна Прончищевы оставались вместе.

До недавнего времени из записок в судовом журнале "Якутска", хранящемся в архиве флота в Петербурге,

смерть супругов Прончищевых характеризовалась как от цинги, но благодаря известному полярнику Дмитрию Шпаро, исследовавшему захоронение супругов, появилось новое предположение об их смерти. Незадолго до кончины Василий Прончищев получил травму левой ноги, открытый перелом большой берцовой кости. По мнению известного специалиста в области полярной медицины А.И. Михайлова, смерть произошла от тромба - прямое следствие открытого перелома. Это повреждение опасно для жизни даже в настоящее время: при повреждении крупных трубчатых костей может наступить смерть от жировой эмболии легких и головного мозга из-за попадания в кровь частиц костного жира и закупорки ими венозных сосудов. Что, по всей вероятности, и произошло. Причина смерти Татьяны Прончищевой, по данным исследования, осталась невыясненной. Скорее всего, это внезапная кончина мужа, она "умерла от великой печали".

Могила Прончищевых в устье р. Оленек сохранилась до наших дней благодаря стараниям других полярных исследователей.

В 1921 году начальник отряда Якутской комплексной экспедиции Н.И. Евгенов, побывав на месте трагедии, сделал такую запись: "Мы нашли могилу в печальном состоянии. Она была почти сравнена с землей, сруб гробницы ушел в землю, несколько прогнивших досок лежало сверху. Черный небольшой выветрившийся крест, сильно покосившийся, стоял в ее изголовье... То состояние, в котором мы нашли могилу, привело нас к решению привести ее в более соответствующий вид".

В 1989 году экипаж теплохода ледокольного класса "Василий Прончищев" установил на святую для них могилу полутонный чугунный крест и шесть столбиков с цепной оградой, отлитые в Архангельске. На кресте славянская вязь: "Лейтенанту Василию Прончищеву и его

жене Марии. Погибли в 1736 году". Выше - барельефное изображение дубель-шлюпки "Якутск", ниже - изображение старинного сектанта.

В 1999 году на побережье Северного Ледовитого океана в низовье реки Оленек, где дважды зимовал отряд Василия Прончищева, отправилась экспедиция, организованная клубом "Приключение" с участием Института археологии РАН и Российского федерального центра судебной экспертизы. Целей было несколько: идентифицировать захоронение, убедиться, что там именно Прончищевы; установить причину их гибели; восстановить прижизненный облик Василия и Татьяны. Восстановление прижизненного облика производилось в Москве. И после пластической реконструкции внешность Василия Прончищева (автор В.Н. Звягин) и Татьяны Прончищевой (автор М.Е. Березовский) в декабре 1999 года стала, наконец, достоянием благодарных современников. После изучения останков было произведено их торжественное захоронение по православному обряду.

На торжественном перезахоронении епископ Якутский и Ленский Герман прочитал над могилой поминальную молитву и окропил останки великих первооткрывателей святой водой. Через два с половиной столетия

души влюбленных супругов, не пожелавших расстаться и в смерти, наконец-то нашли покой.

В июле 2002 года известный полярный путешественник, руководитель клу-

ба "Приключение" Дмитрий Шпаро опять снаряжает экспедицию в поселок Усть-Оленек. На этот раз в состав экспедиции был приглашен Сергей Никитин, судебно-медицинский эксперт высшей категории, главный специалист в области антропологической реконструкции.

Реконструкции Василия и Татьяны Прончищевых, сделанные Сергеем Никитиным, многие современники считают абсолютно точными, передающими их внутреннюю красоту и очарование. Автор многих статей о Прончищевых Анатолий Антонов говорил: "Глядя на лица, возрожденные им, веришь - это настоящие герои молодой России, это настоящие Прончищевы".

Фактически обе эти молодые жизни были положены на алтарь славы России. Оба - по долгу. Он - по долгу службы, она - по долгу любви. Ему было 34 года, а ей - 26 лет.

Память о первопроходцах увековечена на географической карте. Именем Василия Прончищева названы восточный берег Таймыра, мыс, озеро, горный кряж, а именем его жены - большая бухта на Таймыре. В Якутске установлен памятник супругам Прончищевым.

Алексей МЕРЗЛЯКОВ,
ноябрь 2006 г.
г. Новоуральск.

ВЕЛИКИЙ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ ИЗ РОДА ЧИРИКОВЫХ.

*"Память его у всех...
в забвение не придет"*

Г. Ф. Миллер

Великий русский мореплаватель и талантливый ученый-исследователь, первооткрыватель Северо-Западной Америки капитан-командор Алексей Ильич Чириков родился 13 (24) декабря 1703 года в мелкопоместной семье тульского дворянина. Род Чириковых ведет начало из Золотой Орды. В середине XIII века христовой верой пленился молодой знатный монгол, который, приняв священное крещение, приехал в Ростов. Под именем Петра он принял монашество. В русской истории он известен, как Петр Ордынский. Умер он около 1290 года. Его правнук Петр Игнатьевич первый упоминается под фамилией Чириков, он участвовал в Куликовской битве. О фамилии - "чирик" по-тюркски воин, но "чирик" это и вид обуви.

У Петра был сын Иван, у которого были сыновья - Тимофей и Федор. От них-то и произошло разделение рода на две ветви. В наше время они могут быть названы Наумовской и Бончаровской. Внутри этих ветвей отпочковались свои ветви - Подольская, - в Бончаровской, а в Наумовской - Тульская, Рязанская, Ярославская, Казанская. Потомок Федора Чирикова - Макарий получил жалованную грамоту на село Наумово, его сородич по другой ветви Степан в 1682 году получил село Бончарово. Близость этих деревень и послужила причиной того, что Чириковы стали родниться друг с другом.

Первоначально предки будущего мореплавателя жили под Новгородом. В конце XVI в. его прадеды получали за службу поместные земли под Тарусой и Алексиным, Тулой и Серпуховым. В Госархиве древних актов найдено много записей о Чириковых, как о тарусских городских дворянах.

Не случайно родной дядя А. И. Чирикова - Иван Родионович Чириков - в одной из челобитных 1722 г. писал, что "деревнишки" в Тарусском уезде принадлежали его отцу и дедам "исстари".

Во второй половине XVII в. Чириковы из знатного и богатого рода превратились в захудалых мелкопоместных дворян. До сих пор не известно точного места и даты рождения Алексея Чирикова. Последние архивные изыскания позволяют назвать Тарусский или Тульский уезды, где в начале XVIII в. братья Илья (отец Алексея) и Иван Чириковы жили в родовом поместье. Из челобитной самого Чирикова можно предположить, что родился он во второй половине 1702 г., а не в 1703-м, как это утвердилось в литературе.

Родовое имение Чириковых находилось в селе Аверкиевское-Лужное Тульского уезда (ныне село Лужное Дубенского района Тульской области). Отец его одновременно служил комендантом в Киевской губернии. Туль-

ский период биографии Алексея Чирикова не исследован. Известно, что он жил и воспитывался в Москве у своего дяди Ивана Родионовича Чирикова. В январе 1715 года он был определен в Школу математических и навигационных наук, где проучился всего один год. В 1716 году его перевели в числе двадцати лучших учеников в Санкт-Петербург для продолжения учебы в только что созданной Морской академии. Воспитанник Морской Академии, лучший ученик ее первого выпуска, Алексей Ильич Чириков при выпуске, по распоряжению Петра I, присутствовавшего на экзаменах, был произведен сразу в чин унтер-лейтенанта (второй офицерский чин тогдашнего флота) и назначен на Балтийский флот. Однако по приказу Адмиралтейств-коллегии 11 сентября 1722 года после практического плавания на кораблях Балтийского флота он вернулся обратно в Морскую Академию, но уже в качестве преподавателя - таково было решение Адмиралтейств-коллегий.

В 1725 году его произвели в лейтенанты и направили в 1-ю Камчатскую экспедицию (1725-1730) помощником В. Беринга. В 1728 году на боте "Св. Гавриил" он совершил плавание от устья реки Камчатки на Север для поиска пролива между Азией и Америкой, проявил себя талантливым исследователем, получил чин капитан-лейтенанта.

Во время многотысячеверстного пути через пространства России от Петербурга до Охотска Чириков определил 28 астрономических пунктов, что позволило впервые выявить истинную широтную протяженность Сибири, а, следовательно, и северной части Евразии. Во время плавания вел судовой журнал, представляющий важный первоисточник по истории первой в России морской научной экспедиции. Совместно с В. Берингом и П. Чаплиным составил итоговую карту, значительно превосходившую прежние по точности и досто-

верности изображения Тихоокеанского побережья Северо-Восточной Азии.

Это была первая в истории научная экспедиция в высокие широты. Ее основная научная деятельность длилась всего три месяца, а четыре года и девять месяцев заняли подготовительные мероприятия и завершение: переход из Петербурга на Камчатку, заготовка провианта и строительных материалов, строительство экспедиционного судна, возвращение обратно.

Историк А. А. Сопотко подсчитал, что участники Первой Камчатской экспедиции на "Св. Гаврииле" совершили 155 территориальных и 18 океанографических открытий, нанесли на карту 66 географических объектов.

В 1733-1743 гг. был помощником Беринга во 2-й Камчатской экспедиции и одним из ее фактических руководителей. В 1740 году мореходы экспедиции Беринга - Чирикова с пакетботов "Св. Петр" и "Св. Павел" основали на Камчатке город Петропавловск, увековечив названия своих кораблей. Во время плавания в водах залива Аляска (одновременно с Берингом) Чириков открыл хребет Святого Ильи, обнаружил часть полуострова Кенай и островов Афогнак и Кадьяк. В плавании 1741 года суда Беринга и Чирикова в тумане потеряли друг друга и действовали самостоятельно. А.И.Чириков на пакетботе "Св. Павел" 15 июля 1741 года первым из европейцев достиг северо-западного побережья Америки, а затем прошел вдоль ее берегов на Север и на обратном пути открыл ряд островов Алеутской гряды (Умнак, Адах, Агатту и Атту), нанеся их на карту.

Рапорт Чирикова в Адмиралтейскую коллегию (декабрь 1741 года) о результатах плавания стал первым в истории описанием северо-западного побережья Америки.

Вот выдержки из документа, подписанного Чириковым 7 декабря 1741 года:

"...Июля 15 числа, перешел от устья Авачинской губы к востоку расстоянием на румб остен-норден 2178 минут или миль итальянских, а русских верст, которых заключается в градусе по осту по четыре версты с половиною - 3793, в северной широте в 55гр. 36мн. получили землю, которую признаваем без сомнения, что она часть Америки... А как она земля простирается, явствуют по журналу пеленга и плавание наше в параллельной, а наиявственнее приобщенная при Пакетбот "Святой Петр" сем карта...

При окончании 26 числа июля дошли до ширины северной 58 градусов и 21 минута... И в оном месте в начале 27 числа... понеже у нас при пакетботе не осталось ни одного малого судна и для надлежащего разведывания посылать на берег стало не на чем, также и получить прибавок воды к пропитанию своему не на чем же. Того ради, согласно со *; мною, лейтенант Чихачев, штурман в ранге флота лейтенанта Плаутин, штурман Иван Елагин положили... сего числа возвратиться...

...Августа 21 числа, несмотря, что долго стоят ветры нам противные, приказал я варить... два дня по одной каше, а токмо в третий день ее каши и для питья давать воду каждому человеку мерою, которою легли токмо жажду утолять... в дождливые дни служители собирали пекущую воду с парусов, которая вкусом от примечания со снастей смолы и горька... А понеже ветры противные весьма продолжались, тогда приказал я, дабы людям через день давать по одной каше...

А с 14 сентября принужден был приказывать варить и давать людям в неделю токмо одну кашу... пришла на многих болезнь цинготная, и с великим трудом офицеры по должности своей управление, а рядовые работы исправляли, а некоторые уже совершенно слегли и наверх не выходили..., а которые и ходили, то уже через силу должное им исправляли; и с 16 числа сего месяца

по возврат наш в гавань умерло шесть человек... октября бумер лейтенант Иван Чихачев: тако ж октября 8 штурман в ранге флотского лейтенанта Михаила Плаутин. А за болезнями своими вахт уже не содержали до кончины своей Чихачев за три, а Плаутин за две недели. В то же время и я весьма от цинги изнемог и уже по обычаю был приготовлен к смерти, а наверх не мог выходить сентября с 21 числа и по самый наш возврат в гавань... в управлении судном остался один штурман Иван Елагин, да и тот был весьма ж болен, но по крайней возможности преодолевал свою немощь, почти несходно был для управления наверху, которому от меня только вспоможения было, что, смотря счисления по журналу пути нашего, приказывал ему, какой иметь курс...

Октября 8 числа в 7 часу пополуночи увидели камчатскую землю, а 10 числа пополудни в 9 часу вошли в Авачинскую заливу и легли на якорь, причем уже имевшуюся пресную воду всю издержали, только остались две бочки, которую выгнали из морской воды через котлы огнем... 12 числа пришли в здешнюю святых апостол Петра и Павла гавань. А господин капитан-командор и по нижеписанное число, еще не возвратился..."

Эти выдержки дают ясное представление о том, какой ценой достался морякам пакетбота "Св. Павел" успех их исторического похода.

В 1742 году А.И.Чириков ходил на поиски пакетбота "Св. Петр", которым командовал В. Беринг, но дошел лишь до острова Атту и из-за тумана и ветров повернул назад. На обратном пути 22-23 июня видел остров Беринга, а юго-восточнее открыл остров Медный (позже вся группа получила название Командорских островов в честь Беринга) не предполагая, что на одном из них бедствуют моряки флагманского корабля.

В дальнейшем участвовал в составлении карты русских открытий в Тихом океане по итогам Камчатских

экспедиций.

В 1746 году был директором Морской академии в Санкт-Петербурге, 7 сентября 1746 произведен в капитан - командоры с переводом в Москву. Он был женат и имел двоих сыновей и трех дочерей.

А.И.Чириков скончался в конце ноября 1748 года в Москве от туберкулеза и последствий цинги. Заслуги А.И.Чирикова особенно велики в мореплавании, в обобщении собранного экспедициями богатого фактического материала, а также в составлении исключительно ценных карт. Именем А.И.Чирикова названы остров в Тихом океане, в юго-западной части залива Аляска (территория США), подводная гора в Тихом океане, мысы на острове Кюсю, в Анадырском заливе, Тауйской губе и на острове Атту.

Человек, столько сделавший для страны, умер в бедности. Через 15 лет после смерти капитана-командора его дети обратятся в правительствующий Сенат с просьбой покрыть долги отца.... Всей своей жизнью Алексей Ильич Чириков доказал, что Адмиралтейств-коллегия не ошиблась, направив его на тернистую дорогу моряка-исследователя. С 1725 года почти до самой смерти деятельность Чирикова была посвящена решению государственной проблемы отыскания и освоения морских путей у дальневосточных границ нашей страны. В Петропавловске-Камчатском установлены памятники Витусу Берингу и Алексею Чирикову. Великую Северную экспедицию ныне принято называть экспедицией Беринга - Чирикова.

**Ольга МЕРЗЛЯКОВА,
ноябрь 2006 г.
г. Новоуральск.**

Г. СТЕЛЛЕР И ЕГО ВКЛАД В ВЕЛИКУЮ СЕВЕРНУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ

...Каждый выдающийся исследователь вносит свое имя в историю науки не только собственными открытиями, но и теми открытиями, к которым он побуждает других.

Макс ПЛАНК

СТЕЛЛЕР Георг Вильгельм. 10 (21) марта 1709, Виндсхейм, Франкония (Германия)- 12 (23) ноября 1746, Тюмень.

Выдающийся российский натуралист и путешественник, адъютант натуральной истории Петербургской академии наук (1737 г.). Участник Второй Камчатской экспедиции под руководством В. Беринга. Первым изучил животный мир Аляски, Алеутских и Командорских островов, активно исследовал природу Камчатки. Стеллером описан целый ряд морских млекопитающих: сивуч, калан, северный морской котик, а также знаменитая морская корова.

Страницы биографии.

Георг Вильгельм Стеллер родился в небольшом свободном городке в семье органиста. В пятилетнем возрасте Георг поступил в городскую гимназию, которую закончил в 1729 г. Затем он поступил на теологический факультет Виттенбергского университета, а в 1731 г. - на теологический факультет университета в Галле. Там

он посещал лекции не только на своем факультете, но и на медицинском, где приобрел глубокие знания по анатомии животных и человека под руководством выдающегося анатома профессора Коштваца.

Одновременно с обучением Стеллер зарабатывал себе на жизнь, преподавая ботанику в знаменитом учебном заведении Д. Т. Франке при сиротском доме в Галле. Курс ботаники курировал профессор медицины Ф. Хофман, один из лучших медиков Европы того времени.

По совету Хофмана Стеллер сдал квалификационные экзамены по ботанике в Берлине, однако получить место профессора ботаники в университете в Галле ему не удалось. И Стеллер решил попытать счастья в России, где было вакантно место профессора ботаники в Петербургской академии наук. Денег на путешествие у него не было, и добравшись в 1734 г. до Данцига, где стояла русская армия, Стеллер поступил в нее хирургом. В ноябре того же года на корабле вместе с ранеными ученый прибыл в Петербург. Там он сблизился с видным просветителем петровской эпохи новгородским архиепископом Феофаном Прокоповичем, который оценил знания Стеллера и предложил молодому ученому стать его лечащим врачом.

В это время уже было известно о неудавшейся Первой Камчатской экспедиции, в которой Витус Беринг из-за непогоды не смог достичь берегов Северной Америки и найти то место, где Азия "сошлась с Америкой". В 1733 году правительство приняло решение об организации второй Камчатской экспедиции, называемой также Великой Сибирской, Великой Сибирско-Тихоокеанской, или Великой Северной. На эту экспедицию возлагались Большие надежды. Экспедиция должна была отыскать пути судоходства по Северному Ледовитому океану, разведать пути в Америку, Японию, провести

картографические исследования (уточнение расположения "земли да Тома"), изучить быт и нравы народов, населяющих эти земли. Узнав о Второй Камчатской экспедиции Беринга, Стеллер загорелся идеей изучения неизведанных территорий Восточной Сибири. Благодаря ходатайству Прокоповича в феврале 1737 г. он был принят на службу в академию наук адъюнктом натуральной истории при Камчатской экспедиции; в августе того же года Сенат одобрил путешествие Стеллера в Сибирь.

В январе 1738 г. Стеллер отправился в путь: из Петербурга в Москву, затем по рекам Оке и Волге до Казани, в Екатеринбург, Тобольск, Нарым и Томск. В Томске он тяжело заболел, а оправившись, в январе 1739 приехал в Енисейск. Оттуда Стеллер выехал в Иркутск и летом путешествовал по Забайкалью, собирая коллекции растений и животных. Будущий герой этой экспедиции Георг Стеллер попал в нее только благодаря своей настойчивости. Беринг всячески отказывался брать на борт второго медика, но желание молодого натуралиста "... ко всяким трудностям и трудам", а также стремление побывать в новоизобретенных местах было настолько сильно, что он добился от Беринга разрешения пребывать на судне не ученым или медиком, а на любых условиях. В начале 1740 г. он встретился с М. Шпанбергом - вторым помощником Беринга по Камчатской экспедиции - и добился разрешения ехать на Камчатку.

В начале весны 1741 г. Крашенинников С.П. проводил Георга Стеллера на восточный берег Камчатки - Авачинской бухты, откуда 4 июня 1741 года пакетбот "Святой Петр" под командованием Беринга отправился к берегам Америки.

Двигаясь на северо-восток, Беринг вскоре приблизился к гряде Алеутских островов и затем к п-ову Аляска, но прошел мимо, не заметив их, - увидеть близкую землю мешал туман. Стеллер, однако, обращал внима-

ние офицеров на приносимые с севера водоросли и улетающих в том направлении птиц. Но Беринг не считал необходимым прислушиваться к советам натуралиста. Сумей два исследователя договориться между собой - и судьба экспедиции могла бы сложиться совершенно иначе. Но случилось так, что лишь после полуторамесячного плавания 20 июля "Св. Петр" подошел к острову Кадьяк, которому русские моряки дали имя "Святой Ильи". Капитан-командор мало интересовался научными исследованиями острова, и Стеллеру пришлось пойти на скандал, чтобы получить разрешение хотя бы на 6 часов сойти на неизведанную землю.

"Всякий легко себе вообразит, как велика была радость всех, когда мы, наконец, увидели берег, со всех сторон посыпались поздравления капитану, до которого более всего относилась честь открытия", - писал возбужденный событием Стеллер. Естествоиспытатель Стеллер оказался в цейтноте. И иначе чем волей providения это не назовешь - то, чего Беринг достиг за 9 лет, Стеллер умудрился сделать за 10 часов. Сделанные им наблюдения вместе с данными штурманов позволили сделать безошибочный вывод - найден берег Америки. Пока команда занималась заготовкой воды, Стеллер делал работу, для которой и был рожден на этот свет, - он исследовал. Натолкнувшись на натопанную тропу, он буквально стремглав бросился на поиски людей. Сопровождавший его казак Фома Лепехин пытался его удержать: "Навалятся ватагой, не отбиться. Вишь, как срублено (об ольховом пруте). Не иначе ножом либо топором. Давай к своим. Ведь убьют здесь, али в полон возьмут. Пропадем". На что Стеллер резонно ответил: "Дурак. Здесь есть люди, их надо найти..." Упорство было частично вознаграждено - они набрали на кострище аборигенов, и Стеллер был готов поклясться, что это стоянка камчадалов (ильменов), и если бы не ландшафт и

растительность, он мог бы все-таки поклясться. Еще одна загадка поджидала его, когда он натолкнулся на яму, подобную тем, в которых камчадалы квасили рыбу: четыре шага вдоль, три поперек - в два человеческих роста. Но... рыбьей гнилью не пахло. С риском, что их рано или поздно обнаружат, Стеллер спустился в яму - это оказался подземный амбар, в котором стояли берестяные сосуды в два локтя высотой, набитые копченой лососиной, в других - чистая сладкая трава; лежали груды крапивы; связки сосновой коры; веревки из морской травы необыкновенной прочности; стрелы, превосходившие по длине камчатские (хорошо оструганные и выкрашенные в черный цвет). По их поводу Лепехин заметил: "Не иначе татарская или тунгусская". Они прошли еще версты три в надежде встретить жителей, пока не увидели струйку дыма. Но добраться до этого огня им так и не удалось - по пути Стеллер увидел стаю птиц, породу которых он никак не мог определить. Поэтому он попросил Лепехина подстрелить одну из них. При звуке выстрела с той стороны, куда стреляли, раздался человеческий вопль. Стеллер бросился туда, но там никого не было, хотя трава была примята, словно там кто-то стоял. Вероятно, кто-то из местных все время их сопровождал или, в крайнем случае, натолкнулся на них только что и в недоумении наблюдал за незваными гостями.

Выстрел напугал его. Этот выстрел принес еще два результата - подстреленная птица оказалась ранее неизвестной науке, и ее первооткрывателем явился он - Георг Стеллер, а также на звук этого выстрела пришел матрос, отправленный на поиски - пора было возвращаться... Но за это короткое время он успел собрать 160 видов местных растений, взять образцы домашней утвари, ознакомиться с покинутыми жилищами.

Уже на следующий день на другом острове Алеутс-

кой гряды экспедиция натолкнулась на американских индейцев.

30 августа судно стало на якорь около одного из Шумагинских островов, названных так по имени первого из погибших от цинги матросов экспедиции. На острове Стеллер нашел щавель и обладающую противочинготным действием горечавку и просил дать ему матроса, чтобы сделать запас трав для всей команды. Но получил отказ - ссора с самоуверенным и язвительным натуралистом заставила Беринга пренебречь очевидными мерами безопасности.

6 сентября "Св. Петр" направился в обратный путь. Корабль трепали бури, и только спустя 2 месяца экипаж вновь увидел землю. Положение судна было катастрофическим, почти все члены команды, в том числе и сам Беринг, были больны цингой. Экспедиция высадилась на берег неизвестного острова, который в дальнейшем получил имя Беринга - вскоре после высадки капитан-командор скончался. Остров представлял собой безлесную, необитаемую землю. Люди вынуждены были жить в вырытых в песке ямах, прикрытых парусиной, и сильно страдали от жестоких ураганов и снегопадов. Во время зимовки погибло тридцать человек. Пища состояла в основном из мяса каланов, за которыми охотились те, кто мог ходить. В этих тяжелейших условиях проявилось исключительное самообладание, мужество и трудолюбие Стеллера. За время пребывания на острове он описал 220 видов растений, наблюдал морских котиков, сивучей. Его огромной заслугой явилось описание морской коровы, животного из отряда сирен, впоследствии полностью истребленной и оставшейся только в описании Стеллера. Свои наблюдения за этим животным он начал с первых же дней зимовки, однако добыть первую корову удалось только в середине мая. По описанию Стеллера, это неуклюжее с

виду животное достигало 10 м в длину, а весило примерно 4 тонны. Относительно маленькая голова постепенно переходила в удлиненное туловище, заканчивающееся хвостом, похожим на китовый. Передние конечности в виде грудных плавников использовались для плавания на мелководье, где животное питалось водорослями - морской капустой. Именно неторопливое поедание растительности на подводных "лугах" дало основание Стеллеру назвать это необычное живое существо коровой; среди моряков было распространено и другое название, характеризующее особенности питания этих сирен, - капустницы. Здесь же, на острове, Стеллер начал писать книгу "О морских зверях". Он охотился на зверей, собирал растения и готовил товарищам лечебный чай. Исследовал топографию и геологию острова, описал его флору и фауну, собрал большой гербарий, многочисленные коллекции. Среди птиц особый интерес представлял открытый ученым эндемик острова - большой очковый, или стеллеров баклан. Вымершая птица была крупной на вид, размерами, превосходящими гуся. В брачный период его темное, с металлическим отливом оперение становилось особенно красивым. Свое название он получил из-за ярких желтых колец в виде очков. Как и многие крупные морские птицы, баклан утратил способность к полету, и это обстоятельство, по всей вероятности, решило его судьбу. Замечательный пловец, стеллеров баклан прекрасно приспособился к условиям жизни на Командорских островах, но к появлению человека он не был готов. В течение 100 лет ради яиц и мяса продолжалось безжалостное уничтожение многочисленных колоний птиц. Эта птица стала известна науке только благодаря описанию Стеллера, так как он был единственным натуралистом, видевшим ее живой.

Пережив трудную зиму, экипаж из остатков разбито-

го штормом "Святого апостола Петра" построил маленькое суденышко, на котором 26 августа 1742 года и вернулся в Петропавловскую гавань. На этом вторая Камчатская экспедиция была завершена.

Период с августа 1742 по август 1744 г. был временем необыкновенно бурной деятельности ученого. Стеллер вдоль и поперек исходил и изъездил Камчатку, посетил почти все остроги (поселения), собирая везде коллекции растений и животных, производя этнографические, исторические и лингвистические исследования. В августе 1744 Стеллер оставил Камчатку и отправился в Петербург, везя с собой многочисленные коллекции, образцы редких растений и т. д. Но вернуться в столицу ему так и не удалось. В 1746 г. в Тюмени Стеллер скончался - ему было всего 37 лет.

Основные научные труды Стеллера.

Многочисленные рукописи и черновые записи исследователя были переданы в Академию наук и сейчас хранятся в ее архиве в Санкт-Петербурге. Всемирную известность получили сочинения Стеллера "Описание земли Камчатки", "Топографическое и физическое описание острова Беринга", "Дневники морского путешествия из Петропавловской гавани на Камчатке в Америку и события, происшедшие на обратном пути", опубликованные на немецком языке; и особенно знаменитое его произведение "De bestiis marinis", первоначально изданное в 1751 на латыни, а затем (в 1753) переведенное на немецкий язык.

Безусловно, это далеко не весь перечень заслуг Георга Вильгельма Стеллера. На мой взгляд, самым большим вкладом Стеллера в Великую Северную экспедицию является то, что он смог передать всему миру свои труды и знания, которые в дальнейшем сыграли важную роль в развитии картографии и истории в целом. Это человек-наука, и мы, несмотря на прошедшие 260

лет, должны помнить его и его заслуги перед человечеством.

Мария ФАДЕЕВА,
ноябрь 2006 г.
г. Новоуральск.

БОТ "СВЯТОЙ АРХАНГЕЛ ГАВРИИЛ" - УЧАСТНИК ВЕЛИКИХ СЕВЕРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

История Камчатки богата именами судов, прославивших российский флот и науку, являвшихся участниками великих географических открытий и исторических событий. Это - "Восток", проложивший морской путь из Охотска на Камчатку в 1716 г., участвовавший в плавании вдоль Курильской гряды в 1721 г. в составе первой в России научной экспедиции; "Св. Петр" и "Св. Павел", плававшие в 1741 г. к берегам северо-западной Америки; "Слава России", в 1790-1791 гг. исследовавший Алеутскую гряду и Аляску; "Юнона" и "Авось", ходившие в 1806-1807 гг. в Калифорнию и разгромившие японские военные посты на Южных Курилах и Сахалине; корабли - участники русских кругосветных плаваний в 1803-1850-х гг. (их около сорока); "Аврора", сыгравшая решающую роль в отражении нападения англо-французского десанта на Петропавловск в 1854 г.; "Витязь", проводивший в 1860-е гг. океанографические исследования в северной части Тихого океана; "Таймыр" и "Вайгач", в 1911-1914 гг. прокладывавшие северный морской путь; и десятки других.

Но особое место в ряду этих знаменитых российских кораблей занимает бот "Святой архангел Гавриил" - первое морское судно, построенное в 1728 г. на Камчатке из местного леса. До "Св. Гавриила" лишь два российских судна плавали в Охотском море, но построены они были в Охотске: "Восток" - в 1716 г. и "Фортуна" - в 1727 г. В XVIII в. были построены несколько кочей, способных ходить по морю вблизи берегов, на ко-

торых плавали С. Дежнев, Ф. Попов, М. Стадухин и другие.

"Св. Гавриил" служил на Тихом океане 27 лет, до 1755 г. В документах того времени его называли по-разному: "Святой Гавриил", "Гавриил" и даже "Гаврила" или "Гаврил". С ними связаны многие открытия и славные исторические события. Такие, например, как плавание первого европейского судна за северный полярный круг в Чукотском море в 1728 г., открытие Аляски в 1732 г., участие в обследовании юго-западного побережья Охотского моря, Шантарских островов в 1730 г., участие в подавлении восстания ительменов и основании нового Нижне-камчатского острога, первое посещение русскими Японии в 1739 г., исследование Авачинской губы и основание в 1740 г. одного из старейших городов на русском Дальнем Востоке - Петропавловска-Камчатского.

На "Св. Гаврииле" плавали такие известные русские мореплаватели, как В. Й. Беринг, А. И. Чириков, М. П. Шпанберг, П. А. Чаплин, К. Мошков, Я. Генс, И. Федоров, М. С. Гвоздев, В. Вальтон, И. Ф. Елагин и другие.

Документы Первой (1725-1730 гг.) и Второй (1733-1743 гг.) Камчатских экспедиций, а также походов А. Ф. Шестакова и Д. И. Павлуцкого (1727-1746 гг.) позволяют проследить основные этапы деятельности "Св. Гавриила" с момента его закладки до окончания Второй Камчатской экспедиции. К сожалению, дальнейшую его судьбу по доступным нам документам проследить не удается.

"СВЯТОЙ ГАВРИИЛ" В ПЕРВОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

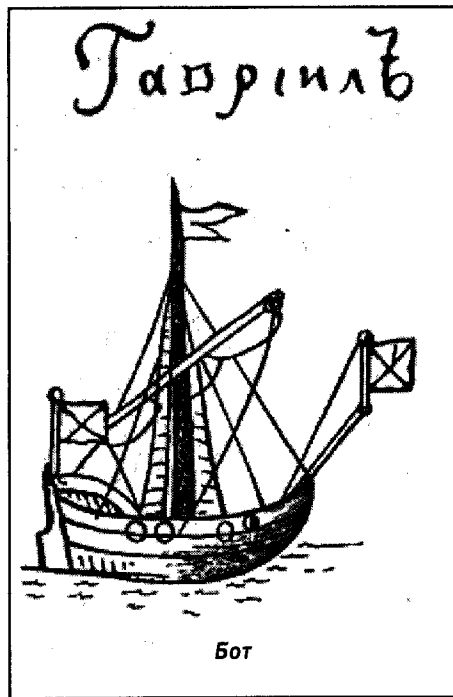
23 декабря 1724 г. Петр I подписал указ Адмиралтейств-коллегии об организации Первой Камчатской экспедиции, а две недели спустя, 6 января 1725 г., не-

задолго до своей смерти, он написал инструкцию о ее задачах. Идея экспедиции возникла у Петра I в последние месяцы жизни как часть грандиозных географических исследований. Петр I замыслил установить непосредственные морские отношения с Индией, для чего собирался послать экспедицию для исследования морского пути из Архангельска в Тихий океан. Но для этого необходимо было выяснить вопрос: существует ли пролив, разделяющий Азию и Америку.

Начальником экспедиции был назначен 43-летний капитан Витус Йонансен Беринг, а его помощниками - лейтенанты Мартын Петрович Шпанберг и Алексей Ильич Чириков. В ее составе насчитывалось 60 чел. нижних чинов. Штурманом был определен гардемарин Петр

Чаплин, произведенный во время плавания в мичманы. В состав экспедиции вошли геодезист Григорий Путилов, ботового и шлюпочного дела мастер Федот Федотович Козлов.

Апреля 4 дня 1728 г. заложен один бот. Судно строилось по чертежам лучших военных кораблей. Детали скреплялись железными гвоздями. В его создании принимали участие шестнадцать енисейских и иркутских плотников, четыре кузнеца и два конопатчи-

ка. 9 июня, то есть через два месяца после закладки, бот был спущен на воду без палубы и окрещен в честь святого архангела Гавриила, день которого праздновался.

Достройка "Св. Гавриила" закончилась 6 июля. Судно имело длину по килю 18,3, ширину - 6,1 и осадку 2,3 м, трюм для грузов, кубрик для команды, офицерские каюты и камбуз.

13 июля 1728 г. "Св. Гавриил" вышел из устья реки Камчатки в море и взял курс на север. Плавание длилось до 2 сентября. Моряки не имели никаких навигационных карт, ни у одного из них не было опыта плавания в приполярных водах. Шли вдоль берега, определяли свое место с помощью магнитного компаса. 30 июля бот находился в Анадырском заливе, где открыл залив Св. Креста. 8 августа участники похода впервые увидели чукчей, разговаривали с ними и выяснили, что против их земли в море есть острова. 10 августа действительно открыли остров, получивший имя Св. Лаврентия.

В вахтенный, или шканечный, журнал полагалось записывать астрономические определения местоположения в океане не реже чем раз в сутки, а при плавании в виду берегов - точные пеленги на приметные ориентиры. Все эти измерения на "Св. Гаврииле" делали штурманы Чаплин и Чириков. Они же вместе с геодезистом Путиловым составили карту плавания. Полвека спустя, в 1778 г. в этих местах, пользуясь картами, составленными штурманом "Св. Гавриила", плывал великий мореплаватель Джеймс Кук. Он пишет: "Я должен сказать, что он (Беринг) очень хорошо обозначил этот берег, а широты и долготы его мысов определил с такой точностью, которую трудно было ожидать, учитывая те способы определений, которыми он пользовался".

После зимовки 5 июня 1729 г. бот вышел в море и

пошел "к востоку для искания земли, понеже слышали от камчатских жителей, что есть земля против камчатского устья в близости".

Не найдя земли (Командорских островов), о которой Беринг предполагал, что это Америка, бот повернул на юг и, зайдя 3 июля в Большерецк, прибыл в Охотск 23 июля 1729 г., где Беринг сдал "Св. Гавриила" командиру порта под расписку.

На этом закончилось участие "Св. Гавриила" в Первой Камчатской экспедиции. 1 марта 1730 г. Беринг, Шпанберг и Чириков вернулись в Петербург. Хотя экспедиция и не решила окончательно вопроса о существовании пролива между Азией и Америкой, не нашла Америки, ее географические открытия и богатый этнографический материал имели большое научное значение. На карту было положено северо-восточное побережье Азии от мыса Лопатка до мыса Кукурного в Беринговом проливе, произведена опись этого побережья и островов Св. Лаврентия и Диомида.

Это была первая в истории научная экспедиция в высокие широты. Ее основная научная деятельность длилась всего три месяца, а четыре года и девять месяцев заняли подготовительные мероприятия и завершение: переход из Петербурга на Камчатку, заготовка провианта и строительных материалов, строительство экспедиционного судна, возвращение обратно.

Историк А. А. Сопочко подсчитал, что участники Первой Камчатской экспедиции на "Св. Гаврииле" совершили 155 территориальных и 18 океанографических открытий, нанесли на карту 66 географических объектов.

Все участники экспедиции были повышены в звании. В. Беринг был награжден одной тысячей рублей и вне очереди 14 августа 1730 г. произведен в капитан-командоры (чин, соответствующий званию контр-адмирала). М. П. Шпанберг получил звание капитана третьего

ранга, А. И. Чириков - капитан-лейтенанта, а в 1732 г. - капитана третьего ранга, П. А. Чаплин - унтер-лейтенанта. По представлению В. Беринга 7 сентября 1730 г. 25 других участников плавания на "Св. Гаврииле" были повышены в чинах.

К БЕРЕГАМ "БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ"

Дальнейшая судьба "Св. Гавриила" связана с экспедицией А. Ф. Шестакова - Д. И. Павлуцкого, созданной в 1727 г. для поиска и освоения новых земель и островов. В указе от 10 апреля 1727 г. Екатериной I экспедиции предписывалось "...отправить из Адмиралтейской коллегии геодезиста, которой бы в бытность их на море и на которых островах будут основательную ланткарту. Да для морского ходу из Адмиралтейства же отправить штурмана, подштурмана, да матросов добрых десять человек, выбрав из сибиряков, и с ними компасов десять или пятнадцать с принадлежностями, чтоб могли оные штурманы и матросы в западном и восточном морях в потребных случаях на судах кои тем ныне есть или впредь сделают, со означенными служилыми людьми ходить...".

В состав экспедиции входили четыре отряда: андырский, камчатский, охотский и морской. В морской отряд (адмиралтейскую группу) были направлены геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев, штурман Якоб Генс, подштурман Иван Федоров, ботовых дел подмастерье И. Г. Спешнев, мореходы А. Я. Буш, И. И. Бутин, К. Мошков, Н. М. Треска и десять матросов.

В 1730 г. "Св. Гавриил" был передан в распоряжение экспедиции, руководство которой, после гибели А. Ф. Шестакова, последовавшей 14 марта 1730 г. в сражении с чукчами неподалеку от реки Пенжины, принял майор Дмитрий Иванович Павлуцкий. "Св. Гавриил" играл главную роль в морских исследованиях. Летом 1730 г. под

командой И. Шестакова (племянника А. Ф. Шестакова) "Св. Гавриил" плывал из Охотска в Большерецк, затем ходил для описания западного побережья охотского моря, заходил в устье рек Уды, Амура, на Шантарские острова, где проводились гидрографические измерения, сделаны чертежи.

После зимовки в устье реки Большой "Св. Гавриил" прибыл 9 июля 1731 г. в устье реки Камчатки. В связи с болезнью Генса и Федорова ботом во время перехода фактически командовал М. С. Гвоздев. Выход в море был назначен на 20 июля. Но в этот день началось восстание ительменов под предводительством еловского тойона Федора Харчина. Восставшие сожгли Нижнекамчатск и убили много русских.

Экипажу "Св. Гавриила" пришлось принимать участие в подавлении восстания и ликвидации его последствий. Зимовать пришлось в разрушенном остроге в тяжелых условиях, о чем сообщал И. Федоров:

11 февраля 1732 г. Д. И. Павлуцкий прислал Я. Генсу новое распоряжение о передаче командования экспедицией геодезисту М. С. Гвоздеву. 23 июля 1732 г. "Св. Гавриил" вышел из устья реки Камчатки. Больной Генс остался на берегу. На борту находились М. С. Гвоздев, И. Федоров, мореход К. Мошков, четыре матроса, тридцать два служилых человека и толмач Егор Буслаев. 5 августа моряки подошли к Чукотскому носу и до 15 августа плавали вдоль берегов, высаживаясь в нескольких местах, пытаясь вступить в контакты с местными жителями. Они искали острова.

Только 17 августа экспедиция увидела остров (ныне остров Ратманова), но подойти к нему не смогла из-за сильного ветра и вернулась к чукотскому берегу. Через два дня она сумела подойти к северной оконечности острова. М. С. Гвоздев с матросом Петровым и десятью служилыми людьми высадился на берег, где про-

изошла стычка с местными жителями. Гвоздев осмотрел две деревянные юрты, видел еловый и сосновый лес и "с того де острова видели и Большую Землю".

Так русские люди впервые увидели Аляску. Утром 20 августа "стали на якорь против второго острова (остров Крузернштерна), и между первым и вторым островом расстояние версты с полторы увидели остров не большей первого острова, меньше".

Высаживались и на этот остров. Таким образом, моряки "Св. Гавриила" были первыми русскими людьми, которые посетили острова Ратманова и Крузернштерна.

Следующий день - 21 августа 1732 г. - можно считать историческим. Первые европейцы достигли северо-западного побережья Америки. М. С. Гвоздев сообщает об этом так: "Августа де 21 дня пополудни в третьем часу стал быть ветер пособной, и пошли к Большой земли и пришли к оной земли и стали на якорь от земли в верстах четырех". Земля, к которой подходил "Св. Гавриил" - это мыс Принца Уэльского на полуострове Сьюарда. 28 сентября 1732 г. "Св. Гавриил" вернулся на зимовку в Нижнекамчатск.

19 декабря 1732 г. Гвоздев отправил в Анадырский острог Д. И. Павлуцкому подробное донесение о походе и "надлежащие описи", но Павлуцкого в это время там не было, он находился в Якутске. К рапорту прилагалась копия вахтенного журнала (лагбуха). Подлинный лагбук был отправлен летом 1733 г. в канцелярию Охотского порта, но без карты. Гвоздев объяснял, что карта похода не была составлена из-за отсутствия согласия с подштурманом Федоровым, который считал, что его дело - сочинение морской карты, а геодезиста - ландкарты, то есть карты суши.

Сам Федоров скончался в Нижнекамчатске в феврале 1733 г., а М. С. Гвоздев оставался до лета 1735 г. на Камчатке, выполняя поручения "при строении вновь остро-

гов". В 1735-1738 гг. он был под следствием по ложному доносу, а после освобождения выполнял различные обязанности во время Второй Камчатской экспедиции.

Лишь в 1743 г. М. П. Шпанберг обнаружил журнал, который во время плавания неофициально вел И. Федоров. По приказанию Шпанберга М. С. Гвоздев в октябре 1743 г. составил карту плавания 1732 г. Оригинал карты был доставлен Шпанбергом в Иркутскую канцелярию и также утерян. Сохранилась лишь копия, посланная в Адмиралтейств-коллегию.

В 1733-1735 гг. по распоряжению командира Охотского порта Г. Г. Скорнякова-Писарева "Св. Гавриил" совершал под командованием Я. Генса рейсы в роли "перевозочного судна" между Камчаткой и Охотском, доставляя людей и различные грузы.

4 августа 1735 г. "Св. Гавриил" отправился в свой последний рейс в качестве головного судна экспедиции Шестакова-Павлуцкого. На нем отбыли и участники плавания 1732 г. к Большой земле - М. С. Гвоздев, ботовых дел подмастерье И. Г. Спешнев, матрос Л. Петров, которые вместе с Я. Генсом были вызваны в Иркутск "по важному делу". Перед отправкой в Иркутск Я. Генс передал "Св. Гавриила" М. П. Шпанбергу для плавания в Японию в составе Второй Камчатской экспедиции.

В 1791 г. Г. А. Сарычев, обследуя острова Диомида (Ратманова и Крузернштерна), присвоил им название "острова Гвоздева".

К БЕРЕГАМ ЯПОНИИ

Русские моряки были представителями пятой европейской страны, достигшей берегов Японии. Впервые европейцы узнали о Японии в конце XIII в. из дневника Марко Поло: В России первые сведения о Японии появились в конце XVII в. В "Космографии" 1670 г. приво-

дится информация о ее географическом положении, климате, природных ресурсах, нравах и обычаях японцев, их религии и занятиях.

Идея поиска морского пути из Камчатки в Японию родилась у Петра I в 1702 г. после беседы с японцем Денбеем Татэкава, привезенным В. Атласовым в Москву с Камчатки. В том же 1702 г. Сибирский приказ от царского имени повелел Якутской воеводской канцелярии послать на Камчатку "охочих людей" для проведения пути в Японию через Курильские острова, чтобы "учинить с Японским государством... торги немалые".

В октябре 1705 г. при Петербургской навигационной школе началось обучение японскому языку. Учителем был назначен тот же японец Денбей, который был крещен и наречен Гавриилом.

В 1737 г. была сформирована Охотская флотилия Второй Камчатской экспедиции. В нее вошли "Св. Гавриил" и шитик "Фортуна", отремонтированные в 1736 г., а также построенные под наблюдением М. П. Шпанберга бригантина "Архангел Михаил" и трехмачтовый дубель-шлюп "Надежда". Бригантина была спущена на воду 7 июля 1737 г., а дубель-шлюп - 19 июля. Из-за недостатка провианта экспедицию пришлось отложить до весны 1738 г.

Отряд М. П. Шпанберга был одним из восьми отрядов Второй Камчатской экспедиции. Пять отрядов были сформированы для обследования побережья Северного Ледовитого океана, Академический отряд - для всестороннего изучения Камчатки и два морских отряда, В. И. Беринга и М. П. Шпанберга, - для открытия морского пути из Камчатки в Америку.

23 мая 1739 г. флотилия из четырех кораблей вновь отправилась в путь к Японии. Во время следования Шпанберг поменял командиров: ботом "Гавриилом" стал командовать В. Вальтон.

14 июня, на подходе к острову Хонсю, "Св. Гавриил" отстал и дальше продолжал плавание самостоятельно. К японскому берегу все четыре судна подошли в один день - 16 июня. Корабли Шпанберга курсировали вдоль японского побережья до 22 июня, дойдя до 37 градуса с. ш. (района современного города Иваки). "Св. Гавриил" находился у берегов Японии до 24 июня и прошел до 34°30', то есть до района Токийского залива.

Путь в Японию удалось проведать лишь в 1739 г. Сделал это морской отряд Второй Камчатской экспедиции под руководством М. П. Шпанберга. В состав отряда из четырех судов входил и "Св. Гавриил", отличившийся тем, что его моряки были первыми русскими людьми, ступившими на японскую землю 19 июня 1739 г.

ИССЛЕДОВАНИЕ АВАЧИНСКОЙ БУХТЫ И ОСНОВАНИЕ ПЕТРОПАВЛОВСКА

Летом 1740 г. "Св. Гавриил" еще раз напомнил о себе. Он стал первым в истории морским судном, вошедшим в Авачинскую губу. Случилось это 10 июня 1740 г. Его экипаж под командованием штурмана мичманского ранга Ивана Фомича Елагина составил карту Авачинской губы, определил место для строительства и заложил первые строения одного из старейших городов российского Дальнего Востока.

В исследовании Авачинской губы и подготовке базы для зимовки экспедиции В. Беринга принимал участие "Св. Гавриил". По возвращении из плавания в Японию бот 22 августа 1739 г. прибыл в Охотск. В рапорте в Адмиралтейств-коллегию 10 сентября 1739 г. Беринг так определил цель экспедиции: "...понеже, как известно, что на Камчатке, кроме Авачинской губы, к отстою морским судам безопасных мест нет, да и о той подлинного известия не имеется, а в какой она глубине состоит и можно ль построенными для нашего вояжу пакетбота-

ми в тое губу с моря судами вхаживали... К тому ж при оной губе надлежить быть для жилья служителем строение, також и для клажи, правянта магазейнам, да и от Большой реки до означенной губы морской берег и поныне еще не описан.

А вышереченному штурману Елагину... чтоб прибыти к большой реке порученный в ево команду бот "Гавриил" поставил в удобное место, ...иттить ему зимним временем от Большой реки по берегу до Авачинской губы и тот берег описать, и ежели явятца против берегу острова, те положить на карту... А ему, Елагину, по описанию того берега, от Аваченской губы возвратитца паки к Большой реке... и иттить на боту к Аваченской губе и ту губу вымереть и описать со обстоятельством, можно ли в тое губу пакетботами войтить и в зимнее время без опасности зимовать".

И. Ф. Елагин, прибыв осенью 1739 г. в Большерецк, начал выполнять инструкцию Беринга, а в дальнейшем в точности все выполнил.

Переход "Св. Гавриила" из Большерецка вокруг мыса Лопатка в Авачинскую губу был шестым в истории мореплавания в камчатских водах. Первый из них совершил шитик "Фортуна" в 1728 г., остальные пять - "Св. Гавриил" (в 1729, 1731, 1733 и 1739 гг.).

О дальнейшей судьбе "Св. Гавриила" документы Второй Камчатской экспедиции, к сожалению, не упоминают. Вероятно, до конца своей долгой жизни (разобран в 1755 г.) он служил перевозочным судном при охотской канцелярии, доставляя грузы и людей из Охотска на Камчатку и обратно.

Татьяна МЕРЗЛЯКОВА,
ноябрь 2006 г.
г. Новоуральск.

КНЯЗЬ И КАПИТАН

(Эссе)

Каждое утро Князь сидел в "пудренной комнате". Он сидел неподвижно, закутанный в простыню поверх мундира, с маской на лице. Открытыми оставались только волосы. Слуги княжеские, Мишка и Ванька, забравшись на низенькие антресоли, посыпали голову его сиятельства пудрой. Она летела по воздуху, как первый снег осенью, и равномерно ложилась на его пышную, частично фальшивую шевелюру. И так каждый день. Сиди под этим "снегопадом" и чихай, потому что пудра, как ни прикрывай лицо, забиралась и под маску, проникая в широкий и мясистый княжеский нос. Так велит всемогущая мода, которую неизвестно кто придумал, но следуют ей все. В высшем свете, разумеется.

Эта минута была дорога Князю тем, что можно было побыть в полной тишине, в полном бездействии и окинуть мысленным взором день прошедший и день предстоящий. Потом, в течение дня времени подумать может уже не быть. Потом нужно будет действовать: говорить, льстить, угождать, унижаться, грозить, плести интриги, в общем, делать все, что все вокруг привыкли делать обыкновенно.

Всадник, едущий на коне, с виду сидит в седле спокойно, почти и не двигаясь. На самом же деле сидеть в седле - это работа всех мускулов, и проскакав день, устанешь смертно. Так и вельможа, который спокойно и величаво восседает у кормила власти.

Князь стряхнул с мундира остатки пудры и, блестя бриллиантами, вступил в свой кабинет. С тех пор, как матушка-государыня поручила ему в числе прочего вести северной экспедицией, Князь обставил свой кабинет по-морскому. Были убраны в чулан легкомыслен-

ные картинки, все эти Венеры и Амуры. А вместо этого явились карты неизведанных земель, компасы, глобусы, барометры и модели кораблей. Хотел в углу токарный станок поставить, чтобы совсем уж было а-ля герр Питер, да подумал, куда с таким-то брюхом на станке работать. Засмеют ведь люди.

В кабинете секретарь подал Князю письмо от Капитана. Он уже наперед знал, что там в письме: "Если Вашему сиятельству благоугодно будет на нужды экспедиции отпустить того-то и вот того-то на сумму такую-то..."

Капитан писал эти записки весьма часто, и Князя всегда возмущала бесконечность списков того, что было необходимо экспедиции. Казалось, что каждый день являются новые потребности. Возмущали размеры запрашиваемых сумм, хотя Капитан очень подробно объяснял, на что именно он собирается эти деньги потратить.

"О времена, о нравы, - подумал Князь. - Все наглее становятся эти вот первопроходцы-мореходцы. В седой древности Лейф Эрикссон ничего из казны не просил на свои походы. За собственный счет плавал. А вот Колумб уже был горазд урвать с их величеств. Потребовал и денег, и титул, и должность наместника вновь открытых земель. Не зря, говорят, был из евреев. Правда, он-то открыл для королей новый мир.

Эх, жаль, что мы, русские, поздно вышли в море. Что все золотые горы, серебряные реки, берега слоновой кости, острова пряностей и кокосовых орехов уже когда-то кем-то были открыты и завоёваны, а нам, русичам, остались лишь голые берега студёных морей, птичьи базары на неприступных скалах, плавающие льды, туманы и жуткий, выматывающий душу холод и полярная тьма без конца и без края. Не орхидеями, а ворванью тухлой пахнут наши моря".

Князя познакомил с Капитаном учёный секретарь

Академии наук. Долго хвалил за храбрость и превосходные деловые качества, рассказывал о каких-то его походах и ещё о каких-то заслугах. А потом махнул лакею, и Капитан вошёл. Черноволосый, усы в стрелку, с виду умен и вежлив. Синеглазый и спокойный. Даже, может быть, излишне спокойный. При встрече с Князем полагалось робеть, конфузиться и чувствовать себя не в своей тарелке.

С ним будет непросто, подумал Князь.

Когда Капитан вышел, Князь сказал ученому секретарю:

- Дерзок уж очень, может приискать нам кого другого.

- А они, флотские, все такие, ничего не боятся. Как говорится, они уж и так на галерах.

На галерах - значит на каторге. В древности галеры так и называли каторгами. Так и говорили: "Плаваем на каторге". С тех пор Князь мысленно называл Капитана "каторжник" или "этот". На людях же был любезен и деликатен.

Вообще-то, несмотря на глобусы и кораблики в кабинете, Князь не одобрял и не понимал этой затеи матушки с экспедицией. Экспедиция нужна будто бы для прогресса, для просвещения и для блага отечества. Что такое есть благо отечества - это доподлинно известно самой матушке, а нам, её верным слугам надлежит ревностно и рачительно исполнять её указы, а не задумываться попусту. У Князя было и своё, тщательно скрываемое от других мнение насчёт прогресса и всего остального. Нет, Князь не был ретроградом, не был и себялюбцем, смотрящим только в своё корыто. Но благом отечества для него была, во-первых, защищённость государства от врагов внешних и внутренних, а во-вторых, - постепенное и неуклонное приращение государственных богатств. Ни первая, ни вторая задачи этим

северным походом не решались. От какого врага могла обороняться Россия в этих диких, безлюдных местах? Какую выгоду извлечь из торговли с дикими инородцами?

Иногда Князь мыслил, что все эти огромные пространства на Севере и на Востоке - это просто прибежище для нерадивых холопов, которым хоть бы куда сбежать, хоть бы что делать, лишь бы не работать на своего барина. Вот и будут бежать на вновь открытые земли, где ещё нет и не скоро будет российская государственная администрация.

Правда, насчёт полезности этих гиблых краёв были у Князя и свои резоны. Знал он, что водится там некий зверь, не виданный в наших европейских краях. Лиса чёрная. Князь взял со стола шкурку, приложил к щеке неведомо-мягкий, ласкающий, чуть щекочущий мех. Лиса лежала в куче других мехов, которые Князь как образец показывал всем, кто приходил в его кабинет. В этом и состояла немудрящая коммерция Князя в свою пользу. Он посоветовал Капитану настрелять в краях неизвестных некоторое количество этих красивых зверей в обмен на некоторую сумму, которую Князь добавит от себя лично в счёт обеспечения экспедиции.

- Я же не купец, я исследователь, ученый, - возмущался Капитан.

Он хотел было отказаться, но Князь сумел деликатно и ненавязчиво объяснить, что денег, выделенных на экспедицию не так уж и много, что государыне необходимы средства, чтобы поддерживать блеск своего двора, что блеск государева двора есть вопрос престижа страны, то есть такое же, а может и более важное дело, чем его экспедиция. Так что отказываться от добровольных вспомоществований, хоть и не совсем бескорыстных, всё-таки не следует.

Сколько на самом деле было выделено на экспеди-

цию, знал лишь сам Князь, но не много - это точно. Несмотря на весь свой прогрессизм, государыня тратила на балы и экипажи, на шляпки и булавки куда больше. Князь даже рассматривал своё назначение чуть ли не как опалу, несмотря на всю важность этого дела. "Лучше бы назначили меня каким-нибудь распорядителем празднеств и торжеств, думал он, - сколько бы денег проходило тогда через мои руки".

У Князя была привычка, свойственная в большей или меньшей степени почти всем вельможам. С любого дела, которое ему поручалось, он хотел кое-что взять и для себя. Князь не зарывался, брал понемногу. И чем крупнее было дело, которое ему поручали, тем больше было то "немногое", что текло Князю в карман. Делалось это не одной корысти ради, а в основном для того, чтобы просто усидеть на своём месте. Чтобы усидеть, надо было блистать, иметь процветающий вид, иначе на тебя перестанут обращать внимание. Чтобы усидеть, надо делиться с теми, от кого в чём-то зависишь. Чтобы усидеть, надо знать замыслы врагов. Нужна личная агентура, которая даром работать не станет. Врагов у Князя было много и расходов тоже.

О закулисной жизни государевых денег Капитан догадывался и почасту спорил и ругался с Князем, грозил, что пойдёт жаловаться лично... Ну насчёт "лично" Князь был спокоен. Все концы сходились на нём, он сам себя контролировал. А если кто сунулся бы его ревизовать, погряз бы, утонул бы в цифрах. Князь боялся другого. А если сердце у Капитана не выдержит, и он швырнёт перчатку. Каждый раз, встречая Капитана, Князь видел эти перчатки - грубые, из толстой коричневой кожи. А если он скажет: "Вы, Князь, вор и негодяй - и запустит перчаткой прямо в лицо.

А что, ведь имеет право. Он такой же дворянин. И как поступить? Отказаться от вызова? Тогда пострада-

ет честь. Люди уважать перестанут. Принять вызов? "Тогда он меня просто убьёт", - со страхом думал Князь.

Князю всегда попадалось на глаза оружие Капитана - не шпага и не сабля, а длинный, прямой и тяжёлый палаш в чёрных деревянных ножнах. Он походил на меч древнего рыцаря. Князю казалось, что его золочёную шпагу он перерубит с первого взмаха. Князь знал, да, именно знал, что Капитан никогда его не вызовет, потому что очень хочет отправиться в неведомые земли, а подобный инцидент сразу поставил бы крест на его планах. Знал, но все-таки невольно побаивался этого человека и слегка напрягался, заслышав его шаги за дверью кабинета.

Капитан, видимо чувствуя, что Князь его побаивается, сражался, как лев, за каждый рубль. Он совался в каждую щель. Проверял счета, спрашивал, почему это стоит столько, а это вот столько, и можно ли купить дешевле, не проиграв на качестве. И Князю становилось всё труднее сэкономить что-то в свою пользу. «Написать бы донос на эту каторжную рожу», - думал Князь, чувствуя, как у него от волнения начинает подёргиваться веко.

- Ты кому это, Князь, подмигиваешь? - спросила однажды матушка на приёме во дворце. Князь смутился и долго, целых несколько секунд, не мог ничего сказать. Он стоял, а вокруг широко и искренне улыбались разные прихлебатели и завистники, открыв рты с огромным множеством белых, словно отполированных, зубов. Потом Князь нашёлся, чем отбрехаться, но этот момент он запомнил надолго.

Так, в хлопотах прошло лето, прошла осень, а накануне первых заморозков спустили на воду корабль, предназначенный для экспедиции. Неказист он был, кораблик этот, но скроен надёжно, сшит крепко. Князь частенько морщился, проходя мимо стапеля с корабли-

ком. Ну никак он не напоминал те изящные галеры и фрегаты, модели которых украшали его кабинет. Те корабли были отделаны позолотой, их носы украшали львы, на кормовых надстройках - гербы, по бортам - цветочки. Они пестрели яркими флагами и белели парусами. Этот же кораблик больше всего напоминал промысловую шхуну. На таких сиволापые мужички-поморы ходили на промысел бить моржа. Князь не раз заговаривал с Капитаном:

- А вот если бы нам кораблик-то наш чем-нибудь украсить. Резьбой или чем другим, допустим... Ведь на отплытии-то и государыня изволят быть, и персоны.

Но Капитан решительно отклонял эти поползновения.

- Плавать-то на нём мне, а не персонам. А если мы деньги, коих мало, на пустяки потратим, а на надёжности прогадаем? Тогда и я ко дну пойду, и Вашего Сиятельства карману изъян будет.

Намекает, собака, на пушной интерес. И вправду, если он потонет, то и мои меха намокнут безвозвратно, думал Князь.

Многих вельмож соблазнял Князь мехами этими, добываясь и от них финансового участия в своём замысле. Прибыли сулил. Да и как им не быть, прибылям-то. Ведь если снаряжать просто купца какого-нибудь, то нужно платить и за перевоз, и за припасы, и за всё из своего кармана. А тут за всё платит казна, а тем, кто денежки вложит, чистой прибыли столько-то. Но что-то не спешат раскошиться господа высоко сидящие. А ну как правда ко дну пойдёт? Да и Князь хитёр, львиную долю себе заграбастает...

Знал Князь, что англичане, снаряжая пиратов, так же вот со своих вельмож деньги собирали. Так к тем людям, которые деньги-то собирали на морской разбой, всякие принцы, бароны и герцоги в очередь стояли. И каждый деньги давал. Потому что на один фунт вложе-

ний приходилось сорок семь фунтов прибыли.

А у меня что ли выгоды меньше? - думал Князь, только всего и потратиться, что на порох, пули и товары для обмена. У диких инородцев можно за всякие безделушки и железные ножи целую гору мехов выменять. А наши не хотят. И эти тупицы ещё считают себя аристократами. Мозгами шевелить не хотят, рисковать не желают. Понятное дело, из вотчин своих, из мужичков своих деньги выколачивать и легче, и привычнее.

Князь знал, что его как только не обзывали в своём кругу сотоварищи по власти. А теперь кто-то из них, наверно самый начитанный, прозвал его Генрихом Мореплавателем, намекая на известного португальского принца, который очень много всего сделал для открытия новых земель, а сам так ни разу и не ступил на палубу корабля. Остальные же, не столь образованные, называли Князя просто Меховщик или даже Лисий Хвост.

Когда корабль спустили на воду, когда это огромное черное, просмоленное корыто перестало мозолить Князю глаза, а заполоскалось на волнах у причала, постепенно обрастая мачтами, реями и такелажем, Князь успокоился немного. Большая часть дела была сделана. Хороший корабль - всему основа. Князь замечал, как теплели серые глаза Капитана, когда он прикасался к холодному корабельному борту, когда подолгу и пристально смотрел на возню матросов на палубе.

- Да, удался кораблик, - думал Князь - и мне кое-что, мало, правда, да перепало. Вот всегда бы так, когда и волки сыты и...

По первому санному пути пришел с Урала обоз с пушками. Пробовал Капитан пушки сам. Сам забивал в жерло усиленный заряд пороха, сам подносил длинный горящий фитиль. Стоял в едком дыму и улыбался, приподняв кончики усов.

- И эта пушка добрая, и эта. Демидовские заводы дряни не делают.

По случаю успешных испытаний Князь пригласил Капитана к себе на небольшой ужин в семейном кругу, присутствовали сам Князь, княгиня и старшая княжна Татьяна. С момента спуска кораблика отношения Капитана и Князя потеплели, не было уже той натянутости, да и желание написать донос тоже пропало. Все сидели вокруг небольшого столика и попивали какой-то замысловатый ликёр. Вопреки ожиданиям Капитан оказался вполне благовоспитанным человеком. За столом он через палец не сморкался, не рыгал, ел не много и не мало, а больше рассказывал. За свою недолгую жизнь он чего только не видел. Видел, как выпрыгивают из воды и летят за кораблём летучие рыбки. Видел гладких, мокрых дельфинов и акул с жесткой и шершавой, как кора дерева, кожей. Видел турок в фесках с кисточками и мальтийских рыцарей в плащах с нашитыми крестами. Видел белые города у синих морей и серые крепости на серых скалах. Видел льды и многоцветные всплохи на небе. Видел, как сплошной стеной идёт на нерест лосось и как, цепляясь клыками за камни, выползают на берег моржи. Видел хитренького зверя - морскую выдру, которая зажав лапками ракушку, стучит ракушкой по животу, а в животе камень проглоченный. Расколотит ракушку о камень, а моллюска съест.

Расстегнув карман, Капитан вытащил огромный, с палец взрослого человека, жёлто-коричневый коготь.

- Это коготь белого медведя, - сказал он. - Наскочил на меня медведь и стал по снегу лапой катать. Благо на мне шуба была мохнатая, а то бы не ушёл я живым оттуда.

- А как вы спаслись? - спросила Татьяна.

- А тут набежали мой помощник лейтенант Фаддейка с ружьем и матрос Ванёк с гарпуном. Ванёк как даст

ему гарпуном под лопатку, Фаддейка выстрелил. Кое-как потом меня из-под медведя вытащили.

Капитан оживился, глаза его заблестели, он снова с волнением переживал то, что однажды уже пережил. Свой страх и отчаяние, и радость избавления от смерти. Князь вспомнил, что видел этого матроса Ваньку на корабле. Здоровеннейший малый. Такому медведя убить легче лёгкого.

- А вы будете крестить аборигенов в Православие? - спросила княгиня. - У вас ведь на корабле есть священник.

- Не знаю даже, - задумался Капитан. - Наш отец Иоанн мог бы и крестить, да для того, чтобы привести к вере Христовой, нужен добрый пример. Если бы мы долго жили с ними рядом, то они, видя нашу добродетельную жизнь, справедливость нашу, и сами бы потянулись. Только жизнь наша кочевая. Сегодня здесь, завтра там. Не успеем мы своим добрым примером людей увлечь. Да и будет ли наш пример добрым? Не могу я за всю свою команду поручиться. Нам священник нужен больше, чтоб самих себя от зла хранить, чтобы промеж нас какого греха не вышло. Ведь на кораблях, на зимовьях, да и везде, где люди от белого света отрезаны, всякое случается. И убивают друг друга порой, и погибают только оттого, что злоба в людях поселится. А батюшка у нас толковый, может и вразумить кого, если придется.

Князь слушал эти речи и смотрел, как Татьяна с неподдельным интересом разглядывает Капитана, как вслушивается в его слова. Вот этого только не хватало! Князь не спрашивал у Капитана, женат ли он, не проявлял такого любопытства, а ведь зря. Этот-то возьмёт да и прельстит дочь баснями своими. Родственничка такого Князь не хотел ни за что. Он не был похож на опереточного отца-злодея, который хочет выдать дочь обяза-

тельно за отвратительного старикашку, лишь бы тот был богат и знатен. Деньги, титулы, вотчины и всякие доходные должности, всё, за чем гоняются люди, - это приходит и уходит. Князь знал, что всё это можно в одно мгновение потерять, а в следующее мгновение получить обратно. Так уж ведётся при дворе. А в зятя Князь хотел человека пусть даже и бедного, но одних с ним мыслей, одних намерений. Хотел человека, верного себе. Тогда уж, употребив всё своё влияние, Князь мог бы стать полезным и ему. И дочь свою он старался воспитывать в том же духе.

Пока вроде всё получалось без осечек. Их сиятельство зорко следил за всеми молодыми людьми, с которыми Татьяна общалась, за всеми, с кем танцевала на балах, отсеивал ветреных и пустоголовых, незаметно приближая дельных. Ждал, когда дочь выберет кого-нибудь сама. Но выбрать она должна была из тех, кого отец уже предназначил для этого. Капитан не был ни ветреным, ни пустоголовым. Скорее напротив, он был умён и серьёзен. Но Князь не видел в нём будущего соратника по делу. Делом же Князя была довольно жестокая борьба с подобными себе.

И опять какое-то гадкое чувство вползло в душу Князя. Опять захотелось что-то обидное сказать, что-то нехорошее сделать. Князь по старой придворной привычке продолжал улыбаться, а в сердце его была даже не злость, а почему-то зависть. Тягучая такая, тошнотворная зависть. Зависть вот к этому, у которого нет дворцов и экипажей, но кто может просто и смело смотреть в глаза своим друзьям, своим подчиненным, своим близким, не ожидая увидеть в них какой-то подвох или скрытую злобу.

Как резво бросился лейтенант Фаддейка спасать своего командира. А мог бы ведь и оступиться, промедлить секунду. Тогда, через эту секунду, командиром ко-

рабля уже был бы он, Фаддейка, а коготь медвежий был бы не в кармане. Он был бы уже вонзён в тело Капитана. Но лейтенанту это не пришло даже на ум. Князь представил себя на месте Капитана, а на месте Фаддейки кого-нибудь из своих "друзей по власти". Князь вздрогнул, будто коготь уже вонзился ему в бок.

Князь быстро и суетливо, сказав, что уже поздно, спровадил своих дам спать. Потом он неожиданно предложил Капитану перекинуться в картишки. Капитан отказываться не стал, и скоро они уже сидели за столом, и осторожно беря карту сверху колоды, быстро перекладывали и рассматривали её, хмурясь или улыбаясь, в зависимости от того, какая карта шла. Князю хотелось выиграть. Ему хотелось разгромить эту каторжную рожу в пух и прах. "Деньги у него есть, иначе он не стал бы со мной играть, - думал Князь. - А хорошо бы выиграть их все, да ещё и жалованье его капитанское на год вперёд. И чтоб он мне расписку написал, а я бы получал за него".

Однако игра шла с переменным успехом. Небольшой выигрыш, потом небольшой проигрыш, потом опять выигрыш. Присмотревшись, Князь увидел, что Капитан выигрывает больше, чем проигрывает. Хоть чуть-чуть, но больше. И с каждой новой игрой этот разрыв в пользу Капитана всё увеличивается. Князь поставил по крупной, намереваясь покрыть все мелкие проигрыши одним махом. И проиграл. Он проиграл довольно много. У Князя существовал лимит, предельная сумма, которую он мог позволить себе проиграть без ущерба для своего состояния. И этот лимит далеко не был исчерпан, так как рассчитан он был на особ гораздо более богатых, чем Капитан. Но проиграть Капитану... Это было обидно. Настроение у Князя совсем упало. Однако со сладчайшей улыбкой на губах Князь поздравил Капитана с выигрышем, а заодно и поинтересовался, где тот

научился так хорошо играть в карты.

- А нас однажды льдами затёрло. Пять месяцев мы сидели во льдах. Делать нечего, и мы от скуки с помощником в карты резались. За первый месяц я у него все деньги выиграл и имение, и всё движимое и недвижимое. Ко второму месяцу он у меня всё назад отыграл. Потом опять я у него, а когда льды корабль отпустили, я ему весь проигрыш и простил.

- А может, и мне простите? - шутливо спросил Князь.

- Нет, Ваше сиятельство. На эти деньги я лучше ещё провизии куплю для матросов. Всё для пользы дела.

Князь тут же нашёл чем объяснить свою неудачу. Он сказал, что проиграл потому, что привык играть с иностранными посланниками, а то и с самой государыней. А в таких делах лучше проиграть иной раз. Матушка любит, когда ей в карты везёт. Проиграешь ей разик, и она посмотрит на тебя более милостиво. А её милость любой проигрыш окупит. Так вот, сердечнейше, они и расстались у ворот княжеского дома. Князь ничем не выказал своей досады. Ну ведь правда неудобно вельможе расстраиваться из-за какого-то проигрыша какому-то капитанишке. Князь пошёл спать, но долго не мог уснуть, всё ворочался с боку на бок и даже толкнул княгиню локтем, когда она очень уж громко храпела. Под утро Князю пришла в голову мысль: а всё равно, он у меня в руках. Всё равно я его где-нибудь чем-нибудь да прижму.

С этой мыслию Князь уснул.

Наконец настал день отплытия. С утра, как по заказу, дул ровный и сильный юго-западный ветер. Погода была хмурая и облачная. Матушка-государыня на отплытие не пришла, сославшись на загруженность государственными делами. Но Князь знал, что сегодня был просто не её день. В такую хмурую и ветреную погоду, когда не было солнца, у матушки разыгрывалась меланхо-

лия. Она удалялась в Золотой кабинет в окружении верных собачек, попугаев и министров. Там начиналось обсуждение всяких дохлых государственных дел, вроде того, как бы сделать так, чтобы её подданные были довольны, счастливы и нелицемерно преданны ей не только на словах, но и на деле, и даже в мыслях. Высказывались разные мнения о каких-нибудь улучшениях жизни народной, а заканчивалось всё тем, что подданным должно быть достаточно милостивого взора их государыни для полного удовольствия. Государыне советовали чаще показываться народу или устроить какое-нибудь празднество. На этом обсуждение заканчивалось, и все его участники, включая собачек, дружно шли обедать.

Государыни не было, но на причале толпились персоны. Учёные секретари, генералы, адмиралы, офицеры гвардии и офицеры флотские. Чуть поодаль стояло духовенство, от митрополита до хора соборных певчих. От команды корабля были только Капитан и отец Иоанн. Остальные все были уже на палубе. Капитан был одет в простой черный мундир, отец Иоанн тоже в простой будничной ряске. Два чёрных человека стояли посреди расшитых сюртуков, блестящих золотым шитьём. Они не отрываясь смотрели туда, где по палубе расхаживал Фаддейка, ожидая команды сниматься с якоря, где застыли матросы, готовые распустить по ветру огромные, пока ещё подвязанные и притянутые к реям паруса.

Князь стоял в гуще вельмож, со знанием дела давал пояснения, подкрепляя свои слова энергичными жестами.

- Что-то кораблик ваш совсем не украшен? - спросил кто-то - черный весь.

- А это потому, что не подобает казённые деньги на всякие бесполезные украшения тратить. Мы больше о прочности судна радели, - важно ответил Князь.

Придворный стихотворец прочёл оду на отплытие. Ода была со множеством аллегорий, языческих богов, всяких Нептунов, Посейдонов и прочих nereид, и всем явно понравилась. Потом был молебен. Певчие стройно и протяжно призывали Господа проявить милость к рабам своим и сохранить их на опасном и долгом пути. Потом митрополит благословил Капитана и отца Иоанна.

Князь перестал разглагольствовать и пристально посмотрел в серые глаза Капитана. "Вот ты и уходишь, - думал он. - И Бог весть, когда вернёшься. А может быть и..." Князь не стал додумывать эту мысль. "Ты должен выполнить свою миссию и вернуться. Десница Всемогущего да защитит тебя и товарищей твоих, и корабль твой. Мы ещё будем встречать тебя здесь же, на этой пристани. А меня прости и за лихоимство моё, и за мысли злые".

Он хотел подойти и сказать Капитану всё это. И, может быть, найти ещё какие-то теплые и хорошие слова для этого человека, с которым они почти два года вместе делали одно дело. Но промолчал, просто подошел и обнял Капитана, ощутив пальцами жесткое сукно его мундира. Капитан и батюшка взошли по сходням на борт.

- По местам стоять, с якоря сниматься! - крикнул Фаддейка, и кораблик, разворачивая паруса, величаво поплыл по блещущим золотыми бликами волнам, которые осветило на минутку выглянувшее из тяжелых облаков солнце.

Князь залез в карету и долго усаживался поудобнее, ёрзая задом на бархатном зелёном сиденье. Он посмотрел на корабль, почти скрывшийся за мысом, и подумал:

- Ну, вот и всё. Поиграл в Генриха Мореплавателя и хватит. Во всякой игре главное сверх меры не заиграться.

Князю ещё надо было заехать на псарню. Назавтра, если будет солнце, государыня планировала большую охоту. Князь хоть охотничьей лихостью и не отличался, но собак и псарей содержал. Государыне охота нравилась и она непременно интересовалась, чьи собаки затравили зверя. В своей своре Князь был уверен, но не мешало бышний раз съездить и проверить. Князь высунулся из окошка кареты.

- На псарню поехали! Живей! - крикнул он в спину кучеру.

Лошади застучали копытами по мостовой, карета закрипела и тронулась.

Александр ГУРИН,
ноябрь 2006 г.
г. Новоуральск.

КАПИТАН-КОМАНДОРША

Сибирская экспедиция Анны Кристины Беринг

В истории Первой и Второй Камчатских экспедиций (1725-1743) можно встретить все: романтику географических открытий, доносы, подвиги отважных моряков, политические интриги и имперские колонизационные амбиции, подтверждения и опровержения научных теорий, финансовые интриги, замерзания во льдах и мелочную бюрократию, сохранившую нам переписку между Петербургом и Камчаткой по поводу каждого гвоздя и сухаря. Можно ожидать, что все основные действующие лица этой истории будут принадлежать к мужскому полу, за исключением разве что императриц, чьи подписи стоят под указами. Но сквозь строчки многочисленных сухих указов и рапортов, отражающих сугубо мужской мир моряков и путешественников, начинает все четче проступать образ женщины - преданной спутницы капитан-командора Витуса Беринга.

...Девушку, ставшую его судьбой, Беринг встретил в России, в Выборге, завоеванном Петром I в 1710 году у шведов. Беринг, находившийся на русской службе с 1704 года, был переведен в 1712-м на Балтийский флот из Азовского. Мы не знаем, при каких обстоятельствах молодой морской офицер познакомился с Анной Кристиной, дочерью коммерсанта Матиаса Пюльзе (Pulse, Pylse, русские документы того времени называют его обычно Пильсе), принадлежавшего к немецкоязычным бюргерам Выборга. Роман закончился благополучно: 8 октября 1713 года Анна и Витус, дослужившийся к тому

времени до капитан-лейтенанта, были записаны в церковную книгу шведского прихода Выборга как законные супруги. Младшая сестра Анны, Эфимия Хедвига, тоже связала свою судьбу с русским военным флотом - в 1724 году она вышла замуж за англичанина Томаса Сандерса, впоследствии вице-адмирала российского флота. Выборг того времени был настоящим интернациональным городом, и его жители в равной мере пользовались немецким, шведским, финским языками, а после 1710 года - и русским. Но мы точно знаем, что домашним языком семьи Берингов был немецкий.

Тесть Беринга был человек небедный. Ему принадлежали лесозаготовки и лесопилка (ведь рядом строился Петербург!), а также морское судно "Stadt Wijburg", перевозившее солод, зерно и спиртные напитки в Ревель и Нарву. Матиас Пюльзе, как и его предки, происходил из города Ниена, на месте которого позже вырос Петербург; и тогда, еще в шведский Выборг, перебрался в 1703-м, когда русская армия обосновалась на его родине. В Выборге семья жила в большом каменном доме, построенном в 1650-е годы и стоявшем на площади перед въездом в выборгскую крепость. После большого пожара Выборга 1738 года дом Пюльзе оказался одним из немногих, не пострадавших от огня, а в 1772-м он был удостоен чести стать пристанищем для Екатерины II во время ее визита. Дом сохранился до наших дней (современный адрес: Северный вал, 3), хотя и совершенно изменил свой облик в результате перестроек конца XVIII и конца XIX века.

Жена моряка должна учиться искусству расставаний, и Анна уже в самом начале своего супружества получила изрядную порцию одиночества. Вскоре после свадьбы Беринг оказался захваченным в плен у финских прибрежных островов шведскими каперами, и бежать от туда ему удалось только осенью 1714 года. Возможно,

поэтому Анна в дальнейшем предпочитала сопровождать мужа в опасных путешествиях, а не сидеть дома. Мы знаем, что в 1716 году она отправилась вместе с Берингом в Копенгаген, когда Петр посетил датскую столицу в сопровождении значительных сил русского флота. Для Анны это был, возможно, единственный в жизни случай повидать датскую родню мужа.

Анна отправилась в путешествие беременной, и 27 июня 1716 года в метрической книге копенгагенской церкви Св. Николая была сделана запись о крещении первенца, названного Витусом. Крестным отцом был русский посол в Дании, князь Долгорукий. Свидетелями записаны соотечественники Беринга и коллеги по службе в российском флоте: капитаны - Петр Бредаль (происходивший из Норвегии) и Маркус Грийс. Младенца держала во время обряда родственница датского вице-адмирала Габеля. На крестинах присутствовали и брат Беринга Йонас Йонасен с женой, последняя держала во время церемонии чепчик малыша. В метрической книге сохранился и адрес Йонаса Йонасена - он жил в Копенгагене на улице Хойбростреде, соседней от церкви Св. Николая, и, надо думать, чета Берингов этот дом посещала. К сожалению, младенец умер, и сколько он прожил, неизвестно.

После окончания Северной войны жизнь супругов вошла в более спокойное русло: несмотря на морскую службу, Беринг часто бывал на берегу, семья росла. В 1721-м родился сын Йонас, спустя два года - Томас, оба прожили долгую жизнь. Йонас умер около 1786 года в должности полковника и кавалера, коменданта города Мглина на Украине. Томас в молодости служил в Преображенском полку и скончался после 1770 года.

В 1725-м Витус Беринг по указанию Петра I отправился в Первую Камчатскую экспедицию, официальной целью которой называлось отыскание пролива между Ази-

ей и Америкой. Началась пятилетняя разлука, большую часть которой Анна, скорее всего, провела в Выборге среди своей родни. Здесь родился плод расставания супругов - сын Маттиас Витус Беринг. Он был крещен 14 октября 1725 года и похоронен в феврале 1726-го.

Среди родственников Анны важное место принадлежало ее брату Бенедикту, ставшему, как и их отец, крупным коммерсантом. Он пользовался уважением и доверием горожан и в январе 1730 года был послан в Москву (где находился тогда двор и весь административный аппарат империи) в составе делегации, пытавшейся добиться от российских властей подтверждения традиционных прав Выборга. Весьма вероятно, что Анна выехала вместе с братом, чтобы ускорить свою встречу с Берингом, который как раз был после окончания Первой Камчатской экспедиции на пути из Сибири в Москву. Мы не знаем, где и когда именно встретились муж с женой, но уже 21 сентября 1730 года в Москве, в Немецкой слободе, в лютеранской кирхе Св. Михаила (или "Старой кирхе") был крещен их новорожденный сын Антон, а восприемницей у купели была Анна Пюльзе, жена Бенедикта.

Нельзя не заметить, что дата рождения Антона не очень хорошо соответствует дате возвращения Витуса Беринга и его экспедиции из Сибири. Судя по рапорту, они вернулись в Петербург 1 марта 1730 года, и Антон родился через шесть с половиной месяцев. Впрочем, Беринг мог приехать раньше остальной команды, или Анна выехала ему навстречу. В любом случае вряд ли стоит на этом основании обвинять Анну в супружеской неверности. Если сам Беринг считал Антона своим родным сыном, а не бастардом, то почему должны в этом сомневаться мы?

Сохранилось письмо Беринга тетушке в Хорсенс, где он пишет: "Жена моя, слава Богу, жива; из восьми де-

тей трое живы, и скоро мы ждем четвертого". Это письмо точно не датировано, но по содержанию ясно, что оно написано вскоре по возвращении из Первой Камчатской экспедиции, и некоторые детали дают нам хронологические ориентиры. Витус просит тетушку писать ему, капитан-командору Берингу, на адрес вице-адмирала Сандерса в Кронштадт. Звание капитан-командора было присвоено Берингу 14 августа 1730 года, а Сандерс служил командиром Кронштадтской крепости с января 1730 по январь-февраль 1732 года. Скорее всего, трое живых детей - это Йонас, Томас и Антон, и весьма вероятно, что ожидаемый четвертый - Анна Хедвига Хелена. Дата ее рождения - 1731 год - высчитывается из единственного сохранившегося о ней источника, записи о ее похоронах. Анна, урожденная Беринг, вдова генерал-лейтенанта фон Корфа, умерла в возрасте 55 лет, и была похоронена 29 октября 1786 года в Волоколамске.

Первая экспедиция Беринга возбудила еще больший интерес российского правительства к Восточной Сибири и северной части Тихого океана. Вторая Камчатская экспедиция, отправившаяся из Петербурга в 1733 году, представляла собой, по сути, целую сеть экспедиций. От одного только перечня поставленных перед ними задач перехватывает дыхание. Им предстояло исследовать все тысячекилометровое северное побережье Азии, описать тогда еще малоизученную флору, фауну и историю народов Сибири, совершить плавания через неизвестные моря к Америке и Японии, расширить и упорочить территориальные притязания Российской империи, заботиться о процветании торговли и улучшении условий жизни в Сибири, христианизации местного населения, заведении школ и железоделательных заводов. Ни одна другая европейская географическая экспедиция XVIII века не была столь крупномасштабной; и

во главе ее опять был поставлен Витус Беринг.

Многие жены офицеров решили сопровождать мужей, во всяком случае, на первых этапах путешествия, пока оно не стало чересчур опасным. В документах их присутствие почти не оставило следа. Естественно, большинство женщин довольствовались ролью супруги и матери, что в условиях Сибирской экспедиции было подвигом, Татьяна Прончищева отправилась в плавание по Северному Ледовитому океану вслед за своим мужем лейтенантом Василием Прончищевым, руководителем Ленско-Хатанского отряда экспедиции. Василию было 34 года, Татьяне - 26, и она, по словам профессора академического отряда экспедиции Г.Ф. Миллера, "от горячей к нему любви поехала с ним в сей трудный морской путь". После года плавания во льдах и суровой полярной зимовки супруги умерли в августе 1736 года почти одновременно, с разницей в несколько дней, и были похоронены вместе на побережье Северного Ледовитого океана. Их могила заботливо поддерживалась многими поколениями русских и советских полярников.

Анна Беринг предпочла не оставаться соломенной вдовой. До выхода в свет в 1941 году большой публикации документов "Экспедиция Беринга" лишь немногие историки обращали внимание на то, что она принимала участие во Второй Камчатской экспедиции. Впоследствии полагали, что Анна доехала вместе с Берингом до Якутска, а в 1738-м вернулась из Сибири. Недавно И.В. Глушанков упомянул что Анна бывала в Охотске, не приведя, к сожалению, никаких указаний на источник этой информации. Сохранившиеся в АВПРИ 16 частных писем семьи Берингов, написанных в Охотске, убедительно показывают, что Анна пробыла вместе с мужем до конца лета 1740 года и следовала за ним и на самом опасном участке сухопутного путешествия вплоть до побережья Тихого океана. "Сенсационность" этого факта

весьма относительна, поскольку еще в середине XIX века в Германии было опубликовано письмо участника Камчатской экспедиции Георга Вильгельма Штеллера, где говорится о пребывании Анны Беринг в Охотске, но оно оказалось незамеченным исследователями.

Два старших сына Беринга, Йонас и Томас, отправились в пансион при Ревельской гимназии. Профессор Сигизмунди и его жена взяли на себя бремя повседневной ответственности за воспитание и образование мальчиков. Ближнему родственнику, комиссару Штатс-коллегии Антону фон Зальцу, женатому на сестре Анны - Хелене Катарине, выдавалось из жалованья Беринга на содержание мальчиков по 300 рублей в год на каждого.

Двое младших детей, Антон и Аннушка, отправлялись вместе с родителями в Сибирь. Туда же поехали и Аннины клавикорды, проделавшие путь через половину Европы, всю Азию и обратно. Весьма вероятно, что Анна была первой от кого тунгусы, якуты и другие сибирские народы услышали звуки европейской музыки. С собой были взяты столовое белье, а также изящная фарфоровая и серебряная посуда, так как в Сибири Берингша, как ее обычно называли другие участники экспедиции, не должна была ударить в грязь лицом перед гостями.

В семью Берингов в Сибири входил и оставшийся без отца двоюродный брат Анны, Йохан Лунд. Беринг хотел дать сироте морское образование, но мать мальчика вскоре начала писать жалобы в Адмиралтейств-коллегию, обвиняя родственников в том, что они используют ее сына в качестве слуги. Кстати, прислуга тоже сопровождала Берингов, мы знаем имена только двоих, бывших потом в плавании с Берингом, - Иван Кукушкин и Яган Мальцан.

В октябре 1734 года, после полугодичного странствия, семейство добралось до Якутска, где задержалось почти на три года. Управлять экспедицией из Якут-

ска было удобнее всего. Сюда было сравнительно просто доставлять и хранить съестные припасы, корабельные снасти и строительные материалы. Отсюда Беринг мог одновременно следить за продвижением отряда, исследовавшего побережье Северного Ледовитого океана, быть в курсе работы выстроенного неподалеку железоделательного завода, на котором отливались необходимые для экспедиции предметы, держать под контролем строительство в Охотске судов для предстоящих плаваний в Америку и в Японию и в то же время поддерживать связь с Петербургом на расстоянии менее полугода курьерской езды.

Светская жизнь Якутска носила специфический характер в силу трех причин: абсолютного преобладания мужчин, кромешной тьмы и трескучих морозов зимой. Долгими зимними вечерами офицеры экспедиции и высшие чины местной администрации (все ссыльные) ходили друг к другу в гости, пили, играли в карты. Банкеты иногда оканчивались дуэлями или сочинительством пространных доносов в Тайную канцелярию. Как водится, больше всего доносчиков волновало поведение и образ жизни начальства (в нашем случае Беринга), источники его доходов и размеры состояния. Лейтенант Михаил Плаутин, доносы которого на своих коллег могли бы составить собрание сочинений, оставил множество колоритных деталей, Беринг обвинялся, в частности, в том, что вместо того, чтобы заниматься делами экспедиции, катает жену в саночках (здесь и далее сохранена орфография оригинала), "А для зимних забав и прославления себя зделал линейные великие сани и забавлял жену свою и детей и якуцких жителей, и такой величины, что близ трицет сидело человек. И поставлены были столы 3 конфектами и триумфовал по Якуцку".

Почти в духе ковбойского вестерна излагалась история похищения Анной Беринг двух якуток: "В прошлом

1734-м году октября 21 дня сказывал мне команды Камчатской экспедиции морского флоту трубач Михала Торопцов, что будучи в Ыркуцке, стоял капитан-командор Беренг на квартире в доме посадского человека Трифона Бречялова. И перед отъездом из Ыркуцка в Якуцк призвала его, Торпцова, жена капитана-командора Беренга Анна, Матвеева дочь, и велела ему, Торопцову, с квартиры, где стоял помянутой капитан-командор, украсть от вышепоказанного хозяина Бречялова девку Наталью да бабу Авдот[ь]ю, отчего он, Торопцов, много и всячески отговаривал. А тогда помянутая Беренгша сказала, что она уже подговорены и хотят идти, и ты их только у себя на квартире скорони и вывези завтра из Ыркуцка, а штрафу тебе за то не будет, для того что капитан-командор сам об них приказал, чтоб увести. И по тем ее, камендоршным, словам он, Торопцов, не смел послушаться и вышепомянутую девку, и бабу 3 двора Бречялова свели в ночное время и спрятали у себя в квартире, а на другой день вывезли их из Ыркуцка на телеге, наметав на них епанеч и Другова плат[ь]я, чтоб не видали. А как ехали мимо квартиры капитана-командора, тогда капитанша-командорша глядела в окошко и махала рукою, чтобы везли скорее мимо квартиры. А как вывезли, тогда везли их впереди, где подводчиков не было, а как подводчики возвратились в Ыркуцк, тогда показанная девка и баба ехали при капитане-командоре, и ныне у него живут".

Еще Плаутин обвинял капитан-командора в том, что тот нажил огромное богатство за счет экспедиции, а также благодаря тому, что гнал вино и выменивал его на пушнину. Вывод другого завязанного доносителя, начальника Охотского порта ссыльного Григория Скорнякова-Писарева, звучал так: "... и одним словом можно сказать, что ты экспедиция напросилась в Сибирь ехать только для наполнения своего кармана, и Беринг уже и

в Якуцку великие пожитки получил, и не худо бы было жену его, едущую в Москву, по обычаю сибирским осмотреть, чтоб явны были их пожитки". В результате Сенат в 1738 году дал указание Сибирскому приказу вмешаться, а тот, в свою очередь, поручил Тобольской таможне осмотреть всех возвращающихся из Камчатской экспедиции, и в первую очередь "Берингшу". В те времена еще сохранялась Сибирская таможня, контролирующая вывоз товаров, в первую очередь, пушнины из Сибири в западную часть России.

В сентябре 1737 года Беринг один, без семьи, продолжил путь в Охотск, при этом предполагалось, что Анна поедет домой. Таможенникам, однако, пришлось ждать до 1742 года. Беринг в Охотске тяжело заболел, и Анне пришлось, взяв обоих детей, спешить к мужу. До Юдомского Креста Анна отправлялась вместе со "скапбром" на собственном судне Беринга.

Путешествие к тихому океану оказалось полным опасностей и драматических моментов. Переход через Юдомский Крест, между реками Юдома и Урак, был наиболее опасным участком пути Камчатской экспедиции, на котором всегда гибло от холода, бездорожья, голода и снегов большое количество людей, лошадей и собак. В 1727 году оставшиеся в живых члены команды капитана Шпанберга ели на этом переходе кожаные ремни и сумы. Часть Аннинных лошадей по дороге пала, другая часть разбежалась, и женщине с двумя маленькими детьми, по ее собственным словам, "угрожал голод и холод. Слава Господу, преодолела я все это без особенных потерь".

Так наша отважная путешественница попала на берега Тихого океана. Из окна командорского дома в Охотске Анна могла созерцать строительство экспедиционных судов, предназначенных для плавания в Америку, - пакетботов "Св. Петр" и "Св. Павел", которые были спу-

щены на воду в июне 1740 года. Отсюда она наблюдала и триумфальное возвращение в Охотск одного из двух ближайших помощников Беринга, датчанина Мартина Шпанберга, после успешного выполнения им одной из важнейших задач Камчатской экспедиции - открытия морского пути в Японию с севера.

В письмах Анна неоднократно повторяла: "Мы живем здесь совершенно как в пустыне". К счастью, несколько раз в год приезжал почтовый курьер из Петербурга, и с ним же можно было отправить письма в европейскую Россию, хотя ответные послания приходили через полтора-два года. 5 февраля 1740 года из Охотска на запад отправлялся курьер с почтой, и вся семья Берингов села за сочинение посланий старшим детям, родственникам и друзьям, оставшимся на берегах Финского залива. В течение двух дней было написано шестнадцать писем. Когда чета Берингов и маленький Антон трудились над письмами, они не знали, что пишут не родственникам и друзьям, а для историков. Адресаты - отец Анны, ее две сестры, свояк, сыновья Йонас и Томас, профессор Сигизмунди и его жена, австрийский резидент в Петербурге Гогенгольц и его супруга - эти письма так никогда и не прочитали. До их опубликования (к сожалению, пока только на немецком - языке оригиналов и в датском переводе) было известно уже упоминавшееся нами одно-единственное частное письмо, принадлежащее руке Беринга, написанное им податски тетушке в Хорсенс. Наши знания о личности капитан-командора и его близких сразу увеличились во много раз.

Главной проблемой, встревожившей родителей сердца, было будущее 19-летнего Йонаса: юноша взбунтовался против пребывания в Ревельской гимназии и записался на военную службу в мушкетерский полк. Трогательно звучат родительские наставления уделять

больше внимания изучению русского языка - и разговорного, и письменного. Вообще Беринги постоянно подчеркивают, что ради образования своих детей ничего не пожалеют. Анна оставила и любопытные описания якуток, едущих верхом на оленях.

Письма показывают круг общения Берингов в Петербурге: это столь влиятельные персоны, как граф Остерман - вице-канцлер и режиссер внешней политики России на протяжении десятилетий, и Гогенгольц - постоянный представитель австрийского императора при русском дворе. Именно венский резидент и его жена были главными "опекунами" Йонаса и Томаса, пока родители находились в Камчатской экспедиции. Жена Гогенгольца, близкая подруга Анны, обычно выполняла и функции "почтовой конторы" для семьи Берингов. Скорее всего, имя австрийского резидента стояло на большой общей пачке, содержащей 16 писем Берингов, отправленной с курьером в начале февраля 1740 года из Охотска, поэтому письма не дошли до адресатов, а сели в архивах.

Исходя из обычных сроков, письма из Охотска должны были достичь Петербурга в декабре 1740 года или январе 1741-го. В это время разгорелся серьезный кризис в отношениях между Россией и Австрией. На Габсбургов напал прусский император Фридрих II, но Россия медлила с выступлением на стороне Вены. Австрия оказывала какое только могла дипломатическое давление на Россию, требуя официально высказать свою позицию в конфликте. Анна Леопольдовна, регентша при младенце-императоре Иоанне Антоновиче, ее муж, а также граф Остерман были преданными сторонниками проавстрийской политики, и только находившийся тогда в зените карьеры фельдмаршал Миних поддерживал интересы Пруссии. Вероятнее всего, по его поручению перехватывали корреспонденцию, идущую на имя авст-

рийского резидента в Петербурге.

Вернемся в лето 1740 года в Охотск, где шли в то время бурные приготовления к отплытию на Камчатку, откуда "Св. Петр" и "Св. Павел" должны были отправляться к американским берегам. К плаванию собиралось и грузилось все - начиная от парусов, снастей и пушек и кончая крупой и сухарями. Городок кишел готовившимися к отплытию участниками экспедиции, которых в то время собралось там около полутора сотен.

Анна, как и все в Охотске в то лето, тоже энергично собиралась в дорогу, но упаковывала она совсем другие вещи. Ей предстояло в очередной раз ликвидировать временный домашний очаг семьи Берингов и - уже в который раз! - упаковать все семейное имущество (оставив Витусу то, что понадобится ему для одинокой "холостяцкой" жизни) для отправки на противоположный конец Российской империи. Когда Беринг 8 сентября вышел в море, на берегу никто не махал платком. Из письма Штеллера явствует, что еще 19 августа Анна вместе с двумя детьми выехала из Охотска на запад, при этом для нее специально был сооружен паланкин, так как колесный транспорт в тех краях в то время года был малокомфортабельным.

На плечи Анны ложилась большая ответственность. Ей надлежало вывезти все нажитое Берингами за годы Второй Камчатской экспедиции имущество, которое оказалось, по сути, "вдовьей пенсией" Анны Беринг. Состав имущества командорской четы мы знаем абсолютно точно: когда в феврале 1742 года Анна наконец добралась до Тобольска, все ее вещи подвергли таможенному досмотру. Были составлены детальные перечни содержимого ее 11 сундуков, груженных на семи подводах. Имущество состояло в основном из товаров, купленных в Сибири, - в первую очередь, пушнины (соболя, лисицы, горностаи, бобры, белки, песцы, рыси в

шкурках и большое количество мужских и женских меховых шуб), китайского фарфора и тканей. Различных серебряных предметов набралось в общей сложности на 28 фунтов (примерно 11,5 кг)! Были в багаже и диковинки: "Одна завеса китайская, шитая шелком по алой канфе з зеленым подзором, подержанная; одна жаровня китайская ис красной меди; один чайник китайский финифтяной, серебряной; одна кукла медная китайская на пружинах... одне клевикорты... шесть ящичков лаковых с чернилами китайскими... сундучек з бельем, скатертьми и с салфетки ... девять кукол ... один цветник фарфоровой синей з золотыми травы". На большинство товаров предусмотрительная Анна представила справку: "На которые товары она же госпожа командорша при досмотре объявила данную ей из Якуцкой таможи выпись, в которой показано, что де вышеписанные товары куплены про домовую нужду, а не на продажу вышепоказанным мужем ее, капитаном-командором господином Берингом, [за] получаемая из казны блаженныя и вечнодостойныя памяти Ея Императорскаго Величества жалованныя деньги".

Для путешествия Анны от Тобольска до Москвы к ней был приставлен эскорт - как ей было объяснено, для ее безопасности. Но сохранилась данная солдатам секретная инструкция, приказывавшая не спускать глаз с таможенных пломб на Аннином багаже. Идея заключалась в том, что весь товар должен был быть в неприкосновенности доставлен к Москве в Сибирский приказ, где с него полагалось уплатить налог. Из доноса солдата Кондина, следившего за Анной, мы знаем, что она прибыла в Москву 29 марта 1742 года, остановилась в Немецкой слободе у пастора кирхи Св. Михаила, а той же ночью она вместе с пастором таскала мешки в дом, а потом оказалось, что таможенные печати повреждены: "И того же числа без объявления в Сибирском приказе

она, капитанша, взяв сильно из возов 2 места с товары с пожитки, вносили в хоромы к тому пастору, а потом оные места выслала на двор и велела положить в возы. А по усмотрению те места явились за нее, капитаншиной, а не за казенною печатьми. А что из оных мест она вынимала, того он не знает, а им в Сибирской приказ тех товаров и пожитков объявить не дала и сказала, что оного приказу она не послушна, и хотела ехать и те товары и пожитки увезть в Санкт-Питербурх". За свое имущество Анна Беринг сражалась как львица!

В Москве Анна с детьми пробыла довольно долго и уехала в Петербург ночью 15 сентября, сразу же после визита в "дом Ея императорского величества" (означает ли это выражение, что она была на аудиенции у Елизаветы Петровны?), так и не появившись в Сибирском приказе. Так завершилась Сибирская экспедиция капитан-командорши Беринг.

После смерти Витуса Беринга 9 декабря 1741 года на необитаемом острове, позже названном его именем, его офицеры послали Анне некоторые личные вещи мужа, среди них золотые карманные часы, личную печать, серебряные башмачные пряжки с хрустальными вставками, шпагу с серебряным эфесом, письма. Анна просила прислать ей ночной колпак василькового атласа, расшитый золотом, и "шлафор" (домашний халат) Витуса, но было уже поздно, эти вещи были проданы с аукциона.

Мы не знаем ни год рождения, ни год смерти Анны (или, как на русский манер ее называют некоторые официальные документы, Анны Матвеевны) Беринг. О своем возрасте она оставила сведения, приводящие исследователей в полное замешательство. В апреле 1744 года она подала прошение о вдовьей пенсии, где написала, что ей 39 лет. Но в таком случае получается, что она вышла замуж в 8 лет, а сына Витуса родила в 11

лет. Объяснение находим в параграфах Морского устава о назначении пенсий вдовам морских офицеров. Женщина, овдовевшая до 40 лет, получала единовременную выплату одного полного годового оклада мужа, а овдовевшая после 40 лет или больная и не имеющая шансов выйти вторично замуж, получала пожизненную пенсию, являющуюся восьмой долей последнего годового оклада мужа. С точки зрения здравого смысла, второй вариант представляется более выгодным и надежным, но надо думать, что у Анны в тот момент были какие-то другие соображения: ей нужна была крупная сумма денег. Не забудем, что все ее родственники занимались коммерцией, и, наверное, Анна тоже хотела вложить деньги в какое-то "дело", обеспечившее ее старость. Но с выплатой возникли осложнения. В декабре 1745 года Анне пришлось повторить свое прошение, при этом ей все еще якобы 39 лет. И последнее, что мы знаем об Анне Беринг: в марте 1750-го она подает еще одно прошение, где пишет, что она стара ("а ныне имею себе близ пятидесяти лет") и больна и просит назначить пожизненную вдовью пенсию. По иронии судьбы ей в конечном итоге выдали годовой оклад мужа, потому что о нем она просила в своем самом первом прошении!

Архивы сохранили огромное количество документов о Витусе Беринге, однако его характер просматривается в них очень скупое. Это был человек сдержанный и не любящий выставлять напоказ мысли и чувства. Интересно, что такое впечатление, полученное из чтения архивных документов, подтверждается и новейшим медицинским заключением. Совсем иное дело - Анна Кристина. Даже из тех немногочисленных документов о ней, которые сохранились в архивах, хорошо видны яркий темперамент, неукротимая энергия и бесстрашие, граничащее порой с авантюризмом, и самое главное -

горячая любовь к близким. Оставив зажиточный бюргерский дом в Выборге, Анна проехала вслед за мужем тысячи верст и претерпела всевозможные тяготы и неудобства, сражаясь за благополучие своей семьи.

Наталия ОХОТИНА-ЛИНД,
кандидат исторических наук.
Журнал "Родина" 8\2003.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЯКОВА ЛИНДЕНАУ

Я.И. Линденау считается одним из самых выдающихся участников Великой Северной экспедиции (1725-1746 гг.) под руководством В.И. Беринга. Уже в конце ее, 260 лет назад, он совершил самостоятельное путешествие по Охотскому побережью современной Магаданской области. Проведя большую исследовательскую работу, Я.И. Линденау собрал богатейший историко-этнографический материал, который до сих пор представляет несомненный научный интерес и является объектов еще более глубокого изучения. Все исследованное им - это свидетельство очевидца, результат деятельности человека необычайной энергии, силы воли и духа.

Как свидетельствуют архивные источники, Яков Иоганн (Яков Иванович) Линденау был шведом по национальности, но родился в г. Москве. По одним данным, это произошло не позднее 1700 г., по другим - десять лет спустя. Получив затем образование, побывав за границей и обосновавшись в Санкт-Петербурге, Я.И. Линденау (по его словам) стал "в российском, немецком, лифляндском, эстляндском и финском языках, как в чтении, так и в письме, учен". В конце июля 1739 г., когда с начала Второй Камчатской экспедиции прошло 6 лет, он был записан (согласно своей просьбе) в ее состав в качестве копииста и переводчика.

Спустя несколько месяцев после этого, Я.И. Линденау вместе с профессором И.Э.Фишером выехал в Сибирь. В течение 1739-1741 гг. он совершил плавание по

Иртышу, Оби, Лене, собрал уникальные материалы о бурятах и якутах. Затем Я.И. Линденау добился у И.Э. Фишера своей отправки в Охотск. Туда, добираясь сухопутным путем, он прибыл 14 сентября 1741 г.

"В течение года пребывания в Охотске, - отмечает известнейший советский историограф А.И. Андреев, - Линденау занимался собиранием известий для географического описания края и составления его карты. 4 октября 1741 г. он отправил в канцелярию Охотского порта 16 вопросов по географии, этнографии и истории края, на которые в мае 1742 г. получил ответы; в последних особенно интересны сведения, взятые из несохранившихся ясачных книг Охотского острога 1732 г., и известия, почерпнутые из синодика Охотской церкви, о нападении "ламских охотских тунгусов" на Охотский острог начиная с 1662 г., а также известия "для исторического описания", собранные из рапортов охотских служивых людей".

Находясь в Охотске, Я.И. Линденау сочинил "Географическое описание реки Анадыря и в нее впадших рек и ручьев и о чукчи, где они находятся, и их местах кочевания и о нападении их на российских людей и ясажных коряк, яковых бысть оное образом следует ниже сего, а о расстоянии местном исчислении верст подлинного известия поныне не имеетца, но по сказкам езда собаками и оленьими показуется, и где езды один день обретается, тамо можно числить за тридцать верст". Это описание являлось очень значительным и содержательным. Еще более значительными стали и приложения к нему, сделанные тогда Я.И. Линденау, которые известны как "Описание о Чукотской земле, где она имеется" и "Дорога из Анадырского острога в полуденную страну".

В период нахождения в Охотске им же были выполнены работы: "Изустные известия о реках Анадыре, Колыме, Алазее и Индигирке и об их притоках, об остро-

к середине XVIII в. картографический изображений Чукотки.

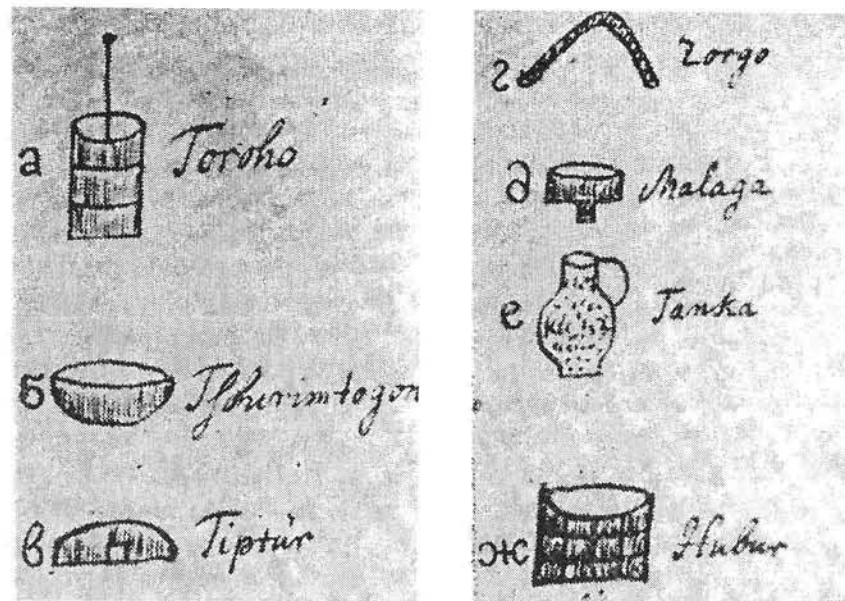
После выполнения вышеуказанных работ Я.И. Линденау обратился в охотскую канцелярию с просьбой отправить его в Тауйский и Ямский остроги для сбора сведений о коряках. Такое разрешение он получил и 8 декабря 1742 г. уже отправился в путь. Однако до Тауйского острога Я.И. Линденау доехал только в начале следующего года, 3 января. Пробыв здесь больше месяца, он продолжил свое путешествие. Выехав из Тауйского острога 7 февраля 1743 г., Я.И. Линденау через 6 дней приехал в селение Сиглан, "где первые коряки по тому берегу живут". Прожив среди них еще неделю, он поехал к "средним корякам". Здесь "за великого пургача" Я.И. Линденау оставался до 3 марта 1743 года.

вах, лежащих на них, и о народах, живущих там", "Описание рек от Ашалги до Кухтуя по берегу Охотского моря" и наконец карта Северо-Восточной Сибири и Камчатки, отправленная в Санкт-Петербург 30 ноября 1742 г. Карта Я.И. Линденау охватывала на западе течение реки Колымы, побережье "Ламского моря" до Охотского острога, на востоке - полуостров Камчатку, Чукотский полуостров, острова Берингова пролива и западную оконечность Северной Америки. По мнению современных исследователей, ее можно считать одним из первых и наиболее достоверных

От "средних коряков" он отправился в Ямский острог, где был уже 4 марта и застал шесть служивых, голодавших 3 дня. Так как из-за голода в этих местах ехать дальше было невозможно, то 7 марта он вынужденно повернул обратно. В тундре "Атинима" его застигла "великая пурга..." от которой через силу убрался в речку Ленкеболь, где по здешнему обыкновению сделал себе стан от хвои и снегу и постоял один день". 9 марта он вновь приехал к "средним корякам", куда прибыли также и "ямские коряки" в числе 15 человек. Все они пришли в юрту Я.И. Линденау, который обходился с ними "со всякою ласкою", но "велел им сказать, чтоб те с того места пошли в другую юрту". Когда они вышли, то он "велел вход закрыть и жирник осветить".

"Затем, - пишет уже названный нами историограф А.И. Андреев, - случилось происшествие, едва не стоившее жизни Линденау. По его словам, "по полуночи, около второго часу, от оных один оставший у меня ямской коряк для выпрашивания, оной жирник угасил, а через малое время, услышал я, что жупану ходят и чрез его людей лазят, и тотчас одного служивого Алексея Крымского думали они, коряки, что его за голову, но вместо того за ноги хватили, которой вдруг учинил тревог и закричал, что коряк хотят нас убить. И тогда все вдруг встали, чтоб против их оружитьца; и боясь, они увидели, что не спали, разбежались все, иные чрез жупана, и мне чрез верхний ход, и тем поспешением спаслись от смерти".

На следующий день после этого Я.И.Линденау поехал к Сиглану. Там он собрал провизию для отправки голодающим в Ямской острог 13 марта покинул Сиглан и 17 марта был на Тауе, где пробыл еще 6 дней. В Охотск вернулся в апреле 1743 г. Во время путешествия, продолжавшегося четыре месяца, он составил "Описание пути от Охотска до Ямского острога", где сообщал: "Река Кутана амар, по-русски р. Тауй, берет начало поблизо-

Посуда для приготовления водки - Araka
из кобыльего и коровьего молока

Деревянная ступка - Sokma
для размельчения ячменя

сти от истока р. Инна... Тауйский острог на р. Амунка. В нем жило 7 человек служивых и держали корякских аманатов (заложников. - А.К.) Острог очень бедный, земля ничего не родит, кроме травы. Жители этих мест... употребляют в пищу толкушу... и едят ее вместо хлеба. Делают ее из брусники или морошки, приправляя часть порсы, тюленьего или китового жира. Все это толчется и поедается в холодной виде. Затем они едят мороженую сырую рыбу, нарезанную тонкими ломтиками, с солью. Гнилые или прокисшие сырые мороженые рыбы, а также свежие рыбы головы едят в сыром виде. В качестве теплой пищи едят настроганное ивовое дерево, вареное с порсой, прибавляя еще туда соль и жир. Заболонь лиственницы варят с кипреем и оленьим мясом... Вообще, путь от Тауйского до Ямского острога можно совершить в семь дней, но от устья Олы до Ямского острога на этом пути нельзя встретить людей... Через кустарники прошел до Ямского острога, который с правой стороны р. Ямы был построен в 1739 г. Укрепление последнего из штакетов на четыре угла к югу с двумя башнями, к северу - ворота с бойницей. Эти укрепления в окружности составляют 70 сажень. В этом остроге имеется часовня, яшашная изба и четыре других государственных дома, в которых живут шесть служивых. По моему мнению, этот острог можно было укрепить другим способом надежнее, так как низкие штакеты, которые помещены на большой окружности, от сильных метелей оказываются покрытыми снегом в течение всей зимы, так что через них можно беспрепятственно перешагнуть, не могут считаться укреплением".

Данный отрывок из "Описания пути от Охотского до Ямского острога" приведен в современном переводе. В отличие от свидетельства Я.И. Линденау о покушении на его жизнь и жизнь его спутников 9 марта 1743 г. у "средних коряков" он читается гораздо свободнее и является

более понятным. Поэтому хотелось бы отметить, что практически все рукописи путешественника в дореволюционном переводе с немецкого языка, на котором он писал вообще читаются очень нелегко. Однако это не умаляет достоинств работ Я.И. Линденау как ценнейшего первоисточника, сообщающего то, свидетелем чего он являлся, а также того, что им описывалось впервые.

Вернувшись в Охотск, Линденау задержался здесь совсем недолго. 9 августа 1743 г. он прибыл в Якутск и в рапорте, посланном в академию, выразил желание отправиться для изучения удских тунгусов. Оставшееся для поездки время он затем потратил на знакомство с ранее собранными сведениями о данной части Охотского моря. В новое путешествие Я.И. Линденау отбыл 18 июня 1744 г. и прибыл на р. Уду спустя почти три месяца. Здесь он пробыл до конца февраля следующего года. Потом на нартах и лыжах Я.И. Линденау добрался до р. Билира. Пересев на лошадей, он 8 апреля 1745 г. вернулся в Якутск. Во время этого путешествия Я.И. Линденау удалось описать реку Алдан и Уду, дать характеристику местности по берегу Охотского моря вплоть до реки Амур. Он также успел собрать сведения о Шантарских островах и составить описание удских тунгусов.

21 августа 1746 г. Я.И. Линденау прибыл в Санкт-Петербург. Это произошло уже после окончания Второй Камчатской экспедиции. За все время работы на Северо-Востоке Российской империи Я.И. Линденау составил 18 описаний своих путешествий. Шесть из них можно отнести к специальным историко-этнографическим материалам, в частности "Описание якутов" и "Собрание исторических сведений о юкагирах". Однако о последующей жизни и деятельности Я.И. Линденау известно сравнительно мало. Так, через год после прибытия в Санкт-Петербург за работу и труды во Второй Камчатской экспедиции он был пожалован чином пра-

порщика и направлен в Москву, где несколько лет прослужил в Сибирском приказе. В 1748 г. его направили в Иркутск управителем в Балаганском остроге. После этого он продолжал трудиться в Сибири в разных должностях. В 1764 г. приезжал в Москву, подавал прошение в сенат, в котором просил о закреплении за ним в вечное владение земли на р. Осе, где он уже в то время жил. Жить там он продолжал и в последующие десятилетия, купил себе небольшую хижину и зарабатывал на пропитание добыванием селитры.

К сильно постаревшему Я.И. Линденау часто заходил известнейший путешественник и натуралист того времени Эрик Густавович Лаксман. Он, чем мог, помогал старику, предложил ему даровую квартиру в Иркутске и бесплатный стол. Однако Линденау отказался, сам

он приезжал к Лаксману, например в 1790 г. В связи с этим тот писал: "Этот замечательный старик сохранил все свои способности, за исключением слуха".

Спустя сто лет, в 1890 г., в Санкт-Петербурге вышла книга В.Лагуса "Эрик Лаксман. Его жизнь, путешествия, исследования и переписка". В ней говорится о том, что в 1795 г. Я.И. Линденау постигла страшная смерть. Находясь все на той же р. Осе, он "вместе со своим жилищем, со всеми бумагами и записками сделался добычей пламени". Так неожиданно ушел из жизни один из самых выдающихся участников Великой Северной экспедиции: Якоб Иоганн (Яков Иванович) Линденау.

Александр КОЗЛОВ,
*старший научный сотрудник лаборатории истории
и археологии СВКНИИ ДВО РАН*
газета "Магаданская правда" от 04.06.2003 г.

Башня якутского острога

СЕМЬЯ ФИНСКИХ СИБИРЯКОВ

Э.Г. Лаксман

В 2007 году исполнилось 270 лет со дня рождения Эрика (Кирилла) Лаксмана - профессора Санкт-Петербургской академии наук, члена Стокгольмской академии наук и 240 лет со дня рождения его сына Адама Лаксмана - первого русского посла в Японии. Этот рассказ о них.

Разносторонний человек

Эрик Густавович Лаксман был весьма разносторонним человеком. В его интересы входили химия и экономика, география и археология, этнография и лингвистика. Биограф Лаксмана писал о нем в конце XIX века: "Искать и находить - вот что было его страстью. Он испытал и совершил столь многое, вступил на такие новые пути, обогатил музеи и коллекции такими ценными вкладами, подавал руку помощи лучшим мужам своего времени, от Линнея до Палласа, наконец, обладал такою здоровою, прямою и энергичною душою, что от него нельзя не поучиться и не взять его в пример".

Родился Лаксман в 1737 году в Финляндии. Прибыв в 25-летнем возрасте в Петербург, он преподавал естествоз-

нание и физику, а потом неожиданно уехал в Барнаул и стал пастором, но научных занятий не забросил. В 33 года талантливого самоучку избрали профессором химии и экономики Петербургской академии наук, а за труды по религии монголов и тибетскому языку - членом Стокгольмской академии наук.

Он много ездил по России, принял участие в русско-турецкой войне, занимался переливкой в мелкую монету медных пушек, захваченных у турок. В 1780 году Лаксмана отправили обер-егермейстером на Нерчинские рудники. Там он увлекся геологией, минералогией и ботаникой, решил навсегда остаться в Сибири и взял себе русское имя Кирилл. Выхлопотав пенсию от академии наук, на пятом десятке Лаксман смог полностью посвятить себя науке. В Иркутске он поселился в районе реки Ушаковки, в обычном бревенчатом доме, вовсе не похожем на хоромы купцов. Его жилище было забито книгами и рукописями, минералами, ящиками с песком и костями древних людей и животных.

В 1784 году Лаксман совместно с каргопольским купцом Александром Барановым, будущим правителем русских поселений в Америке, основал недалеко от Иркутска у речки Тальцинки фаянсовую фабрику и стеклоделательный завод. С тех пор слюду в окнах иркутских домов заменило стекло Тальцинской и Тельминской фабрик, а иркутяне так и называли первую "стеклянным заводом Лаксмана". При этом Лаксман открыл новый способ изготовления стекла, впервые использовав вместо углекислого калия (поташа) природную глауберову соль. На заводе трудился 31 работник, из них 20 ссыльных. Обстановка там напоминала преисподнюю: красные языки пламени вырывались из топок, между печей сновали полуголые рабочие с длинными железными трубками в руках. Держа один конец трубки во рту, они опускали другой в расплавленное стекло, втягивали его в трубку и выдували нужный пред-

мет. В Тальцах производили бутылки и штофы английского образца, банки и склянки для иркутской аптеки.

Основной целью строительства завода было производство стеклянной тары для транспортировки спиртного на Чукотку, Аляску, на Бодайбинские золотые прииски и в Калифорнию.

На берегах Ангары Лаксман обнаружил минеральные источники, открыл черемховский уголь, залежи гипса близ Балаганска, железную руду на берегах Белой. Всего сделанного этим неутомимым человеком хватило бы на несколько жизней.

Русский посол в Японии

В 1783 году у берегов Камчатки потерпел крушение японский корабль. Капитан Дайкокуя Кодаю и несколько матросов проделали долгий путь по снегам Сибири и прибыли в Иркутск. Лаксман принял живейшее участие в их судьбе и решил сделать все возможное для возвращения сынов Страны восходящего солнца на родину. При помощи капитана Кодаю Лаксман составил точную карту Японии, которая в то время была закрыта для европейцев, и отправил ее в Петербург.

Вместе с японцем Лаксман совершил поездку в столицу и добился приема у императрицы Екатерины II. Рассказ Кодаю о многолетних мытарствах тронул сердце государыни. Она велела снарядить галиот "Святая Екатерина" и отправить на нем русское посольство. Лаксману поручили подготовку экспедиции, а послом был назначен сын ученого Адам.

Корабль под командой штурмана Григория Ловцова вышел с Камчатки 13 сентября 1792 года с экипажем в 20 матросов и 4 солдат, переводчиком и картографом.

Младший Лаксман вез в Японию письма от иркутского генерал-губернатора и подарки чиновникам и известным японским ученым. В октябре русское судно вошло в гавань

Немуро на севере острова Хоккайдо и застряло там на девять месяцев.

Японцы, находясь в жесткой самоизоляции, тысячу лет запрещали всем христианам ступить на их землю. За 200 лет до посольства Лаксмана они изгнали из своей империи португальцев, но сделали исключение для голландцев. Чтобы не раздражать хозяев, Адам Лаксман приказал матросам на время снять нательные кресты.

Только в конце апреля 1793 года в бухту прибыло японское посольство из двухсот человек с ответом императора. Двоих японских матросов, десять лет не видевших родины, в сопровождении этой толпы отправили вглубь острова на плантацию, где они до конца жизни выращивали целебные травы. Самого Лаксмана в паланкине доставили в город Мацумаэ. Начались утомительные переговоры.

Терпения Лаксману было не занимать, отваги и твердости тоже. Ему удалось добиться невозможного. Простой армейский поручик получил разрешение заходить в порт Нагасаки одному русскому кораблю в год. Видимо, его терпение и твердость пришлись по душе самураям.

Когда через 20 лет в Хоккайдо прибыл корабль капитана Василия Головнина, японцы вспоминали Лаксмана с большой симпатией.

"Обратное плавание было быстро и счастливо, - писал спустя сто лет биограф Лаксманов, - 8 сентября "Святая Екатерина" бросила якорь у Охотска. Вся экспедиция обошлась в 23217 рублей, а ассигновано было на нее 36 тысяч. Адам Лаксман был вызван с отцом в Петербург, получил чин капитана. Он предназначался к участию в экспедиции в Японию, которую предполагалось снарядить в 1795 году, но сначала дело несколько замедлилось, а затем смерть Эрика Лаксмана и Шелихова и самой императрицы Екатерины совершенно остановили его".

Адам Лаксман, как и его отец, был честнейшим челове-

ком. Треть денег, оставшуюся после экспедиции, он до копейки сдал в казну.

Цепь загадочных смертей

Григорий Шелихов претендовал на одно ежегодное торговое судно, которому разрешено прибывать в Японию, и имел на это неоспоримое право. Ученая часть новой экспедиции поручалась Эрику Лаксману, Шелихов брал на себя торговую. Компаньоны намеревались отправить в Японию груз сукна, бумажной материи и стеклянной посуды. Но неожиданно все организаторы один за другим ушли в мир иной.

В июле 1795 года в Иркутске внезапно умер Шелихов. В то же время Эрик Лаксман выехал из Петербурга в Москву, а оттуда санным путем отправился в Сибирь. В дороге с ним случился апоплексический удар, и в январе 1796 года Лаксман скончался в ста верстах от Тобольска. Его спешным порядком похоронили на маленькой станции, и место погребения Лаксмана было забыто. Довольно странное дело для коллежского советника - чин, соответствующий полковнику. Невозможно объяснить, почему знаменитого ученого захоронили столь поспешно.

После смерти Лаксмана управление стекольным заводом перешло к его вдове, но производство на нем резко упало. В 1800 году завод работал только 2 месяца и 21 день, а количество рабочих сократилось до 11 человек. В 1812 году вдова Лаксмана уступила завод купцу Якову Солдатову. Рядом с заводом и фаянсовой фабрикой вырос небольшой рабочий поселок, а в 1859-м был построен деревянный православный храм. Фабрику закрыли в 80-х годах XIX века, так как в округе были вырублены все леса, и топлива для производства стекла уже не хватало. В 1955 году стекольный завод попал в зону затопления строящейся Иркутской ГЭС, и все его оборудование было перевезено в Тулун, куда переехали и большинство жителей поселка. Деревянные строения, мешавшие судоходству, были

сожжены. До сих пор на месте завода местные жители находят осколки лаксмановского стекла.

Сын Лаксмана ненадолго пережил отца. Адам вернулся в Гижигинск, и дальнейшая судьба его покрыта мраком. Тридцатилетний человек умер "после 1796 года". В свете этих событий не может не насторожить и ранняя смерть камергера Резанова, пытавшегося наладить дипломатические отношения с Японией в 1804 году.

Стоит вспомнить, что в 1795 году во время необъяснимого пожара погиб друг и наставник Эрика Лаксмана, участник Великой северной экспедиции, Якоб Иоганн Линденау. В пожаре погибли и многие важные документы и рукописи.

Сергей Кремлев, современный исследователь истории Русской Америки, считает, что смерти сразу нескольких выдающихся людей не случайны. Сторонники сильной русской политики на Дальнем Востоке мешали многим государствам, в первую очередь Британии и США. Кремлев не исключает того, что в устранении русских ученых и путешественников принимали участие английские и североамериканские спецслужбы.

Игорь ПОДШИВАЛОВ,
январь 1999 г., газета «Подробности»

Григорий Шелихов и Николай Резанов. Они умерли в сравнительно молодом возрасте: Резанов на 43 году жизни, Шелихов - в 48 лет. Автор этой статьи, замечательный иркутский журналист Игорь Подшивалов, трагически погиб в 43 года в г. Шелихово год назад. Такие вот параллели судеб...

Июнь 2007 г.
перепечатано
в «Нашей городской газете»

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ЛИНДЕНАУ

В становлении и развитии российской этнографии большую роль сыграла знаменитая Великая Северная экспедиция 1733-1743 годов, задуманная еще Петром I и проведенная Академией наук России. Эта экспедиция надолго определила главнейшие линии развития этнографических исследований. Выдающиеся ее участники командор Витус Беринг, академики Гмелин, Миллер, Крашенинников, Фишер обессмертили свои имена, сделав громадный шаг вперед в деле изучения природы и населения Сибири и намного опередив развитие науки во всех других странах мира. Среди этих ярких личностей как-то затерялся мало кому известный исследователь и путешественник Линденау, активно участвовавший в величайшем научном подвиге российских ученых. Человек, оставивший богатейшее научное наследие, оказался почти полностью забытым, ибо ни одна его работа не была до недавнего времени опубликована. Находясь в фондах Центрального государственного архива древних актов в так называемых портфелях Миллера, интереснейшие труды Линденау до 1963 года не только не были никем изданы, но даже и не переведены с немецкого языка.

Кто же такой Линденау, что нам известно о нем?

Яков Иванович Линденау (1699-1794), швед по национальности, после разгрома армии Карла XII попал в русский плен и не захотел возвращаться на родину. С 1737 года служил в Петербургской губернской канцелярии. Его усердие и способности были замечены: в 1739 году он был принят в состав Великой Северной экспедиции Российской академии наук на должность "переводчика и переписчика с немецкого и латинского язы-

ков". В Сибири он вначале работал в отряде Миллера и Фишера, затем, с 1741 по 1743 год, находился в Охотске, занимаясь составлением географических карт и этнографических описаний аборигенов, а также наблюдением за постройкой судна "Святой Петр" для морской экспедиции Беринга. С 1743 года Линденау работал в Иркутске в подчинении у Стеллера. Летом 1744 года он был послан Стеллером в Удский острог для географических и этнографических описаний тамошних мест и в апреле 1745 года вернулся в Якутск. В 1746 году Линденау приехал в Петербург, привезя с собой "учиненные разным народам, путям, рекам и городам описания", которые были приняты в архив Академии наук. В 1747 году Сенат наградил его чином прапорщика и, согласно его желанию, откомандировал в Москву для работы в Сибирском приказе. Должность мелкого чиновника тяготила Линденау, и он попросил перевода его в Иркутск для использования "по способностям". Успешно проработав в Иркутске на высоких государственных должностях, он в 1764 году приехал ненадолго в Москву, в Главную соляную контору, по делу о своем "пенсione" и для подачи в Сенат прошения на имя Екатерины II "об отводе земли для пропитания с женою и детьми", приисканной им "в Иркутском уезде, близ Балаганского острога на речке Осе. Однако использовать эту землю Линденау не мог "за неимением собственных своих людей и крестьян" и из опасения, что на него мог быть "наложен непосильный оброк, к его разорению". Поэтому Линденау просил, в награду за его "долговременную и беспорочную службу", закрепить за ним "означенную землю Указом в вечное безоборочное владение".

Как он с семьей сумел обустроиться после своих хлопот, так и осталось неизвестным. Следующее известие о Линденау имеется уже от 1786 года, когда от него из

Сибири Академией наук было получено составленное им "Некоторое описание об Амуре-реке". В 1790 году живший в Иркутске академик Эрик Лаксман сообщил в академию, что он встречал Линденау, "что ему 91 год, что он оглох и находится в страшной нищете". Лаксман просил о назначении Линденау "пенсии". Наконец, по еще одному известию, Линденау жил "в убогой хижине на берегу речки Осы, близ Иркутска, и в 1794 году погиб во время пожара". Вместе с ним в его хижине сгорели рукописи и "иные материалы престарелого исследователя".

О вкладе Я.И. Линденау в этнографическую науку свидетельствуют шесть его солидных трудов. "Описание якутов, материалы, собранные с 1741 по 1745 годы", "Описание пеших тунгусов, или так называемых ламутов, в Охотске. 1742 год", "Описание тунгусов, которые живут у Удского острога. 1744-1745 годы", "Описание коряков, их нравов и обычаев по личным наблюдениям автора и по сведениям, полученным от других. 1743 год", "Описание бурят, или так называемых братских, которое собрано в 1745 году в путешествии от Качуга к Байкалу, а также о кыштымских и барабинских татарах" и "Собрание исторических сведений о юкагирах".

Каждая из этих работ представляет собою монографию о том или ином народе. Источниками для их написания служили для Линденау прежде всего собственные полевые наблюдения (расспросы местных жителей, зарисовки их быта, записи их преданий) и архивные документы.

Возьмем для примера монографию о якутах. Впервые в науке исследователь столь обстоятельно изучил этот народ в этнографическом отношении. Его интересуют такие сюжеты, как этногенез (происхождение) якутов, их физические и психические свойства, названия родов, жилища, одежда, пища и напитки, утварь, сред-

ства передвижения, хозяйство, оружие, свадебные обряды и обычаи, рождение и воспитание детей, обычное право, народные танцы и национальный праздник Ысыах, шаманы и их деятельность, жертвоприношения, народные знания. Это удивительно полное для того времени всестороннее этнографическое описание целого народа, оказавшееся и весьма точным в нем мало мест, которые не были бы впоследствии подтверждены исследованиями профессиональных этнографов конца XIX - XX века.

Так же обстоятельно и полно описаны и коряки, исследованные Я.И. Линденау в одиннадцати различных местах их проживания; в описании коряков мы видим, что автору интересны все стороны их жизни и быта, хозяйства и верований. Здесь подробное описание корякских родов, лука и стрел, одежды и ее украшений, предметов обихода, жилища как оленных, так и оседлых береговых коряков и средств передвижения. Очень интересно и живо описан древний обычай сватовства у коряков, исчезнувший уже в XIX веке.

Этнографическое описание тунгусов - это свидетельство их жизни и быта в середине XVIII века, когда родовые отношения были еще очень крепкими и когда в их культуре сохранялось множество архаических традиционных черт. Я.И. Линденау одним из первых сумел отделить пеших тунгусов от кочевых оленных, эвенкийские роды от ламутских (эвенских) родов.

Интересно, что в этнографическом описании бурят Я.И. Линденау постоянно сравнивает их культуру с культурой тунгусов, справедливо указывая на имеющийся в ней древний тунгусский пласт. По всей вероятности, еще к середине XVIII века среди лесных звероловов и рыбаков Прибайкалья существовали племена, представлявшие тунгусскую, самодийскую и монгольскую языковые общности. Автор этого описания сумел устано-

вить, что названия животных и диких зверей у бурят разделяются на группы: одна группа сближает бурятский язык с тунгусским, а другая - с самодийскими (самоедскими) языками. Поразительное сходство культуры бурят с тунгусской культурой Я.И. Линденау правильно объясняет тем, что в результате длительного соседства и общения в далеком прошлом и буряты, и тунгусы вели охотничье-звероловческую жизнь.

Следует отметить также, что по поручению Охотской канцелярии в 1742 году Я.И. Линденау составил оригинальный труд "Географическое описание реки Анадырь, в нея впадших речек и ручьев и о чукчах, где они находятся, их местах и кочевании и нападении их на российских людей и ясашных коряков". Большой научный интерес имеет вошедшее в этот труд "Описание о Чукоцкой земле", содержащее сведения о местах обитания, кочевках и промыслах чукчей и их меновом торге с юкагирами. Особенно ценно замечание автора о том, что "пеший чукчи находятся в подчинении у оленных, которые насильственно заставляют первых участвовать с ними в их военных походах на коряков".

Свои рукописи Я.И. Линденау богато иллюстрирует мелкими рисунками тушью и пером, нередко приводит даже целые тексты песен и нотные записи. Труды его - это ценнейшее собрание этнографических данных об аборигенных народах Южной Сибири и Дальнего Востока России. По отзыву академика Миллера, Я.И. Линденау "был человек неукротимого усердия, которому, однако, не хватало необходимых знаний". Да, это так - действительно, Линденау не получил университетского образования и поэтому не обладал учеными званиями. При всем том ему по праву принадлежит видное место в числе участников Великой Северной экспедиции Академии наук и выдающаяся роль в деле становления российской этнографии XVIII века.

Такая успешная и весьма плодотворная работа Якова Ивановича Линденау, не оцененная по достоинству ни его современниками, ни сегодняшними нашими учеными, определялась в значительной мере его удивительным обаянием и скромностью умением общаться с бережливостью с аборигенными народами, выказывая им свое искреннее уважение". Именно благодаря этим его прекрасным человеческим качествам представители различных сибирских народов и племен не только обеспечивали передвижение и снаряжение экспедиции, но и сами охотно принимали участие в его благородной работе во имя российской этнографической науки.

Николай КОЧЕШКОВ,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
2002 г.
г. Владивосток

ГАВРИЛА ПУШКАРЕВ В АМЕРИКЕ

Тем временем Гаврила Пушкарев, "умный казак", бывший когда-то с Берингом в Америке и на Командорах, вел бичевинский корабль к востоку. Он добрался до Умнака в Лисьих островах Алеутской гряды. Там Пушкарев встретил корабль Степана Глотова, успевшего к тому времени открыть Лисьи острова.

В 1761 году, перейдя Исанахский (Исанотский) пролив, Пушкарев достиг полуострова Аляски. Он остался для зимовки на американской стороне пролива, против Унимака, с его знаменитыми вулканами.

Только в конце мая 1762 года Гаврила Пушкарев пошел в обратный путь. Осенью "Гавриил" попал в морскую непогоду и очутился в одном заливе севернее Шипунского мыса на восточном берегу Камчатки. Но Пушкарев доставил свыше девятисот бобров, четыреста лисьих шкур и восемнадцать выдр.

Есть сведения, что Пушкарев посчитал полуостров Аляску за остров. Но это не меняет сути дела. Он жил на берегу Северной Америки, и люди бичевинского "Гавриила" в 1762 году, как говорят, побывали даже на Шумягинских островах.

Гаврила Пушкарев сам по себе человек весьма любопытный. Иноземные историки называли его "офицером Охотского порта", вероятно путая Пушкарева с однофамильцем, геодезистом, исследовавшим несколько позже Ледовитый океан и Байкал.

Зимуя с Берингом, Пушкарев был убежден в существовании земли или островов к югу от Командор. Об этом говорил и Г. В. Стеллер. Вспомните, как в 1748 году Андреян Толстых рыскал на своем шитике в поисках призрачной юго-восточной земли.

Пушкарев в 1758 году подбил на поиски Дмитрия Пайкова, подштурмана бота "Владимир". Пайков действительно спускался "в южную сторону" от острова Беринга. Через год Пушкарев и Пайков снова только время потеряли в напрасном плавании к "Стеллеровой земле". Дважды ходил далеко к югу в 1758 и 1759 годах - и Башмаков на "Петре и Павле" и оба раза остался в сильном разочаровании.

В 1762 году к острову Кадьяк, где до этого провел зиму Дмитрий Пайков на "Владимире", приходил галиот "Тотьма". Сведений об этом походе не сохранилось. Но какой-то Молев из Великого Устюга вывез к себе на родину бумаги с описанием этого путешествия.

Однажды я нашел в Великом Устюге печатный "Новгородский летописец", изданный в 1781 году, с надписью: "Федор Молев писал своеручно". Вслед за этим фамилия Молева встречалась мне в "Вологодском архиве" Г. И. Шелехова под 1791 годом, когда А. Баранов писал о том, что катмакцы одолели отряд Молева около Кадьяка. О Молеве, как об одном из первооткрывателей Кадьяка, сообщал в 1801 году устюжский штаб-лекарь Яков Фриз, Академии наук корреспондент.

Бумаги Фриза с описанием деяний Бахова и Шалаурова мне довелось видеть в том же Великом Устюге.

В 1761 году Шалауров успел дойти до устья Колымы.

Афанасий Бахов, плававший в свое время на "Перкупе и Занте", видевший западный край Америки, отстал от Шалаурова еще на Яне и ушел в Якутск. Штаб-лекарь Яков Фриз в своей рукописной истории Устюга Великого говорит, что в 1762 году, когда Шалауров ходил к Шелагскому мысу, с мореходом следовал устюжанин из пригородного Спас-Щекинского прихода Максим Старков.

Когда Шалауров был вынужден вернуться на Колы-

му, Максим Старков, "отойдя от сотоварищества" с Шалауровым, побрел в Анадырский острог, а оттуда на Камчатку.

В 1793 году Яков Фриз разыскал в Великом Устюге Максима Старкова - слепого и ветхого днями старца. Максим Старков рассказал о тяжелых днях у Шелагского носа, когда мореходы шестнадцать суток тянули корабль бечевой по морскому льду.

Никита Шалауров, вернувшись в 1762 году в колымское устье, поспешил увидеться с Плениснером, чтобы просить средств для продолжения похода. Мореход показывал карту, на которую был нанесен путь от Лены до Чаунской губы и обратная дорога к Колыме. Но это вовсе не карта Филиппа Вертлюгова.

**Сергей МАРКОВ,
«Земной круг»
издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия» 1971 г.**

"ДЕНЬ ЯРОСТИ И ГНЕВА"

Тридцать первого июля 1760 года корабль "Гавриил" Ивана Бичевина вышел из устья реки Большой на Камчатке.

Незадолго до этого судно было отобрано в казну, а все имущество Бичевина описано.

В чем дело?

Раньше мне приходилось лишь догадываться о том, кто такой был Иван Бичевин. Догадывался я правильно, когда в "Летописи Аляски" писал: "Бичевин - глава мореходной компании и жертва произвола знаменитого коллежского асессора Крылова, - по-видимому, одно и то же лицо". Но догадка ничем не подтверждалась. Теперь есть все данные для того, чтобы рассказать более подробно печальную историю Бичевина, поскольку его имя связано с таким событием, как достижение Аляски.

Иван Бичевин, самый богатый купец в Иркутске, набожный строитель большой каменной Тихвинской церкви, в 1758-1760 годах попал в лапы к чиновнику Крылову, производившему "следствие" над купцами, курившими и продававшими водку. Крылов обвинял откупщиков в утайке денег от казны. Следователь заковал в кандалы весь иркутский магистрат, описал и опечатал дома купцов. Затем он устроил застенок и начал там свои допросы. В день "ялости и гнева" его пыточная канцелярия извела много китайской туши.

Как повествует "Летопись о Крылове", особенное внимание он уделил Ивану Бичевину, о богатствах которого ходили сказки; говорили, что Бичевин хранит в своих подвалах бочки золота и серебра. Пушную рухлядь с Восточного моря Бичевин сбывал русским купцам, а закупленные у них сукна отвозил для продажи китайцам в Кяхту. Бичевинские приказчики жили в Охот-

ске и на Камчатке.

Ассессор П. Н. Крылов, встряхивая Ивана Бичевина на дыбе и вымогая от него признания об утайке денег по винному откупу, дознал и о том, что Бичевин вложил средства в постройку корабля "Гавриил" для похода в Америку. Сенат, по докладу Ф. Соймонова, разрешил Бичевину плавать к "полуденным и северным странам".

Денег на корабль Бичевин не пожалел: "Гавриил" имел в длину одиннадцать саженей по килю. Таких больших кораблей еще не было на Восточном море.

Длинная рука Крылова настигла корабль на западном берегу Камчатки, где "Гавриил" зимовал в устье реки Белоголовой.

Тринадцатого декабря 1759 года Иван Бичевин умер от нестерпимых истязаний и был похоронен в Иркутске в Тихвинской церкви, где в честь его зажгли неугасимую свечу. Имущество Бичевина было отобрано Крыловым. На Камчатку пришел указ сдать корабль "Гавриил" в казну. Бичевинским приказчикам пришлось выполнить это приказание.

Летом 1760 года "Гавриил" отправился с Камчатки, прошел второй пролив в Курильской гряде и в сентябре достиг острова Атха.

Крылов продолжал свои зверства. Он разорил в Иркутске всех купцов, подорвал кяхтинский торг и мореходное дело на Восточном океане, которым занимались иркутские "компанионы". Равновесие Кяхты и "Бобрового моря" было нарушено.

Истребив множество "черепок" китайской туши, измочалив окровавленные кнуты о спины купцов, совершив еще несколько убийств, Крылов в сентябре 1760 года совершил свой самый отчаянный поступок. При помощи канцеляристов и солдат из Селенгинска, составлявших его личную гвардию, ассессор прибил к государственному гербу, прямо на грудь двуглавого орла доску

с начертанием собственного имени, увенчанного дворянской короной и окруженного лаврами. Эта викториальная надпись красовалась на башне городского магистрата до тех пор, пока Крылов не был увезен в кандалах в столицу.

Сергей МАРКОВ,
«Земной круг»
издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия» 1971 г.

ЗАГАДКА ОДНОЙ ФАМИЛИИ

"Неуважение к предкам есть первый признак безнравственности", - сказал Александр Пушкин. "Уважение к предкам - достоинство гражданина образованного", - еще раньше изрек Николай Карамзин. Сейчас идет время Иванов, не помнящих родства, недаром коммунисты и их последыши почти столетие ввергали страну в беспамятство. Тем ценнее попытки докопаться до корней, проследить судьбы предков. Для людей образованных старое фото деда и прадеда, передаваемое из поколения в поколение, гораздо ценнее золотых побрякушек и навороченной иномарки, без которых не мыслят своего существования духовно убогие представители новой буржуазии.

Куда Макар телят не гонял

В Иркутске и Ангарске, Черемхово и Заларях живут многочисленные представители рода, основателем которого был казак с Северного Донца Макар МАКАРОВ, пришедший на заларинскую землю в 1631 году. За 30 лет до того казачий отряд, в котором находился Макаров, прибыл за Урал на подмогу стрельцам, оставшимся на строгановских заводах после гибели ЕРМАКА. Объединившись со стрельцами, казаки двинулись в глубь Сибири и основали город Томск. Здесь они осели надолго и выписали с Донца свои семьи.

У Макарова дома оставалась жена с четырьмя сыновьями и дочерью - казаку в ту пору уже подкатило к 30 годам. Он был младшим в семье, поэтому достаток имел малый. Казаки отправили своим женам большие деньги на переезд, а Макар поспешил. Когда жена на худой телеге прикатила в Москву, ей за счет казны выдали

две новые телеги, сбрую, продукты и корм для лошадей. Подводу макаровской жены поставили во главе обоза, чтобы догляд за ней был. Потом сопровождавшие обоз казаки стыдили Макара за жадность - заботу о переезде семьи он свалил на государство.

В томской земле Макар прожил три десятилетия, пока его сыновей не отправили служить в Енисейск. Он бросил свою старуху и отправился с ними. Из Енисейска отряд прибыл в Балаганск, оттуда спустился по Ангаре на реку Тагну. Были в том отряде не только Макаровы, но и ТЮТРИНЫ, и ЩЕГЛАЕВЫ, всего десять семей. Последние отделились от товарищей и основали заимку Щеглаева близ села Тыреть, а макаровские казаки дошли до границы современного Аларского района и основали деревню, которая сейчас называется Ленденево.

Балаганский атаман назначил старика Макарова сборщиком ясака с алятских и голуметских бурят и велел объяснять им: мы де вас, бурят, от китайцев охраняем, за что вы должны государю ясак платить. Макаров проявил усердие по-своему - приехал к бурятам и погрозил плетью их князьям "Ясак платить в срок, а кто позже будет идти с выплатой, того выпорем, а вперед первым главаря вашего бурятского!". На доходном месте Макаров разбогател, ибо и за службу ему платили, и от пушнины немножко оставалось.

Сыновья обзавелись семьями и в 1643 году ушли за Байкал на помощь известному колонизатору Сибири ПОЯРКОВУ, с которым были в родстве. Старый Макар с внуками остался на заларинской земле, жил в Макарьевском зимовье.

Он дожил до 90 с лишним лет. Один из сыновей привез ему из Томска письмо от покинутой жены: "Жду, Макар, тебя, все глаза исплакала". Старый казак приехал в Томск и похоронил супругу, а вскоре и сам помер. Его потомки расселились по всему Прибайкалью.

Казак с реки Лена

Обо всем этом написано в ленденевских и макаровских летописях, которые велись первопроходцами. Макаровы были грамотными и записывали историю своего рода. Один из потомков Макарова Александр Сергеевич ЛЕНДЕНЕВ видел эти летописи в Черемхово в 1944 году перед уходом на фронт у своей бабушки. По некоторым данным после войны они попали к его дяде Степану Федотовичу НЕСТЕРОВУ, который в 60-х годах работал судьей в Ангарске.

Теперь о появлении фамилии Ленденевых. Праправнук Макара Иннокентий служил в Якутске. Однажды ближе к зиме прибыл туда царский чиновник, а переправиться через замерзающую Лену не мог. Корабль на стремнине колотило льдами, и он чуть не потонул. Якутский воевода вызвал Иннокентия Макарова: "Кешка! Голова с плеч долой, а чтобы приезжие были здесь!" Кешка добрался до стремнины, спустил на воду лодчонку, на веслах подошел к кораблю и по одному перевез на берег царского чиновника со свитой. После этого случая Иннокентия Макарова стали называть Ленденевым. Возможно, поначалу он был Ленденевым от слова "лед", а буква "н" позже появилась.

Как-то пьяный Кешка ехал с Макарьево зимовья, свалился с коня и уснул прямо в снегу. Нашла его тунгуска НАХНЭ, известная в округе целительница. В детстве ее увезли в Китай, где она 20 лет училась медицине, после чего лечила иркутских богатеев. Тунгуска выходила Кешку и вскоре понесла от него Казак женился на лекарке, и та под елью родила дочь, которую нарекли Еленкой. Позже у Ленденевых родилось еще четыре сына. Когда Нахнэ умерла, Иннокентий привез Еленку в Иркутск и в свойственной Макаровым манере объяснил какому-то чиновнику суть проблемы "Мать сдохла, девку учить надо". Девочку вместе с двумя дворянскими дочерьми

отправили в Китай, где она, как и мать, училась медицине. Дочь казака и тунгуски не раз бывала в Москве и Петербурге и до глубокой старости жила в Иркутске. Ее братья обосновались в Макарьевом зимовье, которое стало с тех пор заимкой Ленденевых.

После революции Ленденевы эмигрировали в Канаду, но не все. Остался только один из них - Федор Ленденев. Этот сельский богачей безропотно отдал новой власти все нажитое и даже вступил в колхоз. Поэтому хитрого казака не раскулачили, вместо него взяли его бывших работников, которым он раздал свое добро. Потомки Макаровых и Ленденевых отважно воевали в Великую Отечественную и даже в правящей партии состояли.

Сибирский швед

После победоносного окончания затянувшейся Северной войны в России осталось немало пленных шведов. Среди них был молодой офицер ЛИНДЕНАУ. На новой родине он принял православие и стал именоваться Яковом Ивановичем. В 1737 году он служил в Петербургской губернской канцелярии, и через два года за проявленное усердие его включили в состав Великой Северной экспедиции на должность переводчика и переписчика с немецкого и латинского языков.

В Сибири он три года работал в Охотске, составляя географические карты, а также наблюдал за постройкой корабля Витуса БЕРИНГА "Святой Петр". Участники экспедиции академики ГМЕЛИН, МИЛЛЕР, ФИШЕР, КРАШЕНИННИКОВ обессмертили свои имена, а про Линденау потомки несправедливо забыли. Из Охотска он прибыл и работал под руководством знаменитого путешественника Стеллера, который отправил его в Удский острог для описания тамошних мест.

В 1746 году Линденау приехал в Петербург, привезя с собой описания разных народов, путей, рек и горо-

дов, которые сдал в Академию наук. Сенат наградил его чином прапорщика и откомандировал в Москву для работы в Сибирском приказе. Там он попросился в Иркутск для использования его "по надобностям".

В Иркутском уезде, близ Балаганского острога на речке Осе российский швед "приискал" себе жену, по некоторым данным, тунгуску и прижил от нее детей. Линденау тогда было уже за 50.

В награду за долговременную и беспорочную службу он просил Сенат и лично ЕКАТЕРИНУ II дать ему землю для пропитания семьи "в вечное безоборочное владение", ибо за неимением "собственных своих людей и крестьян" опасался наложения "непосильного оброка и разорения".

Следующее известие о Линденау относится к 1786 году, когда Академия наук получила его труд "Некоторое описание об Амуре-реке". Живший в Иркутске академик Эрик (Кирилл) ЛАКСМАН, построивший в Тальцах стекольный завод и открывший черемховские угольные копи, сообщил в академию, что Линденау 91 год, что он оглох и живет в страшной нищете. Лаксман просил для него назначения пенсионера.

Согласно еще одной информации, Линденау жил "в убогой хижине на берегу речки Осы, близ Иркутска, и в 1794 году погиб во время пожара". Вместе с ним в хижине сгорели ценные рукописи. До нашего времени дошли шесть монументальных трудов Якова Линденау: "Описание якутов", "Описание пеших тунгусов в Охотске", "Описание тунгусов, которые живут у Удского острога", "Описание коряков, их нравов и обычаев", "Описание бурят или так называемых братских, а также о кыштымских и барабинских татарах", "Собрание исторических сведений о юкагирах".

Линденау прожил 97 лет. В 1983 году, почти через двести лет после смерти, в Магадане было издано его

"Описание народов Сибири (первая половина XVIII века)". В этот труд вошли "Описание о Чукоцкой земле" и "Описание реки, Анадырь и о чукчах, о нападении их на российских людей и ясашных коряков". Ученый заметил, что "пешие чукчи находятся в подчинении у оленных, которые насильственно заставляют первых участвовать с ними в их военных походах на коряков". Этому человеку принадлежит видное место в числе участников Великой Северной экспедиции и в российской этнографии.

Почему мы вспомнили о нем в этом материале? По мнению заларинского краеведа Галины МАКОГОН, Яков Линденау породнился с семьей Макаровых, поэтому у них изменилась фамилия. По времени все совпадает, он жил как раз в то время, когда появилась эта фамилия. Кто знает, может, так и есть.

В Ангарске тоже живут потомки Макаровых и Ленденевых. Если кому-то из них известно местонахождение макаровской летописи, не стоит скрывать это от науки.

Игорь ПОДШИВАЛОВ,
по материалам Заларинского
краеведческого музея,
сентябрь 2005 г.,
газета «Подробности».

АНГАРСКИЙ ОТШЕЛЬНИК ЯКОВ ЛИНДЕНАУ

Лишь в последние годы увидело свет "Описание о Чукоцкой земле, где она имеетца". Оно было закончено около 1742 года.

Составил "Описание" Яков Линденау.

Читателю это имя ничего не говорят. Между тем Яков Линденау отмечен в моей "Тихоокеанской картотеке" начиная с тридцатых годов XVIII столетия.

Линденау называл себя "ветеринарным прапорщиком", полное имя его было Якоб Иоганн. Он появился в Сибири в качестве "переписчика", сопровождавшего Миллера, Стеллера и Фишера.

Нелишне напомнить, что в 1736 году Г. Миллер нашел в якутском архиве челобитные и отписки Дежнева, а И. Э. Фишер продолжил поиски архивных источников по истории Сибири.

Известно, что Фишер всегда вел себя не очень пристойно: устраивал драки с подчиненными, попадал под следствие и запускать порученные ему дела. Считается даже, что Линденау собрал в сибирских архивах больше ценных материалов, чем его военный начальник Фишер. Через руки Линденау прошли тысячи отписок, челобитных, наказных памятей наших землепроходцев. Про бумаги Дежнева трудолюбивый и памятный Линденау забыть не мог.

Из трудов Якова Линденау нам известна рукопись "Замечания г. Линденау по пути от Тобольска через Тару, Томск, Барабинскую степь к Охотскому морю и к ламутам (тунгусам пешком)".

К 1742 году ветеринарный прапорщик составил примечания к чертежу "реки Анадыра, в нее впадающих рек и ручьев". (О чертеже этом мы скажем в своем месте.)

Через год Линденау трудился над описанием сибирских народов и обрабатывал дневники путешествия из Охотска в Якутск. Позже он составил очерк Амура.

После долгих путешествий по сибирским окраинам Яков Линденау поселился под Иркутском, в скромной избе на берегу Ангары, близ устья ручья Оса.

Окруженный рукописями, чертежами и редкостями, вывезенными им с берегов двух океанов, Линденау на досуге предавался научным занятиям, а хлеб насущный зарабатывал добычей селитры в горах около Балаганска.

В своей избушке Линденау прожил до 1795 года. Он и погиб в ней в возрасте девяти лет от внезапного пожара вместе со своими рукописными сокровищами.

Жизнь "ветеринарного прапорщика", знавшего Беринга, Крашенинникова и Шелехова, мало известна.

Уцелевшие рукописи Линденау еще не изучены. Они должны содержать замечательные сведения о Сибири, Камчатке и Чукотке.

В 1742 году Яков Линденау закончил "Описание о Чукоцкой земле, где она имеетца". Через двести лет профессор А. И. Андреев напечатал это произведение.

Вот что писал Линденау:

"У Чукоцкого носа есть под севером один остров да к восточной стороне четыре острова, и на тех островах живут чукчи. А в недалеком от последнего острова расстоянии имеется в виду по их званию Большая Земля, которая так называется потому, что та земля более их Чукоцкой земли, и они, чукчи, от своих жилищ на ту землю ходят байдарами и с той земли привозят посуду деревянную, подобно русской посуде. И по разглаговствованию тех чукч имеется чрез русских людей известие заподлинно так, что якобы купецким людям двенадцатую кочами минувших лет за семьдесят или более

Колымскому среднему зимовью, где прежде ярмонга бывала, для торгу пошедших и от сильных морских погод друг от друга разошедшихся, иные в Камчатку проплыли, а иные к тому острову, которой Большой Землей называется, пристали и тамо жительствовавшими народами совокупившись, у них поженились и расплодились".

По этому известию выходит, что не позднее 1672 года был пройден путь, проложенный когда-то Дежневым, и двенадцать кочей, миновав "каменную преграду", подошли к берегам Камчатки и Большой Земли.

Некоторые историки, рассматривавшие свидетельство Линденау, привычно решали, что речь идет здесь о походе Дежнева. Но мне думается, что такое суждение неправильно.

Яков Линденау, работавший с Миллером, не мог не знать о впервые открытых бумагах, относящихся к Семену Дежневу, потому что "ветеринарный прапорщик" был переписчиком всех архивных документов.

В силу этого Линденау, разумеется, оговорил бы, что история похода, о котором он сообщает, относится к Дежневу.

Линденау сообщает о двенадцати кочах, но ничего не говорит о достижении устья Анадыря, он отправляет мореходов в путь не из Нижне-Колымска, а из Колымского Среднего острога. Следовательно, речь идет не о Дежневе.

Надо искать дополнительные свидетельства архивов и сопоставлять с ними уже накопленные данные для того, чтобы окончательно решить, о каком именно случае достижения Аляски в XVII веке колымскими мореходами говорил добытчик балаганской селитры Яков Линденау.

До сих пор было неизвестно, что через Анюйский волок или морем вокруг Необходимого носа ходил к

устью Лены анадырский казак Иван Андреев. В 1675 году он доставил в Якутск ясачную казну, собранную на Анадыре.

Через четыре года казак Никита Ворыпаев был послан "вожем" - морским проводником - "за Нос". Он писал, что ему "тот ход та обычай" и он хорошо знает дорогу от Колымы до Анадыря. Следовательно, он не боялся огибать Чукотку и не страшился черных утесов Необходимого носа.

Как раз в то время сменяли начальника Анадырского острога Ивана Погапова и на его место посылали Тита Богомолова. Последнего, видимо, и сопровождал Никита Ворыпаев.

Возможно, что Ворыпаев в 1679 году прошел проливом между двумя материками, благополучно спустив парус своего коча у Анадырского острога.

Были в эти годы и случаи бесследного исчезновения кораблей в Ледовитом океане. Так, в 1678 году пропал без вести коч, посланный Семеном Сорокоумовым из Якутского острога на Колыму.

Где погиб этот корабль, в какие края был занесен - это так и осталось загадкой.

Со стороны Амура продолжались исследования берегов Тихого океана.

Андрей Воейков, воевода албазинский, в 1681 году поручил казаку Сенотрусову осмотреть побережье от устья Амура. Это было выполнено, и Игнатий Милованов, когда-то ходивший в Пекин, вскоре составил очерк путешествия восемнадцати казаков по амурскому лукоморью.

Сергей МАРКОВ,
«Земной круг»

издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия» 1971 г.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

В 1986 году совершенно случайно мне в руки попала книга Сергея Маркова "Земной круг", я читал ее не отрываясь - интереснейшая книга! И вдруг я вижу в тексте знакомую (!) фамилию: Линденау. Боже мой! Да это же наша фамилия Lendelow (на русский "манер" - Ленденев). Еще в раннем детстве, когда пацаны любят давать друг другу различные прозвища-клички, меня и брата дразнили за то, что у нас какая-то ненормальная фамилия. То ли дело, например, Боровлев - "кабан", "боров", Жуков - "короед", "Божья коровка", Иванов - "Иван Иванович", Петров - "сидор" и т.п.

А вот в Жиганске Якутской АССР, где отец мой служил в военкомате с 1954 по 1959 г., многие пацаны, в особенности, якуты, стали нас дразнить Линдя. Это им не казалось нелепицей. Уже позднее нам стало известно, что южнее Жиганска в р.Лену впадает р. Линдя (Линде). Тогда мы на это и внимания не обратили, а сегодня я об этом вспомнил.

К 1960 году мы переехали в г. Ангарск Иркутской области. Став старше, я начал обращать внимание на созвучные с нашей фамилией географические названия (вообще, история и география были не только моими любимыми школьными предметами, но и интересами по жизни), например: Портленд, Ньюфандленд, Гренландия, Ирландия, Курляндия, Финляндия и т.д.; другие похожие фамилии, например: Лендл - известный теннисист, Линдгрэн - известная шведская писательница, Лундстрем - известный музыкант, шведские хоккеисты Линдхольм, Лендберг, Нэслунд и др.; болгарский

Воланд; наконец - "Лендкрузер", "Ералаш Лэнд" и др.

Как тут не задумаешься: кто же "наградил" нас такой фамилией?

Родители и бабушки с дедушками говорили: "Мы испокон веку жили в Заларях (моя малая Родина) и всегда были Ленденевы. А грамоту Ленденевы знали всегда!"

Во время учебы в институте, где-то в конце 60-х годов, я прочитал в "Восточно-Сибирской правде" статью "Потомки Ерофея Хабарова". Из нее я узнал, что в моих родных Заларях проживают потомки участников отряда Ерофея Хабарова и даже его самого - Минеевы (наша дальняя родня).

Как известно, Е. Хабаров пришел в Сибирь в 1630

Семья Ленденевых. 1951 г. Бабушка - Пелагея Иннокентьевна.
Родители: Розалия Фоминична, Сергей Кузьмич.
Дети: Валерий, Ирина, Людмила, Владислав (слева направо)

году из Великого Устюга, то есть с Северо-Запада России. Я читал литературу об этих местах и нашел интересную информацию: в некоторых местностях Северо-Запада вместо слова "леший" говорят "лендак". Слово "леший" производное от "лес", "лендак" - это тоже некое "чудо природное".

Так у меня появилась версия происхождения фамилии Ленденевых от слова "лендак", тем более, что множество Ленденевых "отшельниками" проживали по различным заимкам вплоть до XX века.

Кстати, и сегодня рядом с р.ц. Залари (км. 4-5) есть деревня (заимка) Ленденево.

В Заларях три основные рода: Минеевы, Распутины, Ленденевы. С кем из них я ни разговаривал на эту тему, все утверждали, что фамилии наши от прозвищ не происходили. Но уровень познаний их глубже середины XIX в. не распространялся.

Например моя ветвь Ленденевых (по мужской линии) четко прослеживается тоже только с середины XIX в.: Николай (1846 г.р.) - Кузьма (1880 г.р.) - Сергей (1923 г.р.), Валерий (1945 г.р.) - Сергей (1971 г.р.) - Владислав (2003 г.р.).

Итак, в 1986 г. я увидел в книге Сергея Маркова заголовков "Ангарский отшельник - Яков Линденау": "Читателю это имя ничего не говорит. Между тем, Яков Линденау отмечен в моей "Тихоокеанской картотеке", начиная с тридцатых годов XVIII столетия.

Линденау называл себя "ветеринарным прапорщиком", полное его имя было Яков Иоганн. Он появился в Сибири в качестве "переписчика", сопровождающего Миллера, Стеллера и Фишера.

Нелишне напомнить, что в 1736 году Г. Миллер нашел в якутском архиве челобитные и отписки Дежнева, а И.Э. Фишер продолжил поиски архивных источников по истории Сибири.

Ленденев Кузьма Николаевич
(слева). Манчжурия, 1905 г.

Ленденев Сергей Кузьмич,
1945 г.

Известно, что Фишер всегда вел себя не очень пристойно: устраивал драки с подчиненными, попадал под следствие и запускать порученные ему дела. Считается даже, что Линденау собрал в сибирских архивах больше ценных материалов, чем его своенравный начальник Фишер. Через руки Линденау прошли тысячи отписок, челобитных, наказных памятей наших землепроходцев.

Из трудов Якова Линденау нам известна рукопись "Замечания г. Линденау по пути от Тобольска через Тару, Томск, Барабинскую степь к Охотскому морю и к ламутам (тунгусам пешим)".

К 1742 году ветеринарный прапорщик составил примечания к чертежу "реки Анадыра, в нее впадших рек и ручьев". Через год Линденау трудился над опи-

санием сибирских народов и обрабатывал дневники путешествия из Охотска в Якутск. Позже он составил очерк Амура.

После долгих путешествий по сибирским окраинам Яков Линденау поселился под Иркутском, в скромной избе на берегу Ангары, близ устья ручья Оса.

Окруженный рукописями, чертежами и редкостями, вывезенными им с берегов двух океанов, Линденау на досуге предавался научным занятиям, а на хлеб насущный зарабатывал добычей селитры в горах около Балаганска.

В своей избушке Линденау прожил до 1795 года. Он и погиб в ней в возрасте девяноста пяти лет от внезапного пожара вместе со своими рукописными сокровищами.

Жизнь "ветеринарного" прапорщика, знавшего Беринга, Крашенинникова и Шелехова мало известна.

Уцелевшие рукописи Линденау еще не изучены. Они должны содержать замечательные сведения о Сибири, Камчатке и Чукотке.

В 1742 году Яков Линденау закончил "Описание о Чукоцкой земле, где она имеется". Через двести лет профессор А.И. Андреев напечатал это произведение.

"До нашего времени дошли шесть монументальных трудов Якова Линденау: "Описание якутов", "Описание

Ленденев Александр Сергеевич,
1945 г.

пеших тунгусов в Охотске", "Описание тунгусов, которые живут у Удского острога", "Описание коряков, их нравов и обычаев", "Описание бурят, или так называемых братских, а также кыштымских и барабинских татар", "Собрание исторических сведений о юкагирах".

У меня в голове тогда как некий выключатель щелкнул: "Вот в какую сторону необходимо было идти".

Но в те годы мы с женой решили переехать из Ангарска в другой город.

В 1987-1988 гг. мы переехали в г. Верх-Нейвинск, тогда он еще назывался Свердловск-44. Сегодня это - Новоуральск, "атомград", население - 100 тыс. человек. До Екатеринбурга 40 минут езды на автомобиле.

Новое место работы, новая должность, обустрой-

Оленные коряки. 1743 г. Рис. Я.И. Линденау

ство жизни занимали все личное время. Затем началась перестройка, новая политика, меня избрали заместителем председателя городской Думы, я входил в Российский Совет партии ДВР. Было много поездок, встреч, дел, работы. Потом пришли заботы по учреждению газет и работа, работа... Новый импульс моим поиском истока нашей фамилии дала статья Игоря Подшивалова "Загадка одной фамилии", опубликованная в газете "Подробности" в Иркутской области 1 сентября 2005 года, в основу которой была положена семейная летопись казацкого рода Макаровых, изложенная Ленденевым Александром Сергеевичем, 1927 г.р. жителем Заларинского района, учителем сельской школы.

Сразу скажу, что версия Александра Сергеевича Ленденева (не сомневаюсь, что мы из одного рода. Они

Ленденев Сергей Кузьмич (слева), Якутия, 1956 г.

с моим отцом Сергеем Кузьмичом Ленденевым 1923 г.р. схожи внешне: лицом, ростом, телосложением) о трансформации фамилии Макаровых в Леденевых, а далее в Ленденевых несколько романтична и нечетка.

Скажу Вам из опыта жизни своей и моих родных: из нашей фамилии Ленденевы до сей поры частенько теряют букву "Н" даже на официальном уровне, вплоть до официальных документов. Имел место и такой приискорбный случай: на могиле моего отца был установлен памятник с фамилией Леденев. Конечно, табличка на памятнике была быстро заменена. Но этот случай - яркий пример того, что корень "ленд" для русского языка не привычен, противоестественен и практически в русских словах не встречается и не применяется. Так что буква "Н" каким-то случайным образом внедриться в фамилию Леденев практически не могла, а вот выпасть из корня "ленд" она всегда готова.

Что еще интересно. Александр Ленденев упоминает в своем рассказе о тунгусской целительнице (шаманке) Нахнэ, спасшей от смерти Иннокентия Макарова, с которого по его выводам и пошла фамилия Ленденевых.

В исторических материалах о походе отряда русских под руководством капитана Павлуцкого в 1731 году против отчаянно сопротивлявшихся племен и народов, населявших Чукотку, упоминается тойон (князь) земель Восточно-Сибирского моря - Наихню.

Известно, что местные жители не хотели идти в подданство русского царя и героически отстаивали свою свободу: погибали в больших количествах в сражениях, попадая в плен, часто кончали жизнь самоубийством, уходили семьями на Аляску непокоренными.

Русские расправлялись с чукчами жестоко. А пленных женщин и детей вывозили в Якутию, в частности и

в Якутск. В конце концов, Чукотка и сопредельные с ней земли были нанесены на карту Российской империи, а русские военные отряды покинули Чукотку, дабы она не опустела вообще.

Известно, что тойон Наихню избежал плена. Больше я информации о нем не нашел.

Целительница Нахнэ и тойон Наихню... Нет ли связи в этих именах, ведь оба они сопричастны одному времени (30-е, 40-е годы). Я. Линденау, написавший книгу "Описание Чукоцкой земли" в 1742 году знал о Наихню. Я. Линденау неоднократно бывал в Якутске, в котором в эти же годы находились Нахнэ и Иннокентий Макаров (по летописи). Судьба могла свести их всех вместе по какому-либо событию. А почему бы и нет?

Я. Линденау в своих исследованиях много внимания уделял описанию и изучению шаманизма как явления, в частности обрядам кампания и др.

Это касалось и чукотских обычаев, и якутских, и бурятских. Не эти ли встречи стали причиной возвращения Я. Линденау в Сибирь после завершения экспедиции в 1746 году?

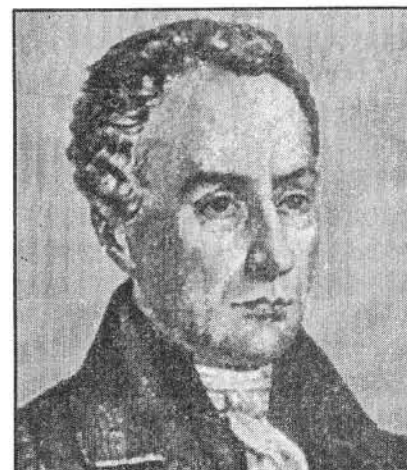
Почему высокообразованный, разносторонне грамотный человек, знавший несколько языков, в 1748 году поселился в самом центре проживания западных бурят (около Балаганского отрога) и прожил здесь еще 50 лет до конца дней своих?

Вероятнее всего его поступками двигали неумная страсть к познанию и первопрободству, миссионерство, глубокое понимание своей роли как ученого-этнографа. Ведь даже в 1786 году, когда Я. Линденау было как минимум 80 лет, он завершил описание об Амуре-реке, которое и было получено Академией наук.

Некоторые исследователи склонны считать, что Я. Линденау в 30-40 г. постиг тайны шаманизма, и они увлекли его. Жена его была по некоторым данным тун-

Карл Генрих Август фон Линденау.
1786 г.

Бернгард Август фон Линденау.
1830 г.

гуска. Не была ли это, например, Нахнэ или ее родственница? Уже в возрасте более 50 лет у него появились дети. Записи в метрических книгах Никольской церкви в с. Залари гласят, например, 1773 г. - у Линденау Ивана умерла дочь младенец Варвара.

1774 г. - у Линденау Стахей родился сын Николай.

1795 г. - Линденау Стахей жена Евдокия Саввична, уроженка Борисова свидетельствовала у крестьянки Чувашовой.

1797 г. - у Ленденау Василия родилась дочь Ефимия.

1797 г. - Ленденау Василий свидетельствовал у крестьянина Тагусова рождение дочери Марии.

В первой половине XIX века в записях фигурируют уже фамилии Ленденевы, Линденевы. От Балаганского острога до тракта (будущего Московского) была одна дорога - на Залари. На карте 1905 года мы видим семь

поселений и мельницу с названиями Линденево и Ленденево. После революции часть Ленденевых - Линденевых, представители которых были людьми дела, грамотными, покинули Россию. По разным сведениям некоторые уехали в Канаду, другие в Италию, в иные европейские страны.

Осталось Ленденевых в Заларях, Иркутске, Зиме, Кутулике, в других местах СССР - много. Сегодня мне известны: москвич Дмитрий Ленденев - писатель и журналист, омич Алексей Ленденев - крупный предприниматель, мой брат Владислав - кандидат наук, предприниматель, живет в Иркутске, и другие интересные люди. Некоторые были репрессированы, расстреляны в 1937-1938 годах.

Сегодня у нас нет сомнений, что Ленденевы - это потомки Я.Линденау. Этим замечательным фактом мы гордимся. Хочется нам верить, что якутская река Линде названа в честь Я.Линденау. Своими делами, всей своей неординарной жизнью Я.Линденау уже увековечил свое имя.

Нам хочется, чтобы его имя было известно более широкому кругу людей и более полно. Он это заслужил. Его жизнь - это подвиг. Немало информации о Линденау я нашел в книгах и в различных СМИ. Но нет у меня ни одной книги Я.Линденау, которые, оказывается, издавались Магаданским книжным издательством. Нет у нас практически никаких его биографических данных за период со дня рождения (1700? 1697? или 1706 г.?) до 1730 года. Знаем из энциклопедии, что он швед, офицер.

Фамилия Линденау хорошо известна в Германии. Директор Зеебергской обсерватории известный ученый астроном Бернгард фон Линденау в 1840 году был избран почетным академиком Российской Академии наук.

Граф Карл фон Линденау был с 1786 года оберландшталмейстером Пруссии при короле Фридрихе Вильгельме-II.

Около Лейпцига есть местечко Линденау. Оно фигурирует как одно из важнейших боевых позиций в знаменитой "битве народов" в 1813 году, в которой Наполеон потерпел тяжелое поражение от союзной армии русских, австрийцев, немцев и поляков.

В городе Клайпеде 100 лет функционируют верфи "инженера Линденау".

Клайпеда, Выборг и другие прибалтийские поселения многими столетиями были городами с самым что ни на есть интернациональным населением. Кто здесь только не покомандовал: Орден, Швеция, Пруссия, Дания, Германия, Франция, Россия.

В первые годы XVIII века это была территория шведского королевства. Затем пришли русские и немцы. Эти факты наводят на мысль, что Я. Линденау мог быть и не шведом, а, допустим, немцем. Он мог быть выходцем из той же Клайпеды или, например, из Выборга. Родом из Выборга была жена датчанина Витуса Беринга - немка Анна Пюльзе.

Все они, или их семьи, могли быть как-то знакомы или даже состоять в родстве. Закономерно, что, собираясь в дальний трудный путь, люди всегда ищут себе надежных, сильных, грамотных попутчиков. И хорошо знакомые люди в таких случаях высоко ценятся.

Анна Кристина Беринг была участницей второй экспедиции Беринга (1733-1746 гг.). Она несколько лет вместе с двумя младшими детьми (а всего их было четверо) жила в Якутске. Вернулась в Санкт-Петербург в 1742 г. после гибели Витуса Беринга (в декабре 1741 г.). Я. Линденау, работая в команде Г. Миллера-И. Фишера, старался, по возможности, бывать рядом с семьей Беринга.

После смерти Беринга он продолжил свои походы и на Чукотке, и на Байкале, к тунгусам Уды и во многие-многие другие неизведанные места.

К сожалению, мы не имеем информации о первых 25-30 годах жизни Я. Линденау. Мы не знаем, когда он родился, где, в какой семье, где учился, на кого учился, почему он стал офицером шведской армии и т.д.

Я. Линденау называл себя "ветеринарным" прапорщиком. Нет ли здесь связи с Карлом фон Линденау, в ведении которого находились королевские военные конно-племенные заводы Пруссии. Конечно, Карл фон Линденау был моложе Якоба лет на 25-30, но знания по коневодству он унаследовал от своих родителей и дедов.

Мы продолжаем свои исследования.

Потомки Я. Линденау имеют намерения изготовить и установить памятник Якобу Иоганну Линденау на Московском тракте у ст. Залари, то есть, рядом с местами работы, жительства и гибели замечательного человека, ученого.

Валерий ЛЕНДЕНЕВ,
декабрь 2006 г.

ПЕРЕВОДЧИК КОМАНДОРА БЕРИНГА

В августе 2005 года в Якутске состоялась международная научная конференция на тему: "Россия и Германия: историко-культурные контакты".

Конференция была посвящена 300-летию со дня рождения первого историка Сибири, руководителя академического отряда ВСЭ*, автора уникального издания "История Сибири" Герарда Фридриха Миллера.

На конференции была дана высочайшая оценка роли немецких ученых в деле создания и становления исторической науки Сибири: самого Миллера, а также ученых Иоганна Гмелина, Георга Стеллера, Иоганна Фишера и Якоба Линденау.

Академик Василий Иванов отмечал, в частности, что "в области изучения этнографии народов края Якоб Иоганн Линденау внес наибольший вклад по сравнению с остальными сотрудниками академического отряда".

В сентябре 2005 г. к 300-летию Г.Ф. Миллера была переиздана "История Сибири". Она вышла в 3-х томах, прекрасного исполнения, интересно иллюстрированная, с приложениями-картами.

На первом же текстовом листе издания мы среди фамилий ученых, которые "обессмертили свои имена вкладом в науку", видим Якова Ивановича Линденау. По ходу изложения содержания "Истории Сибири" имеют место неоднократные ссылки на книгу "Описание народов Сибири" - главный труд Я.И.Линденау (книга вышла в 1983 году. Рукописи Линденау перевела и написала предисловие к книге д. и. н.Титова Зоя Дмитриевна). Не так давно мне посчастливилось раздобыть эту редкую книгу. С помощью ее я узнал и о других исследователях биографии и наследия Якоба Линденау:

Книга Я.И. Линденау

М.О. Косвен, "Этнографические результаты Великой Северной экспедиции";

А.И. Андреев, "Заметки по исторической географии Сибири XVI-XVIII вв.";

Е.П. Орлова, "Чертежи Чукотки Якоба Линденау и Тимофея Перевалова";

В.Ф. Иванов, "Историко-этнографическое изучение Якутии";

Н.В. Кочешков, "Этнографические труды Якоба Ивановича Линденау";

А.А. Золотарев, "Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века".

Мне удалось раздобыть редчайшую книгу, изданную Императорской Академией наук в 1890 году, написанную Вильгельмом Лагусом (1786-1859 гг.) "Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка". Эрик (Кирилл) Лаксман, академик СПАН**, был современником и другом Я.И.Линденау, коему факту Лагус посвятил целую главу.

У каждого из вышеуказанных авторов есть свое неповторимое видение биографии, личности и наследия Линденау. Но общие архивные источники, записки современников Линденау, которые были использованы учеными, позволяют все-таки смоделировать довольно целостный образ Якоба Иоганна Линденау.

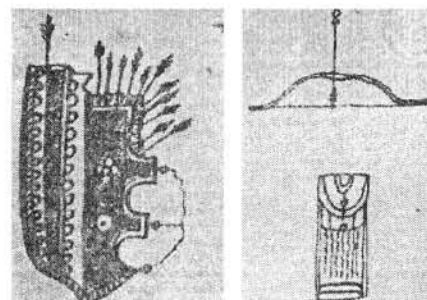
Я думаю, что аналогом такого "ссумиривания" образа может послужить статья из энциклопедического

словаря "Иркутск": "ЛИНДЕНАУ Яков Иванович (1710, г. Москва-1795, г. Балаганск), участник 2-й Камчатской экспедиции, автор нескольких "описаний" различных районов Восточной Сибири. Родился в семье обрусевшего шведа. В 1719 году семья переехала в Лифляндию. Окончил училище в г. Пернове (Пярну). До 1730 года служил бухгалтером местного бургомистра, затем обучался в Германии. С 1732 г. - в Петербурге, содержал школу "для наук и обучения детей". В 1737 г. состоял на службе при Академии наук, получив определение в акад. отряд 2-й Камчатской экспедиции. Находясь при Миллере и Фишере, собирал сведения по географии, этнографии, истории Сибири, совершил путешествия в Якутский край и к Охотскому морю. В период работы вернулся в Петербург, подготовил и сдал в Академию 13 различных описаний. Получить место в Академии не удалось, и в 1747 году в чине прапорщика Л. был отправлен управителем Балаганского дистрикта Иркутской провинции. С 1753 г.

Предположительно, на рисунке Яков Иванович Линденау. 1743 г.

переехал в Иркутск, служил в счетной конторе Иркутской провинциальной канцелярии, в 1762-1763 гг. ведал соляными делами. В 1764 г. был в Москве с прошением об отводе ему земли около Балаганска. В 1785 г. Э. Лаксман застал его в Балаганске в крайней нищете и на некоторое время приютил у себя в Иркутске. Последние годы Л.

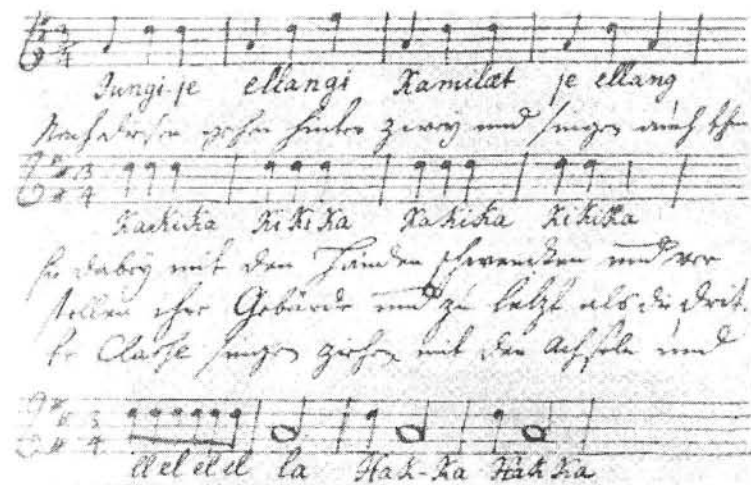
Колчан для стрел.
рис. Я.И. Линденау

провел в своем небольшом домике на реке Осе, недалеко от Балаганска, добывая пропитание ломкой селитры в ущельях.

В 1795 г. он погиб во время пожара в своем доме. Сгорели также все его имущество и рукописи.

Лит.: Словарь русских светских писателей. М., 1845. Т. 2; Русский биографический Словарь СПб. 1914. Т.: Лабзина-Ляшенко".

Я.И. Линденау был разносторонне образован. Яков Иоганн хорошо рисовал. Свои рукописи Я.И. Линденау богато иллюстрирует мелкими рисунками тушью и пером. Эти рисунки нашли свое место и в его книге "Опи-

Личная запись Я.И. Линденау.
Песня коряков в день охоты на кита. 1743 г.

сание народов Сибири. Первая половина XVIII века". Знал картографию, самолично составлял карты. В ЦГИАЛ (ф. 1341. оп 303.д. 1552) хранится "доношение Лоренца Ланга...", к "доношению" приложен чертеж, составленный Я.И. Линденау, который охватывает громадную территорию Северо-Восточной Азии. "По полноте и точности географических обозначений на чертежах того времени чертеж Я.И. Линденау превосходит все другие" (Е.П. Орлова. "Чертежи Чукотки Якоба Линденау и Тимофея Перевалова". Вопросы географии Дальнего Востока. Сборник третий).

Линденау хорошо знал музыкальную грамоту: в своих рукописях он нередко приводил целые тексты песен и обрядов и их нотные записи.

Он называл себя "ветеринарным" прапорщиком. Почему? Есть сведения, что в роду Линденау ветеринария, коневодство были потомственным делом.

Бесспорно, что он не имел специального образования по этнографии, на поприще которой и заслужил всемирную известность и уважение. Эту науку он постиг в процессе работы. По отзыву Миллера Линденау "был че-

Карта Я.И. Линденау
Северо-Восток Азии.
1742 г.

ловек неукротимого усердия, которому, однако, не хватало необходимых знаний". Тем интереснее, что российский этнограф профессор Сергей Александрович Токарев писал: "Если сравнить с зарубежными этнографическими описаниями, то из работ более позднего времени трудно указать такую, которая бы равнялась по качеству, например, с описанием якутов у Линденау".

Вот что пишет профессор А. Золотарев в статье "Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века" (издание "Историк-марксист" 1938 год. Кн.2.):

"8 марта 1737 г. иноземец Линденау был зачислен в воеводскую канцелярию Правительствующего сената переводчиком с жалованьем 100 рублей в год. По заявлению Линденау, он был "в российском, немецком, лифляндском, эстляндском, финском языках как в чтении, так и в письме учен".

(Академии Василий Федорович Иванов писал: "Необходимо подчеркнуть, что Я.И. Линденау проявил себя и как замечательный лингвист.

Он без особого труда четко определил неодинаковость и неродство, например, якутского и бурятского народов, их языков. Якуты и их язык - тюркского происхождения. Буряты - монгольского".

Линденау знал чувашский, тунгусский, якутский, бурятский, чукотский, корякский и др. языки народов края.)

В Сенате он прослужил, как он сам сообщает, до июня 1739 г. "и правил всякие положенные на меня канцелярией дела беспорочно, в чем мне и аттестат дан".

25 июля того же года Линденау по личной просьбе был зачислен в сотрудники Второй Камчатской экспедиции под руководством командора Витуса Беринга в качестве переводчика с латинского и немецкого языков. Он доехал с Фишером до Сургута, а затем его взял с собой Миллер, с которым он ездил из Тобольска в Березов и обратно. 27 сентября 1740 г. он выехал из

Тобольска опять к Фишеру, с которым поехал "по прочим местам" до Якутска; в сентябре 1741 г. он прибыл в Охотск, где занимался составлением географических и этнографических описаний и наблюдением за постройкой судна для участников экспедиции. От этого времени сохранился ряд донесений, писанных в канцелярию Академии наук по вопросам денежным и строительным. В Охотске Линденау пробыл до июля 1743 г., составив за это время "Описание пеших тунгусов, или так называемых ламутов, в Охотске. 1742 г.", а также "Описание коряков, их нравов и обычаев по личным наблюдениям автора и по сведениям, полученным от других. 1743 г."

"Известно, что Фишер всегда вел себя не очень пристойно: устраивал драки с подчиненными, попадал под следствие и запускать порученные ему дела. Считается, что Линденау собрал в сибирских архивах больше ценных материалов, чем его своенравный начальник Фишер. Через руки Линденау прошли тысячи отписок, челобитных, наказных памятей наших землепроходцев.

Из трудов Якова Линденау нам известна первая его рукопись "Замечания г. Линденау по пути от Тобольска через Тару, Томск, Барабинскую степь к Охотскому морю и к ламутам". (Сергей Марков "Земной круг" стр. 358, Издательство ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия" 1971 г.).

"Собирая необходимые сведения, Линденау разъезжал по окрестностям Охотска на собаках и лошадях, а также расспрашивал туземцев, приходивших в Охотский острог для уплаты ясака. Осенью 1742 г. он попытался переехать морем на Камчатку, но корабль был унесен ветром к устью Амура, а затем снова отогнан к Охотску и выброшен на берег. Перезимовав после столь неудачной "одиссеи" в Охотске, летом 1743 г. Линденау вернулся в Якутск, где застал предписание Стеллера следовать в Удский острог "для описания тамошних мест". Он отправился по рекам Амге и Алдану, тщательно

описывая пройденный путь. В Удском остроге он пробыл весь 1744 год и часть 1745 г., используя это время для составления "Описание тунгусов, которые живут у Удского острога. 1744 - 1745 гг."

21 августа 1746 г. он появился в Петербурге и привез с собою "учиненные им разным городам, путям, рекам и народам описания", которые были приняты в конференц-архив "и с прочими камчатскими делами положены".

По возвращении своем ходатайствует о расчете с ним за прошедший год, о повышении жалованья и определении его на работу в Академию наук, сообщая, что он был "в разные многие места из чего моей ревности принял многие смертельные случаи и голод. Возвратился сюда с немалыми неоплатными долгами, платить которых нечем, но сверх того с домашними своими претерпевая самую крайнюю нужду".

Просьбы остаются тщетными. "Того ради по указу ее императорского величества канцелярии Академии наук приказали: понеже этого Линденау при Академии наук определить не к чему и к тому же сумма при Академии недостаточна, отослать при доношении в правительствующий Сенат с рекомендацией и просить дабы повелено было определить его, Линденау, по другим делам, куда он способен явиться". Но Линденау, вкусившего прелесть самостоятельных исследований, мало радует перспектива канцелярской работы в Сенате. Он бесследно и надолго исчезает с петербургского горизонта".

(Золотарев, там же, стр. 68)

За пять лет путешествий и исследований Я. Линденау прошел и проехал по суше, рекам и морям огромные расстояния: от р. Лены до Тихого океана, от Ледовитого океана до Амура, при этом не раз подвергался смертельным опасностям.

Он сделал массу описаний, зарисовок, собирал ме-

стный фольклор, изучал обряды, в том числе шаманские, коллекционировал различные редкости. Голод и холод были частыми атрибутами его исследовательского бытия. Написал 13 трудов по этнографии и столько же по географии.

"Трудно извлечь из скудных и отрывочных сведений материалы для характеристики Линденау. Очевидно, был он человек ума пытливого и любознательного, аккуратен и исполнителен. Это засвидетельствовано Сенатом и Академией наук. О том же говорят его бумаги, написанные четким, ровным почерком. В "Материалах по истории Академии наук" Линденау охарактеризован как человек "неутомимого прилежания".

Действительно, Линденау, кроме порученных ему этнографических описаний охотских и удских тунгусов и коряков, успел составить "сверх плана" подробную работу по якутам, представляющую значительный интерес. Его этнографические рукописи составляют 230 страниц машинописного текста. Они написаны по одинаковому плану, давая в виде очерка ответы на этнографический вопросник Миллера. Содержание их свидетельствует, что Линденау был хороший наблюдатель и ревностный собиратель материала, к тому же обладавший незаурядными лингвистическими способностями. Тексты пересыпаны туземными словами, а к рукописям, посвященным тунгусам, приложены содержательные словари, причем, словарный материал записан относительно точно. Описания Линденау навсегда остаются единственным источником по их этнографии".

(А. Золотарев, там же, стр. 69)

К 1747 году с Линденау рассчитались, выдали ему премию. "В 1747 г. Сенат наградил Я.И. Линденау за труды его в Сибири чином прапорщика, и он, согласно собственному желанию, был откомандирован в Москву в Сибирский приказ, а оттуда был послан в Иркутск. С 1748

по 1753 г. служил управителем в Балаганском остроге, а затем с 1753 по 1758 г. в Иркутской губернской канцелярии по делам счетоводства и ревизии. В 1762-1763 гг. ведал "соляными делами". В 1764 г. приезжал в Москву и подавал прошение в Сенат об отводе ему земли на речке Осе, близ Балаганского острога, для его "с женою и детьми пропитания". Челобитная была отправлена Сенатом Иркутскому губернатору К.Л. Фрауендорфу "на его рассмотрение и определение". Неизвестно чем это кончилось". (Иванов В.Ф. "Историко-этнографическое изучение Якутии". М.Наука 1974 г. стр. 107-108)

Можно предположить, что землю ему отвели, поскольку последние 25-30 лет своей трудной и интересной жизни он постоянно проживал именно в этих местах.

- В письме от 19 марта 1785 г. Э. Лаксман сообщал в СПАН о тяжелом материальном положении Линденау и просил оказать ему помощь.

- В 1786 году СПАН получила от Линденау "Некоторое описание об Амуре-реке".

В 1790 году Лаксман писал в СПАН Эйлеру И.А. из Иркутска и сообщал: "Теперь хочу сообщить маленькую новость, которая немного касается нашей Академии, а именно, из всех тех людей, которые были на службе у Академии во время второй Камчатской экспедиции, теперь остался в живых только один, старый 91-летний прапорщик Якоб Линденау, который тогда был послан в качестве переводчика в Сибирь, а оттуда со Стеллером на Камчатку. Он теперь находится у меня и еще читает и пишет без очков, ходит пешком во все концы города, работает на своей мельнице. Только в прошлом году немного притупился его острый слух. Несколько лет тому назад я обращался с просьбой о небольшой пенсии для него, но напрасно. Итак, он вынужден на закате своих дней жить в бедности и нужде. Это обычная участь тех людей, которые не умеют добиваться чего-

либо окольными путями".

(ЛОААН, ф.1 оп. 3, № 24, лл.231-232).

Вот что пишет Вильгельм Лагус в книге "Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка"

"Упомянем, во-первых, об отношениях Лаксмана к Линденау. Собственно ветеринар, но называемый прапорщиком, он уже в 1730-х годах в качестве переводчика сопровождал Мюллера, Штеллера и Фишера в их поездках и затем остался в Сибири. Живя недалеко от Иркутска, в деревне у Ангары, где он у ручья Осы купил маленькую хижинку, этот честный, но несколько упрямый старичок с трудом снискивал хлеб свой ломкою селитры в ущельях около Балаганска. Лаксман, часто проезжавший по этой стране, начал питать такую дружбу к этому многоопытному отшельнику, что предложил ему даровую квартиру и стол у себя дома в Иркутске.

Но Линденау не захотел переселиться. Окруженный прекрасною природою - "Nichts kann reizender sein etsy.", восклицает даже сухой Фишер, говоря об Осе, - своими воспоминаниями и разными коллекциями, он находил, что хоть он и был беден, но всего у него вдоволь. Годы проходили и он жил довольным на клочке земли, сделавшемся ему дорогим. Здесь постигла его, наконец, в 1795 году печальная смерть. Он, 95-летний, вместе со своим жилищем, со всеми бумагами и записками, сделался добычею пламени. Но многие советы и сведения, многие полезные указания во время разъездов своих, младший исследователь получил от старого прапорщика".

(стр. 184-185)

Академик Э. Лаксман считал Я. Линденау своим учителем и наставником во многих делах. Он писал, что свои известные труды "О селитре" и об особенностях территорий между Амуром и Удой он написал "посредством знакомства с многоопытным Линденау" (В. Лагус, стр. 235).

* * *

Хотя о жене (женах) и детях Я.И. Линденау конкретной информации нет, но и жена (жены), и дети у него были.

Вспомним, что в 1746 году Я.И. Линденау говорил о "своих домашних". В 1764 году в своем прошении Сенату он пишет о жене и детях. Это значит, что у него был не один ребенок, а как минимум - два. Вероятно, что в последние лет 15 своей жизни Яков Иванович жил одиноко. Сергей Марков называет его "ангарским отшельником", а Эрик Лаксман предлагал ему свой дом для проживания.

Директор Заларинского музея Г.Н. Макагон, изучая метрические книги заларинской Никольской церкви, нашла записи о вероятных сыновьях Я.И. Линденау: Линденау Иоанне, Стахие и Василии Ленденау, датирован-

Макагон Галина Николаевна - директор Заларинского Музея, руководитель исследовательской группы «По Линденау».

№	Дети	Имена
3	Татар	Василия аполлоу дьякону на ербсгора молотова родился сын Михаил воспитанный или брата дьякону Яковлю молотова матрону умиршаго видяника мининова тобуржийноша Зорь-Зорька матрону!
4	Татар	Воскресной пастовишка мининков у сына его ербсгора родился сын почитанный воспитанный или брата дьякону Яковлю тобуржийноша матрону умиршаго видяника мининова тобуржийноша Зорь-Зорька матрону!
5	Татар	Воскресной умиршаюшка Зорька дьякону родился сын почитанный или брата дьякону пастовишка мининков у сына его матрону Зорька матрону старинная пастовишка!
6	Татар	Умиршаюшка ербсгора почитанный Зорька тобуржийноша воспитанный или брата дьякону умиршаюшка видяника мининова тобуржийноша матрону Зорька матрону!
7	Татар	Умиршаюшка мининков почитанный Зорька тобуржийноша воспитанный или брата дьякону умиршаюшка видяника мининова тобуржийноша матрону Зорька матрону!

Фрагмент записи в Балаганской Спасской церкви 1788 г.

ные соответственно 1773, 1774, 1792, гг.: это записи о рождении у них детей. В частности, у Василия родился сын Михаил. Позднее была обнаружена запись в метрической книге заларинской Никольской церкви от 15 июля 1874 года "Исповедался заларинский крестьянин Ленденев Михаил Васильевич 82 лет". Это означает, что он родился в 1792 г.

В апреле 2007 г. поисковой группой потомков Я. Линденау были найдены записи в метрических книгах Балаганской Спасской церкви от 24 апреля 1788 года:

- В Осинской: прапорщика Ленденау у сына его Андрея родился сын Константин; восприемник (крестный отец) священник Иоанн Брбровников, восприемница (крестная мать) умершего цехового Василия Швалева жена Елена Яковлева.

- В Осинской: у крестьянина Егора Богданова родился сын Иоанн; восприемник (крестный отец) прапорщика Линденау сын Андрей, восприемница (крестная мать) Егорова мать Параскева Терентьева.

Что мы здесь видим? Во-первых, прямое свидетельство того, что у Я.Линденау был сын Андрей и внук Константин. Во-вторых, записи осуществлялись одним священником Иоанном Бобровниковым, в которых он фамилию прапорщика пишет и Ленденау, и Линденау. Видимо, в этом не было нарушений правописания. Это я к тому, что Иоанн Линденау, Стахий и Василий Ленденау с высокой степенью вероятности - братья, а как минимум - родственники. Все поселились в с. Залари (от названия бурятского рода Зайлары), у всех духовником был священник Преловский.

Преловские - довольно тесная родня Ленденевых. По переписи 1743 года в Иркутской губернии проживало чуть более 30 тысяч человек. Линденау, Ленденау, Ленденевых, Линденевых и других более-менее похожих фамилий здесь вообще не значилось.

После приезда сюда в 1747 году Якоба Линденау стала в записях часто встречаться иноземного происхождения неповторимая фамилия Линденау (Ленденау). Это были времена, когда начала активно использоваться дорога на Москву - нынешний Московский тракт. Землепроходцы и поселенцы, селящиеся ранее по берегам рек, потянулись к дорогам, в том числе и к этому тракту: это от 40 до 100 км. Здесь стали строиться много заимок (хуторов). На конец XIX века между Балаганском-Осинской и Заларями были построены многие десятки заимок. Около десятка заимок Минеева, около десятка - Распутина, около десятка - Ленденева. Все заимки назывались в родительном падеже - отсюда и многие фамилии.

По записям в заларинской Никольской церкви в XIX

столетии здесь проживали многие десятки Линденевых и Ленденевых, Линденау и Ленденау сохранились в Балаганске и Осинской.

Всего по прямым расчетам на сей день в России и за рубежом проживают до тысячи человек потомков Якова Ивановича Линденау: в большинстве своем интеллигенция, предприниматели, служащие, высококвалифицированные рабочие.

Наследие Я.И.Линденау

1. Книга "Описание народов Сибири".

2. Значительное количество рукописных трудов Я.И.Линденау хранится в ЦГАДА в Москве, в т. н. "Портфелях Миллера" и в иных различных архивах.

По утверждению д.и.н. Шириной Д.А. (институт Атласа Якутии), на сей день опубликованы в разных изданиях все этнографические труды Я.И.Линденау.

Не опубликованы, за редким исключением, его труды по географии, в том числе "Описание р. Лены с ее притоками".

Почему я на этом остановился. В источниках XVII века упоминается западный приток Лены (севернее Вилюя) под названием Ляпита (Болотистая? или Красивая?).

На генеральной карте Сибири Миллера и на современных картах западный приток Лены севернее Вилюя называется Линде. Г. Миллер в "Истории Сибири" пишет: "...изготовлена под беспрестанным моим надзиранием и по сообщенным от меня известиям новая генеральная карта о Сибири, на которой поправлены бесчисленные ошибки, находящиеся в Российском атласе. С сей карты три части напечатаны при Академии".

В числе первоисточков для генеральной карты были и карты, и географические описания Я.И. Линденау.

Невольно возникает предположение, что бывшая р. Ляпита была обозначена на генеральной карте как Линде или самим Линденау, или Миллером, который

ценил Якова Ивановича и сохранил большинство его рукописей в своих знаменитых "портфелях Миллера".

Якутские ученые из института Атласа Якутии такую версию не отвергают (д.и.н. Д.А. Ширина): могло такое случиться. Но и за основу ее не принимают.

Истоков этого наименования из якутского языка, эпоса и т.п. - не просматривается.

Река Линде - очень извилистая, с заболоченными берегами, на ней и сегодня люди постоянно не живут, не селятся. Ну чем это не Ляпита? Линде - перевод с немецкого означает: нежная, мягкая... Может быть, "линде" - это перевод на немецкий язык старинного русского слова "ляпита"?

* * *

В процессе исследования жизни Я.Линденау мне посчастливилось узнать немало интересных сведений, связанных с этой фамилией.

Во-первых, почему один из пригородов Лейпцига называется Линденау. В этом месте в 1813 году во время известной "битвы народов" армия Наполеона при трагических почти случайных обстоятельствах потеряла убитыми более 20 тысяч человек.

Во-вторых, оберландшталеистер Пруссии граф Карл Генрих Август фон Линденау (1755-1842 гг.) прославился на всю Европу своими конно-племенными заводами в Восточной Пруссии. Кто он? Откуда у него эта фамилия?

В-третьих, в Клайпеде в XIX веке были основаны "верфи Линденау", сегодня эти верфи в городе Киле в ФРГ. Откуда такое название?

Я начал с Калининградской области - части бывшей Восточной Пруссии. На карте времен "до 1945 года" обнаружил два города: Гросс-Линденау и Линденберг.

В Гросс-Линденау оказался зарегистрированный исторический памятник "Родовое поместье". Это было

имение графа Карла фон Линденау. Больше в Калининграде ничем мне помочь не смогли: в 1945 году архивы из Пруссии все были вывезены - сначала немцами, а потом и нашими спецслужбами.

По вопросу "верфей Линденау" директор Калининградского исторического музея Анатолий Алексеевич Валуев посоветовал мне обратиться к атташе по культуре консульства республики Литва Арвидасу Ионсу и дал мне рекомендации и контакты. Арвидас мне не отказал. Через неделю он сообщил контактные телефоны и электронные адреса в Вильнюсском университете, дал мне рекомендации.

Первое, что оттуда мне сообщили, - в Клайпеде эта фамилия очень популярна. Затем выслали мне краткую биографию Паула Линденау (род. в 1882 г.) - основателя кораблестроительских верфей в Клайпеде, а также его фото и некоторые документы.

Оказалось, что в 1944 году "верфи Линденау" были перебазированы в Киль, которые и сегодня являются одним из ведущих кораблестроительных производств Германии. Интересно, что Паул Линденау родом из Велау (ныне Знаменск), которое находится совсем рядом с Гросс-Линденау (ныне Озерки).

Паул Линденау. Клайпеда
1932 г.

Немного попозже из Вильнюса пришла мне по электронной почте большая иллюстрированная статья профессора Хайнца Милке на немецком языке (как и все последующие),

написанная им к 250-летию со дня рождения графа Карла Г.А. Линденау.

Уже вскоре я узнал, почему пригород Лейпцига называется Линденау. По обнаруженным в тексте электронным адресам я вышел на огромный кладезь сведений о роде Линденау. Прежде всего - статья того же профессора Хайнца Милке и Катрин Франц "Семейство Линденау как благородные владельцы в Machern". Суть ее, кратко: в 1453 году турки взяли Константинополь. Большое количество рыцарей-крестоносцев возвращались к своим родным очагам. Монархи большие и малые с большим желанием пополняли ряды своих вассалов и дружинников опытными, закаленными в походах и сражениях воинами.

В 1453 году герцог Саксонский Фридрих фон Сахсен пригласил на службу рыцаря Альбрехта из Линденау с двумя братьями Бурхортом и Гансом. Он наделил их дворянскими поместьями и титулами саксонских дворян "баронов фон Линденау". Альбрехт получил Machern и Zeititz, Ганс - Polenz и Ammelshain, Бурхорт - Lindenau.

Все братья были рыцарями ордена Иоаннитов (основан в 1057 году), который с 1530 стал именоваться Мальтийским орденом. Одной из главных эмблем - символов ордена является восьмизубчатый крест белого цвета на красном фоне, так называемый мальтийский крест.

Воинственный Бурхорт и его непоседливые потомки

не увлеклись перспективами помещичьего бытия. Поместье Линденау в 1520 году было продано городу Лейпцигу и вскоре стало его предместьем.

Линия Бурхорта завершилась в конце XVI века. Необходимо сказать, что профессор Хайнц Милке в своих трудах отслеживает потомков основателей рода Линденау по линии наследования имущества. Поэтому, как правило, дети, не являющиеся наследниками владельцами, или вообще им не упоминаются или оговариваются лишь факты их рождения.

Основателям и прародителем благородного рода Линденау считается (по Х. Милке) Альбрехт фон Линденау (1398 - 1465 гг.). Его линия существовала более 200 лет, завершилась в 1665 г. со смертью Эрнста Иоахима фон Линденау (1607-1665 гг.).

Machern и Zeitiz унаследовал Вольф фон Линденау (1634-1710 гг.) из линии Ганса. Линия Ганса - самая многочисленная, эффективная, известная и сохранившаяся по сей день линия. В 1600 году у внука Ганса, которого также звали Ганс, родился второй сын Зигмунд.

Так появились две ветви линии Ганса: А) Зигмунда Б) Георга Эрнста.

Зигмунд в 1615 году получил в наследство от умершего двоюродного брата Иоганна Генриха (1586 - 1615 гг.) рыцарский замок Хартенштайн, в котором была первоначально спрятана в 1945 году известная "Янтарная комната".

Зигмунд приобрел поместье Kossen, был известный конезаводчик. У Зигмунда в 1634 году родился сын Вольф. Сам Зигмунд во время эпидемии чумы умер в 1638 г., сына Зигмунда воспитывал его

дядя Георг Эрнст. Вольф владел половиной Polenz и Kossen, а также унаследовал поместья Альбрехта фон Линденау Machern и Zeitiz, позднее купил еще поместье Gotha. Вольф был известной и важной особой в Саксонии. Он занимал высокие государственные должности, был управителем Лейпцигского округа. У Вольфа было 18 детей. А наследовали все имущество двое младших детей: сыновья Готтфрид Ансхельм (1693 - 1749 гг.) и Иоганн Фридрих (р. в 1694 г.). Совсем в молодом возрасте Иоганн Фридрих был приглашен ко двору короля Августа Сильного в Дрезден. Он продал свое имущество второму мужу своей матери Адольфу фон Бергеру и больше сведений о нем не было.

Владелец Machern и Zeitiz - Готтфрид Ансхельм фон Линденау стал продолжателем рода Линденау. Он женился на Христиане Елизавете фон Циглер. У них было 16 детей, которые родились в период с 1721 года по 1742

год. Готтфрид Ансхельм не занимался государственными делами. У него было крупное коневодческое хозяйство. Они с женой много внимания уделяли воспитанию и образованию детей. Первым в роду Линденау имперским Графом стал их сын Генрих Готтлиб (1723 - 1789 гг.). Эта семейная пара на свои средства отлила в Лейпциге два колокола с часовым механизмом и боем

Вольф фон Линденау
(1634-1710 гг.).
Картина из собора в
Machern

Именной колокол Готтфрида и Христианы
фон Линденау отлит и установлен в 1733 г.
в соборе Machern

Колокольня собора
в Machern

Граф Генрих Готтлиб фон Линденау
(1723-1789)

и с именными надписями, которые были установлены на колокольне, построенной на их средства при соборе в Machern. В 1945 году колокольня была разрушена, в 1988 году - восстановлена вместе с этими колоколами. Эта колокольня - достойный памятник людям из рода Линденау. Их сын Генрих Готтлиб в 1744 году выкупил у отчима отца поместья Gotha и Kossen. Он получил университетское образование. В 1748 году он был назначен оберландшталмейстером Саксонии.

Действительный тайный советник, камергер Генрих Готтлиб фон Линденау в 1765 г. в Вене из рук императора получил аттестат на право титула Графа Империи. В 1780 году он основал фармакологическую школу в Дрездене. В 1783 году он основал на свои средства ветеринарный факультет в университете Лейпцига.

Единственный его сын Карл Генрих Август граф фон Линденау родился в 1755 году. В десятилетнем возрасте был принят студентом Лейпцигского университета. Здесь он подружился с великим Гете. Его высокое образование, его ярко выраженный бойцовский дух привели его на службу в Берлин и Потсдам: он был приглашен королем Фридрихом Вильгельмом II оберландшталмейстером королевства Пруссия. Он создал три новых конных завода, которые и сегодня действуют в г. Нойштадт (Доссе). В 1999 году здесь был построен представительский центр верховой езды, названный в честь и в память Карла Г.А. Линденау "Граф фон Линденау - Халле". Этот зал находится (как и конные заводы) в части города "Линденау", названной в честь графа.

В 1831 году он написал интереснейшую книгу-пособие "Заметки ветерана о благородных лошадях". В 1790 году он основал ветеринарный факультет в университете Берлина, известный в Европе вот уже более 200 лет.

Он имел чин прусского генерал-лейтенанта, был героем войны с Наполеоном, награжден многими орденами, в том числе и русским орденом "Св. Анны".

Свои владения в Саксонии он продал в 1802 году. Приобрел рыцарские поместья в Пруссии, в том числе - в Восточной. Сюда перебрались многие из его родственников, в том числе и дети брата отца Вольфа фон Линденау (1726 - 1796 гг.). Их потомком был и

уже упомянутый Паул Линденау. Граф Карл Генрих Август фон Линденау умер в 1842 году. У него не было детей.

На нем закончилась линия графов Линденау. Продолжение наследной линии перешло к потомкам его дяди Вольфа, которая существует и по сей день.

Вторая ветвь "Георга Эрнста" также весьма интересна. Они владели Polenz и Amnellshain. Внук Георга - Иоганн Георг фон Линденау был также оберландшталмейстером Саксонии (до Генриха).

Внук Иоганна Георга Бернгард Август фон Линденау (1779 - 1854 гг.) родился и умер в Альтербурге (между Дрезденом и Лейпцигом). Это был выдающийся саксонский политический и общественный деятель, ученый-астроном, почетный член Российской Академии наук с 1824 года. Закончил Лейпцигский университет, магистр юридических наук. В 1804-1817 гг. был директором Зе-ебергской обсерватории,

имеет много научных трудов.

В 1813 году воевал против Наполеона, был ранен. С 1820 года был министром и тайным советником, а с 1822 года из-за тяжелой болезни герцога фактически руководил герцогством до 1825 года. Автор саксонской конституции. С 1830 по 1843 годы был главой правительства Саксонии. Бернгард фон Линденау был меценатом и коллекционером по живописи и

Lindenay-Museum г. Альтенбург, 2005 г. Основан в 1843 г.

редкостям. Покровительствовал молодым художникам. Он построил на свои средства государственный музей с библиотекой редких книг в Альтенбурге, действующий и сегодня. Имел дочь. Его "ответвление" завершилось в 1909 году. Потомки ветви Георга Эрнста сохранили свою фамилию и род по линии двоюродной сестры Бернгарда - Фелиции фон Линденау.

Ее правнук Манфред Линденау передавал документы на экспроприирование имения Polenz властям ГДР в 1945 году.

Изучив все материалы, я пришел к выводу, что Якоб Иоганн Линденау в высокой степени вероятности является отпрыском могущественного и многодетного Вольфа фон Линденау (1634-1710 гг.): или его внук, или даже правнук, то есть он был или двоюродным братом графа Генриха Готтлиба фон Линденау, или троюродным братом графа Карла Генриха Августа фон Линденау.

Вспомним, что из 18 детей Вольфа 16 остались без

наследных прав на поместья. Конечно, он мог быть потомком представителя других линий рода Линденау - нам ведь неизвестны десятки имен их - не являющихся наследниками.

Фамилия Линденау - эксклюзивная. В 15-16 веках она не могла появиться в другом месте параллельно с саксонцами Линденау. Отец Якоба - представитель 17 века, времени, которое в Европе уже цивилизованно учитывалось и обобщалось исторической и статистической науками.

Сергей Марков писал, что Якоб Линденау называл себя "ветеринарным прапорщиком". Это же отмечали и некоторые российские ученые, а В. Лагус прямо пишет о Я. Линденау: "...собственно ветеринар, но называемый прапорщиком..."

Выше мы говорили о том, сколько много сделали люди из рода Линденау, потомственные коневоды для ветеринарной науки... Едва ли это простое совпадение? Более того, потомки Якоба Ивановича Линденау (в частности, мои дед, прадед и их братья и т.д.) многие "держали извоз", и многие были лошадиниками-коновалами (так на Руси называли лекарей по лошадям).

На дальнейшее проживание родители Якоба из Москвы переехали (видимо - возвратились) в Лифляндию, где обосновались очень многие остзейские немцы. И на учебу в 1730-1731 гг. Якоб уезжал в Германию.

Может быть, небезынтересен и такой факт: впервые (ор. 1983 г.) узнав о Я.Линденау, я направил письмо во ФРГ в Боннский университет в надежде получить какую-либо информацию о нем, не сомневаясь, что он "из немцев".

Еще одно обстоятельство серьезное: в течение XX века в России, СССР, с великим трудом удавалось издать труды ученых иноземного происхождения - участников Великой Северной экспедиции. А великий труд

Г. Миллера "История России" смогли издать в 3-х томах лишь в 2005 году. Основной причиной было то, что были и первая и вторая (Великая Отечественная) "германские" войны, которые породили негативное отношение к немцам, особенно у официальной государственной власти.

Поэтому Я.И. Линденау кто-то из ученых вполне осознанно мог назвать "обрусевшим шведом". А самое главное: нет никаких ссылок на документы или письменное уведомление, что отец Я. Линденау - швед.

Далее. Перечисляя о себе данные в "анкете" при поступлении на службу в Сенат переводчиком, Якоб Линденау назвал шесть языков, которыми он владел: первые в списке немецкий и русский языки, шведский язык им не упоминался.

Я думаю, что Я. Линденау был не шведского происхождения, а именно саксонского. Все свои труды он написал на немецком. Он был дружен с великими немцами - российскими академиками Г.Миллером. И.Гмелиным, Г.Стеллером.

Его отец мог быть немцем из Лифляндии, входящей до 1710 года в состав шведского королевства.

Известный российский генеалог, бывший председатель Свердловской областной генеалогической организации Г.В. Гассельблат, с уверенностью мне констатировал, что Линденау - не может быть шведской фамилией. Г.В. Гассельблат - швед по национальности, знает свою родословную до 15 колена. "Это немецкая фамилия", - сказал он. Профессор Н.В. Кочешков писал, что Якоб Линденау был офицером шведской армии, а потом остался в России. Но этого быть не могло, поскольку все сухопутные сражения, включая Полтавское, завершились до 1710 года, а Гангутское сражение на море - было в 1714 году.

Якоб тогда был мальчуганом. Может, отец его слу-

жил в шведской армии? Но все пленные шведы "отбыли" по несколько лет в Тюмене, Тобольске и т.п.

На службу к русским были приняты только два или три пленных полка наемников саксонцев. Если отец Якоба служил в этих полках, то он мог оказаться в Москве и родить там сына. Кстати, он тоже мог быть специалистом-коневодом.

В заключение хочу привести такие исторические сведения. Известно, что О. Бисмарк создал единую Германию в 1871 году не только "пряником". Например, Пруссия дважды оккупировала Саксонию.

Бернгард Август фон Линденау умер в 1854 году, в том же году умер и герцог Саксонии.

Начиная с 1855 года по 1862 год из Саксонии был большой исход населения в Россию. Селились переселенцы в нескольких местах, в том числе на территории нынешнего Энгельсского района Саратовской области. Одно из поселений они называли Линденау (во время первой мировой войны оно было переименовано в Овражное), а по имеющимся данным ни один из переселенцев не носил фамилии Линденау. Вероятно, это была память о родных местах. А может быть, о Бернгарде Августе фон Линденау?

*Рассказал
Валерий ЛЕНДЕНЕВ,
июнь 2007 г.
г.Новоуральск.*

* ВСЭ - Великая Северная экспедиция

** СПАН - Санкт-Петербургская Академия наук

Graf Carl von Lindenau vor 250 Jahren in Machern geboren:

Jubiläumsgeburtstag 2005

Am **21. Februar 2005** jährt sich der Geburtstag von **Carl Heinrich August Graf von Lindenau** zum 250. Male (Bild). Er ist der Schöpfer des berühmten Macherner Landschaftsgarten, was für Machern Anlass sein sollte, dieser hervorragenden Persönlichkeit würdig zu gedenken, und zwar zusätzlich zu seiner vor zwei Jahren am neuen Macherner Brunnenensemble erfolgten historischen Hervorhebung mit der Bronzetafel, die sein Abbild und seinen Namen mit dem Hinweis trägt: "**begann 1782 den Landschaftsgarten zu Machern anzulegen**".

Dieses Bild von Carl Heinrich August Graf von Lindenau diente als Vorlage für sein Abbild auf der Bronzetafel am Historischen Brunnen von Machern (s. o.)

Das sächsische Machern hat mit dem Landschaftsgarten ein besonderes Naturschmuckstück erhalten. Die Gemeinde ließ dem Park in den letzten 20 Jahren eine ausgezeichnete Pflege und umfangreiche Restaurierungen angedeihen, ganz zur Freude der vielen Parkbesucher. Der Landschaftsgarten beginnt unmittelbar am Schloss seiner Vorfahren, des hochadligen Geschlechts derer von Lindenau, wo einst auch seine Wiege stand, und breitet sich von dort mit dem 5,7 ha großen Schwemmteich als

Schwanenparadies über 35 ha aus. Neben der vielartigen Flora und Fauna, einschließlich eines gegenwärtig mit 9 Stück Damwild besetzten Hirschgartens, darunter der Platzhirsch John und der weiße Hirsch Schimmel, sind vor allem die Parkbauten wie die Ritterburg als künstliche Ruine und die große Pyramide als gedachtes gräfliches Mausoleum hervorhebenswerte Sehenswürdigkeiten.

Sein Vater ist Heinrich Gottlieb Graf von Lindenau (1723-1789), der Besitzer der Rittergüter Machern, Zeititz, Gotha und Kossen, der von 1759 bis 1763 Stallmeister (Leiter) des Graditzer Gestüts bei Torgau und danach bis 1786 Churfürstlich-sächsischer Oberstallmeister am Dresdener Hofe war. 1764 wurde er **Reichsgraf** (sein gräfliches Wappen) und 1780 der Begründer der Churfürstlichen Thierarzneischule zu Dresden, die ihm als Leiter des Oberstallamtes unterstand und später vom 1. 10. 1923 ab als Veterinärmedizinische Fakultät an die Universität Leipzig kam. Er ließ seinem Sohn eine ausgezeichnete Erziehung und Bildung zu Teil werden. Als 10 Jähriger war dieser bereits als Student an der Universität Leipzig eingeschrieben, wo er in den ersten zwei Jahren durch Freundschaften seiner beiden Hofmeister zum jungen Goethe selbst öfters mit diesem zusammen traf. Der Sohn erbte 1789 den lindenauischen Besitz in Machern und Zeititz, von dem er aber schon 1802 nach vorherigem Verkauf Abschied nahm. Das 1770 von Anton Graff auf Kupfer gemalte **lebensgroße Gemälde des Vaters** erbte er ebenfalls. Er übergab es wenige Jahre vor seinem Tode 1838 der Macherner Kirche, wo es seit 1843 in der Nähe des Altars steht: ein Andenken an seinen Vater.

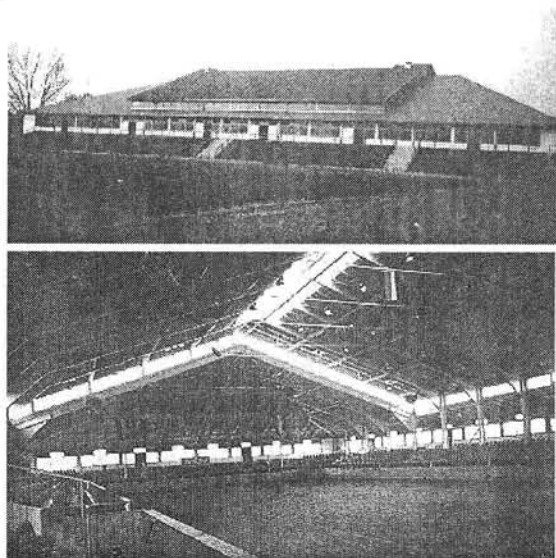
Seine Mutter ist Charlotte Auguste von Lindenau, verwitwete von Kühlewein, geborene von Seydewitz (1729-1764). Sie hatte im Jahre 1754 durch diese zweite Heirat den schon damals sehr berühmten **Auerbachs Hof in Leipzig (heute Auerbachs Keller)** als Erbteil in den Lindenau-Besitz eingebracht. Später ging dieser auch im Erbe an den Sohn über, der ihn bis zu seinem Tode in Besitz hatte. Nur während der Napoleonzeit war er von 1806 bis 1812 in andere Hände gegeben worden. Wie sein Vater saß er des öfteren im Paradesaal dieser Gaststätte unter dem großen, vom Gothaer Hofmaler Heinrich Ritter gemalten Deckenfresko "Helios im Sonnenwagen" mit den dahin rasenden Pferden, das 1912 bei den Umbauarbeiten zur Mädlerpassage an einen anderen Ort verlagert wurde, nämlich an die Decke des Ladens rechts am Ausgang der Passage zum Neumarkt. Man kann es heute dort noch bewundern (Bild u.).

Teilansicht des Deckenfresko "Helios im Sonnenwagen", einst im Paradesaal des Auerbachs Hofes, heute im Geschäft am Ausgang der Mädlerpassage/Neumarkt 14 in Leipzig.

1784 am 20. Todestag seiner geliebten Mutter ließ Carl Heinrich August Graf von Lindenau ihr zum Andenken ein Monument mit großer Urne und lateinscher Inschrift auf einem Steinsockel in dem gerade entstehenden Macherner Landschaftsgarten errichten. Nach notwendigem Ortswechsel in den 1930er Jahren steht es weiterhin in diesem Park, aber jetzt an der Kastanienallee.

Im beruflichen Standesleben führten seine hohe Bildung, ein stark ausgeprägter Kampfgeist und unnachgiebige Strenge zu großen Leistungserfolgen besonders seit er von 1786 bis 1808 unter den Königen Friedrich Wilhelm II. und III. in Berlin und Potsdam diente. Als **Königlich-preußischer Oberstallmeister** hatte er die hohe Verantwortung über alle königlichen Gestüte, von denen unter seiner Leitung 3 neu eingerichtet worden waren, nämlich das "Friedrich-Wilhelm-Gestüt" und das 1. Churmärkische Hengstdepot, auch "**Landgestüt Lindenau**" genannt, beide noch heute in Neustadt/Dosse als "Brandenburgisches Haupt- und Landgestüt" existent, sowie bei Liebenwalde das 2. Churmärkische Hengstdepot, das "Landgestüt Bischofswerder", das heute nach wechselvoller Geschichte als Etappenort und Lazarett, Championzüchtereier, Reichsfachschule des Schumacherhandwerks und Parteischule zum Club und Tagungshotel "Preußischer Hof" umfunktioniert wurde. 1999 erhielt das neu erbaute Reit- und Veranstaltungszentrum in Neustadt/Dosse ihm zu Ehren den Namen "**Graf-von-Lindenau-Halle**" (s. Bilder u.). Ebenso wie das Gestüt befindet sich auch diese Halle in dem nach dem Grafen benannten Stadtteil "**Lindenau**".

Außen- und Innenansichten der "Graf-von-Lindenau-Halle" des Reit- und Veranstaltungszentrums von Neustadt/Dosse

Gut durchdachte und konsequent ausgeführte Maßnahmen machten ihn zum **Begründer der preußischen Landespferdezucht**, wobei die geregelte und gelenkte Landesbeschälung der Stuten mit staatlichen Hengsten von entscheidender Bedeutung war. Später, 1831, **schreibt** er 76jährig das höchst interessante **Buch** "Bemerkungen eines Veteranen über edle Pferde", in dem er sich mit nicht annehmbaren Auffassungen über Pferde und Pferdezucht auseinandersetzt.

Er wurde 1790 der **Begründer und Generaldirektor der Königlichen Thierarzneischule zu Berlin**, die nach über 200 Entwicklungsjahren heute im Fachbereich Veterinärmedizin der Freien Universität Berlin weiter existiert.

Auf militärischem Gebiet stieg er bis zum preußischen **Generalleutnant** auf und nahm als Divisionär der Neumärkischen Landwehr an den Freiheitskriegen gegen Napoleon teil. Er war Träger des Ordens Pour le Merite, des Eisernen Kreuzes II., des Rothen Adler-Ordens und des russischen St. Annen-Ordens und wurde 1790 als **Johanniter-Ritter** in der Ordenskirche zu Sonnenburg bei Küstrin investiert. Er änderte daraufhin das reichsgräfliche Lindenau-Wappen (s. o.) in sein gräfliches Wappen mit achtzackigem Johanniterkreuz auf dem nun zweigeteilten Schild.

Als Krautjunker, wie er sich einmal nannte, besaß Carl Heinrich August Graf von Lindenau in seinem langen Leben nacheinander **fünf Rittergüter**: die in Machern und Zeititz bei Leipzig, in Klein-Glienicke bei Potsdam, in Büssow bei Friedeberg/Neumark und in Bahrendorf bei Beeskow. In Büssow nannte er zum Andenken an die sächsische Heimat sein 3 km entferntes **Vorwerk: Machern**. Später entwickelte sich daraus unter dem Namen Machern in der Neumark ein selbständiger Ort mit Rittergut, der seit 1945 in Polen liegt und von da ab auf Polnisch Machary heißt.

Seine Frau ist seit 1780 Christiane Henriette von Arnim (1762-1833) aus Annaburg gewesen. Ihre Ehe blieb kinderlos. Am 11. August 1842 verstarb er im Alter von 87 Jahren in Bahrendorf. Die von ihm einst in Rußland gekauften 5 schwarzen Orlov-Traber zogen seinen Sarg in das 24 km entfernte **Lieberose**, wo er **auf dem Städtischen Friedhof** neben seiner Frau und dem dortigen Freundespaar, dem Grafen Friedrich von der Schulenburg (gest. 1847) und Frau Auguste (gest. 1838), zur letzten Ruhe begraben liegt. Auf der gemeinsamen Grabstätte stehen nebeneinander 4 große eiserne Kreuze mit ihren Namen (s. Bild u.).

Die Grabstätte derer von Lindenau und derer von der Schulenburg in Lieberose:

das Kreuz ganz rechts trägt den Namen von Carl Heinrich August Graf von Lindenau.

Mehr über die von Lindenau.

Machern, 11. 04. 2004/Prof. Dr. Heinz Mielke

Prof.Dr.med.vet.habil.

Heinz Mielke

Fachtierarzt für Physiologie

**Adr.: D-04827 Machern,
Schloßblick 11**

ГРАФ КАРЛ ФОН ЛИНДЕНАУ РОДИЛСЯ В МАХЕРНЕ 250 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД:

юбилейная дата 2005 г.

21 февраля 2005 г. в 250-й раз отмечается день рождения графа Карла Генриха Августа фон Линденау (фото). Он является создателем известного махернского ландшафтного сада, что для г.Махерна должно быть поводом достойно вспомнить эту выдающуюся личность, а именно дополнительно к появившейся 2 года тому назад на проходившей новой махернской асамблее в знак его исторической значимости бронзовой доски, которая несет его портрет и его имя с указанием: " начало закладки ландшафтного сада для г.Махерн в 1782 г."

Эта картина Карла Генриха Августа графа Линденау служила образцом для изображения на бронзовой доске на Историческом Источнике г.Махерн.

Саксонский Махерн получил с появлением ландшафтного сада особую природную достопримечательность. Муниципалитет оказал парку в последние 20 лет замечательный уход и обширную реставрацию к великой радости многочисленных посетителей парка. Ландшафтный сад начинается непосредственно у замка своих предков, высокоблагородного рода Линденау, где когда-то стояла его колыбель, и простирается оттуда более чем на 35 га с прудом для купания лошадей как лебединый рай размером в 5,7 га. Наряду с разнообразием флоры и фауны, включая современный олений сад с 9 статуями ланей, среди которых олень Джон и белый олень Шимель, здесь есть прежде всего парковые постройки, являющиеся высокоценными достопримечательностями, такие как рыцарский замок в руи-

нах и большая пирамида, являющаяся графским мавзолеем.

Его отец, Генрих Готтлиб граф фон Линденау (1723-1789), владелец рыцарских имений Махерна, Цайтитца, Готы и Коссена, был с 1759 г. по 1763 г. руководителем конного завода у Торгау и после этого с 1786 г. саксонским верховным руководителем при Дрезденском дворе. В 1764 г. он стал государственным графом (свой графский герб) и в 1780г. основал фармакологическую школу в Дрездене, которая подчинялась ему как руководителю верховной службы и позднее с 01.10.1923г. перешла в ветеринарно-медицинский факультет лейпцигского университета. Он дал своему сыну отличное воспитание и отчасти образование. 10-летним мальчиком он был уже записан студентом лейпцигского университета, где он в первые 2 года часто встречался с молодым Гете, т.к. тот дружил с его двумя гувернерами. Сын унаследовал в 1789 г. линденаушское владение в Махерне и Цайтитце, с которым он однако простился благодаря продаже уже в 1802г. Равным образом унаследовал он и написанный в 1770 г. Антоном Граффом на меди портрет отца в натуральную величину. Незадолго до своей смерти в 1838г. он передал портрет махернской церкви, где он стоит с 1843 г. вблизи алтаря: в память о своем отце.

Его мать - Шарлотта Августа фон Линденау, во вдовстве фон Кюлевайн, урожденная фон Зейдевитц (1729-1764). Благодаря этому своему второму замужеству в 1754 г. она внесла как наследственную часть во владение Линденау уже тогда очень известный Ауэрбахскеллер-погребок) Позднее он перешел также в наследство сыну, который владел им до своей смерти. Только в наполеоновское время с 1806 г. по 1812 г. он передавался в другие руки. Как и его отец сидел он чаще всего в парадном зале этого ресторана под большой потолочной

фреской, написанной придворным художником Генрихом Риттером, где изображены мчащиеся лошади, и которая в 1912г. была перенесена во время реставрационных работ на другое место в Мэдлерпассаж, а именно на потолок магазина справа от выхода из пассажа на Новый рынок. Ею можно любоваться там и сегодня.

Фрагмент потолочной фрески "Гелиос в солнечной повозке", в прежние времена в парадном зале Ауэрбахсхоф, сегодня в магазине на выходе Мэдлерпассаж/Ноймаркт 14 в Лейпциге.

В 1784 г. на 20-ю годовщину смерти его любимой матушки Карл Генрих Август граф фон Линденау воздвиг в ее память монумент с большой урной и латинской надписью на каменном цоколе в это время созданном ландшафтном саду Махерна. После необходимой смены места в 1930-е годы монумент стоит несколько подальше в том же парке, однако теперь на каштановой аллее.

В профессиональном плане его высокое образование, его сильно выраженный бойцовый дух и неустанное стремление к великим успехам, особенно во времена королей Фридриха Вильгельма 2 и 3 с 1786 по 1808 гг.. привели его на службу в Берлин и Потсдам. Как королевско-прусский Оберштальмайстер имел он высокую ответственность за все королевские конные заводы, из которых под его руководством было создано 3 новых, а именно: "Фридрих-Вильгельм - конный завод", конное депо для жеребцов, которое было названо "Земельный конный завод Линденау" (оба еще сегодня функционируют в Нойштадт/Доссе как "Бранденбургский главный конный завод"), а также у Либенвальда второе депо для жеребцов "Земельный конный завод Бишофсвердер", который сегодня после того, как за долгую историю по-

бывал местом для лазарета, тыла, разведения животных - чемпионов, государственным училищем Шумахерских мастерских и партийной школой, стал клубом и отелем съездов "Прусский Двор". В 1999 г. получил вновь построенный представительский центр верховой езды в Нойштадт/Доссе в его честь название "Зал графа фон Линденау - Граф-фон-Линденау-Халле" (фото) Точно также как конный завод, этот Зал находится в части города "Линденау", названной в честь графа.

Внешний и внутренний вид "Граф- фон- Линденау- Халле" представительского центра верховой езды в Нойштадт/Доссе.

Хорошо продуманные и последовательно проведенные мероприятия сделали его основателем прусского коневодства, причем решающее значение отводилось упорядоченной и управляемой случке кобыл с государственными жеребцами. Позднее, в 1831 г. он, 76-летний пишет книгу, вызвавшую огромный интерес, "Заметки ветерана о благородных лошадях", в которой он дискутирует с неприемлемым мнением о лошадях и коневодстве.

В 1790 г. он стал основателем и генеральным директором ветеринарной школы в Берлине, которая существует после 200-летнего развития сегодня как отделение ветеринарной медицины в Свободном университете Берлина.

В военной области поднялся он до прусского генерал-лейтенанта и принимал участие в освободительных войнах против Наполеона как руководитель дивизии ноймэркского ополчения. Он был награжден орденом Pour le Merite, железным крестом II степени, орденом Красного Орла и орденом русской Анны и был

утвержден в 1790 г. в сане Johanniter-рыцаря орденом церкви в Зонненбурге у Кюстрина. Он поменял при этом государственный графский герб Линденау на свой графский герб с восьмизубчатым крестом на разделенном на 2 части щите.

Как провинциальный дворянин, как он себя однажды назвал, обладал Карл Генрих Август граф фон Линденау за свою долгую жизнь по очереди пятью рыцарскими поместьями: одно в Махерне и Цайтитце у Лейпцига, в Клайн Глинке у Потсдама, в Бюссове у Фридеберг/Ноймарк и в Баренсдорфе у Беескова. В Бюссове назвал он в память о своей саксонской родине свой на 3 км отдаленный хутор: Махерн. Позднее из него развилось под именем Махерн в Ноймарке самостоятельное местечко с рыцарским имением, которое располагается с 1945 г. в Польше и с этого времени называется на польском языке Machary.

Его жена- с 1780 г. Кристиана Генриетта фон Арним (1762-1833) из Аннабурга. У них не было детей. 11 августа 1842 г. он скончался в возрасте 87 лет в Баренсдорфе. 5 ранее купленных им в России черных орловских рысаков увезли его гроб в на 24 км.отдаленную Либерозе, где он лежит похороненным на городском кладбище рядом с женой и тогдашними его друзьями, семейной парой графом Фридрихом фон Шуленбург (умер в 1847) и его женой Августиной (умерла в 1838 г.). На совместной могиле друг возле друга стоят 4 больших железных креста с их именами.

Могила Линденау и Шуленбургов в Либерозе: крест справа подписан именем Карла Генриха Августа графа фон Линденау.

Махерн, 11.04.2004/ Проф.доктор Хайнц Милке.

НА ВСЕХ ФРОНТАХ И НА БЕРЕГАХ АМЕРИКИ...

Сам я родился после завершения Великой Отечественной войны и, понятно, прямого отношения к Великой Победе не имею.

Но очень многим из нашей семьи, нашего рода выпало повоевать за Отечество: прадеду, дедам, отцу и его брату, многочисленным их двоюродным, троюродным и т.д. братьям, брату матери, двоюродным и троюродным их братьям...

В нашем роду было много погибших в войнах. Естественно, что ни я, ни мои братья и сестры (с 1957 года - все ангарчане по нынешний день) не могли их лично знать.

О войнах нам рассказывали те, которые вернулись с них живыми.

Прадед мой, Николай Ленденев (по рассказам его сына Кузьмы - отца моего отца), был участником русско-турецкой войны 1877-1878 гг., помогал болгарам освободиться от османского ига. Он был вольноопределяющимся (по-нынешнему - контрактник). Служил санитаром ветеринарной службы, лечил раненых и больных лошадей. Многие Ленденевы были потомственными лошадиниками-коновалами. Прадед заслужил лычку на погоны и солдатскую медаль.

Дед, Кузьма Ленденев, воевал в русско-японскую войну 1904-1905 гг. в пехоте, был уча-

Кузьма Николаевич
Ленденев,
25 лет, 1905 г.

стником известного сражения под Мукденом. Через десять лет его мобилизовали и на "первую германскую". Судьба занесла деда аж в Галицию. В этой войне он был ездовым в артиллерии. Как и его отец, Кузьма заработал лычку и был награжден солдатской медалью.

В 1917 году ему было 38 лет. В Гражданской войне участия не принимал. В середине 20-х годов он с семьей в числе многочисленной родовой уехал на Сахалин: тогда начинали строить железную дорогу к нефтепромыслам до Охи. Там можно было хорошо заработать, да и жить подальше от тогдашней "перестройки".

Фома Петрович
Чемоданов,
48 лет, 1945 г.

Второй дед (по матери моей - Розалии Фоминичне), Фома Чемоданов, в 1914 году был еще непризывного возраста и на германской войне не был. Был он совершенно неграмотным орловским крестьянином. В 1918 году он примкнул к большевикам и в составе 5-й Армии оказался в Сибири, здесь он и женился на моей бабушке Пелагее Иннокентьевне. Позднее работал в различных советских органах.

В 1942 году (ему было 45 лет) он был призван в армию. Прослужил воздушным стрелком в Монголии по соседству с Японской Квантунской армией, потом воевал с ними в августе-сентябре 1945 г. В октябре 1945 года вернулся домой "на гражданку". За боевые действия Фома Петрович был награжден медалью "За отвагу".

Отец мой Сергей Ленденев в 18 лет, в 1941 году, был призван в училище офицеров радиосвязи. Перед призывом он женился на Розе Чемодановой. Его старший

Сергей Ленденев,
22 года 1945 г.

брат Михаил Ленденев в 28 лет, в 1941 году, был призван в училище офицеров артиллерии. С 1942 года они в звании младших лейтенантов были направлены на действующий фронт.

Разными оказались фронтовые дороги братьев. Отец с 1942 г. по 1944 г. воевал практически в одном месте в пределах границ СССР в северной части Карелии. Здесь со стороны противника в основном действовали финские части.

В 1944 году некоторая часть наших войск отсюда была передислоцирована в Монголию для усиления группировки наших Вооруженных Сил, стоящих на линии разделения с Квантунской армией, провокации которой участились и были весьма опасны. Так отец оказался в Манчжурии.

В августе-сентябре 1945 г. Сергей Ленденев был активным участником боевых действий, здесь получил ранение средней тяжести в голову. За личные боевые заслуги отец был награжден двумя орденами и медалью, не считая массовых наград участников этих войн. До пенсии служил в Советской Армии, в Ангарском городском военкомате. Умер отец довольно рано. Похоронен в Ангарске.

Более интересная (если можно так сказать) личная военная эпопея была у Михаила Ленденева. Дядя Миша больше воевал на юго-западном направлении. Первый орден Отечественной войны он получил за бои при форсировании Днепра. Он был командиром огневого взвода 120-миллиметровых полковых минометов. Это было очень тяжелое по весу оружие: и сам ствол, и опорная

плита - на "горбу" их не потаскаешь. Солдаты нашли где-то тележки от полевых кухонь. Делали несколько залпов, затем с помощью тележек быстро меняли месторасположения.

За эффективность действий и находчивость весь взвод получил награды, в том числе и дядя Миша. Потом была Яско-Кишиневская операция в Молдавии, а далее - Румыния, Болгария, Югославия, Венгрия, Австрия, Чехословакия, Германия, затем с месяц стоял в Польше. Здесь собирали эшелоны в Монголию. Оказалась там и батарея старшего лейтенанта Михаила Ленденева. Затем была встреча с родными, друзьями в родном Иркутске - эшелон стоял там сутки. А дальше - Манчжурия, последние бои, последние боевые награды.

Дядя Миша за время двух войн был трижды ранен, награжден за личные заслуги тремя орденами и двумя медалями, не считая массовых наград участников этих войн. До 1949 года служил во Владивостоке начфином (он был бухгалтер), в 36 лет вернулся в Иркутск, где и жил до конца дней своих.

Мама моя Розалия Фоминична работала на оборонном предприятии (1942-1945 гг.). Сегодня - ветеран тыла, ветеран АУС-16, пенсионер. С 1957 года живет в Ангарске.

Брат ее, Владислав, 1926 г.р., с детства грезил морем, он с 1942 года учился на штурмана во Владивостоке. В 1944 году их ускоренно выпустили, и 18-летний дядя Владя был направлен на транспортный флот вахтенным

Михаил Ленденев,
32 года, 1945 г.

Владислав Чумоданов,
20 лет, 1946 г.

штурманом. Ходили "по лендлизу" в Портленд, в США, доставляли союзническую помощь.

В основном это были танки, автомобили, мотоциклы, зенитки, стрелковое оружие, солдатские ботинки, сгущенка, тушенка, мука и т.д.

Дядя Владя живет на Байкале, и по сей день его приглашают читать "часы" по штурманской науке в мореходке, в п.Листвянка на Байкале.

Двоюродный брат матери Леонид Пулин, 1921 г.р., с 1942 по 1944 годы воевал наводчиком орудия в танках Т-34 и КВ-1.

Дядя Леня был участником сражений на Курской дуге и под Белой Церковью. За войну он сменил более десятка боевых машин, несколько раз был ранен, получил тяжелое заболевание легких. За полгода до окончания войны, после тяжелого ранения он был демобилизован. У дяди Лени, как говорится, вся грудь была в орденах и медалях, полученных им за доблесть и героизм. В 1960 году он с семьей переехал в Ангарск. Работал на Ангарском нефтехимическом комбинате. Последние годы жизни дядя Леня работал сторожем на туристической базе - легким требовался свежий воздух. Похоронен в городе Ангарске.

Муж сестры моей бабушки Пелагеи, Георгий Мальцев, в войну служил в железнодорожных частях. Жил и похоронен в Ангарске.

Троюродный брат и ровесник отца Андрей Ленденев был военным летчиком: три ордена, много медалей, долго жил в Ангарске, сегодня он гражданин Украины.

Троюродный брат отца Александр Ленденев, 1927 г.р., успел год повоевать за Родину в штурмовой авиации воздушным стрелком. Получил два тяжелых ранения, горел в самолете.

80-летний Александр Сергеевич и сегодня продолжает работать на благо Отчизны: учитель сельской школы в с.Холмогой Иркутской области.

Моя воинская специальность - мотострелок, родной брат Владислав (кандидат технических наук) срочную отслужил на военном аэродроме.

Завершая свое повествование, хочу рассказать об интересном, любопытном и характерном для того времени случае, связанном с призывом в армию. Был 1957 год. Мы жили в заполярной Якутии на Лене-реке. Жил в поселке такой парень Шурка Рябов. Был он веселый, добрый, белокурый, симпатичный парень. Он любил щеголять в солдатской гимнастерке и галифе, на кудрях - фуражка. Исполнилось ему 19 лет - призывной возраст в те времена.

Шурка страстно мечтал служить в армии и ждал призыва с нетерпением. Но его не призвали. Дело в том, что Шурка имел рост 149 см, а минимум допускался - 150 см.

Для Шурки это было трагедией. Надо сказать, что, несмотря на юный возраст, Шурка входил в тройку самых опытных, удачливых рыбаков в округе - он брал тайменя. В тех местах это было "ого!", покруче, чем взять, например, крупного осетра, или стерлядку.

Поселковые, войдя в Шуркино положение, написали коллективное письмо в республиканский военкомат, в

Александр Ленденев,
18 лет, 1945 г.

Якутск, с просьбой сделать для Рябова исключение и призвать его в армию.

Долго решался вопрос. Разрешили! Шурку на паром ход провожали всем поселком. А мы, пацаны, старались при случае оказаться поближе к нашему любимцу...

Валерий ЛЕНДЕНЕВ

Редакционная коллегия:

Редактор и составитель сборника
В.С. Ленденев

Корректор
М.Б. Фадеева

Члены редакционной коллегии:
А.А. Барыс,
Н.М. Шадрина

Компьютерная верстка Н.В. Южакова.

Гарнитура PragmaticaCTT.

Формат 60х84/16. Печать офсетная.

Тираж 1000. Цена свободная.

Отпечатано в ГУП СО «Кировградская типография» (г. Кировград, ул. Свердлова, 35). Заказ 1954.

